

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI
TOIMETISED

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS

681

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН:
ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
РАЗВИТИЯ

Труды по географии

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893.a. VIÑIK 68! ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893.g.

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН:
ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
РАЗВИТИЯ

Труды по географии

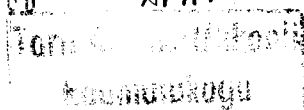
ТАРТУ 1984

Редакционная коллегия: С. Нильшик (председатель),
М. Вабар, А. Марксоо

Ответственный редактор У. Праги

INSTITUT

Arch.

8171

БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ И БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

С.Б. Лавров

В последние годы четко определилась необходимость комплексного анализа проблем Мирового океана, освоение которого является одной из глобальных проблем современности. Это привело к зарождению новой ветви географической науки – географии Мирового океана, – охватывающей все аспекты природных и экономических процессов на океане и в контактной зоне «суша – море». Большое внимание к проблемам океана в советской географической науке проявилось, в частности, в выходе нескольких томов серии «География Мирового океана».

Для географов Эстонии понятен и характерен особый интерес к географическим проблемам Балтики и прибалтийских государств, во многом общим проблемам стран, развивающих международное сотрудничество в деле охраны Балтики, рационального использования ее ресурсов. Большая научная работа в этом направлении ведется во всех прибалтийских странах, географы которых представили свои статьи в этот сборник.

«Балтика – маленькое море, большие проблемы», – так назвал свою книгу профессор Берлинского университета им. Гумбольдта П. Хупфер (1982). «Маленькое море» сказано конечно достаточно условно, ибо площадь его достигает 415 тыс. км², а длина береговой линии превышает при самом генерализованном подсчете 7000 км.

«Маленькое море» является международным морем, омывающим берега семи государств – Советского Союза, Польши, ГДР, Финляндии, Швеции, Дании и ФРГ.

Все побережье Балтики – район древнего заселения и освоения, а ныне – выход к морю развитых и плотнонаселенных регионов социалистических и капиталистических стран. В Советском Союзе это – Северо-Западный и Прибалтийский районы с очень высоким и разнообразным промышленным потенциалом, развитой сетью инфраструктуры, крупными городами и портами (Ленинград – 4,5 млн. чел.), столицами прибалтийских республик – Ригой (835 тыс. чел.) и Таллином (430 тыс. чел.), Калининградом и Клайпедой.

Морское хозяйство доминирует и в польском Поморье, где

находятся крупные портово-промышленные комплексы «Троеградье» (Гданьск-Сопот-Гдыня, насчитывающий около 450 тыс. чел.) и Щецина (381 тыс. чел.) с крупным судостроением и переработкой импортного сырья. Прибрежные районы являются и главной рекреационной зоной страны.

Север ГДР был относительно отсталым районом, но в годы народной власти развивался ускоренными темпами. Здесь вырос крупный портово-промышленный комплекс Росток-Варнемюнде (230 тыс. чел.) с современными предприятиями морского и речного судостроения, атомная электростанция «Норд» (у Грейфсвальда). На морском побережье ежегодно отдыхает 2,5 млн. человек.

Для экономики Финляндии, Швеции и Дании характерен высокий современный уровень — большая роль машиностроения, и особенно судостроения, электротехники и электроники, традиционных отраслей экспортного значения, и прежде всего целлюлозно-бумажной и пищевой промышленности. Вся территория Дании к тому же отличается высокоинтенсивным сельским хозяйством, а в Швеции и Финляндии это особенно характерно для приморских районов.

Концентрация на побережье большей части экономического потенциала определяет и современную структуру расселения — в Финляндии, например, в южных районах сосредоточено более 4/5 всего населения, а плотность его достигает 45-80 человек на км². В Швеции наиболее плотно населена также приморская полоса шириной до 50 км. В приморской полосе сформированы и столицы этих стран: Стокгольм (в пределах агломерации — 2,5 млн. чел.), Копенгаген (1,4 млн. чел.), Хельсинки (880 тыс. чел.), а также шведско-датская агломерация на берегах Эресунна — 2,8 млн. чел.

Довольно узкая специализация хозяйства этих стран порождает экспортную ориентацию их производства при большой зависимости от импорта сырья и топлива. На внешний рынок идет более 1/3 всей промышленной продукции, а в ряде отраслей — до 50-80%.

Самой небольшой полосой балтийского побережья располагает ФРГ — всего 200 км, — но это — морской выход на восток, важный в торговле с социалистическими странами, зона таких старинных портов как Киль и Любек, здесь находится и восточный вход в Кильский канал.

К Балтике выходят и социалистические государства — члены Варшавского договора, и капиталистические страны, как ней-

тральные - Финляндия и Швеция, так и члены НАТО - ФРГ и Дания. Она может стать ареной широкого международного сотрудничества. Может, если будут реализованы предложения СССР - стать морем мира. И этот путь являлся бы естественным и выгодным всем, ибо велико и интернационально экономическое значение бассейна Балтики - внешнеторговое, транспортное и ресурсное, - сложны проблемы охраны этого довольно изолированного моря.

На „маленькое море" приходится до 10% мировых морских перевозок, оно представляет собой сплошную сеть международных и внутренних линий, а берега его - цепи малых и больших портов. Одних паромных линий здесь около 80. На западе Балтика связана с Северным морем системой проливов, крупным международным путем - Кильским каналом, проходящим через основание Ютландского полуострова. Для некоторых стран бассейна морской транспорт играет решающую роль во внешнеторговых связях. Так, в Дании его доля достигает 78%, в Швеции - 68% (В 70-х гг. суммарный грузооборот портов Балтики достигал 140 млн. т. Экономическая география Мирового океана. 1979, с. 166, 192). Большое значение имеет рост экономических связей стран СЭВ, быстрое развитие их морского транспорта. Многие порты этих стран были созданы по сути заново - океанский порт и Северный порт у Гданьска, Клайпедский порт и строящийся новый порт в Таллине. Характерно, что порты зарубежных социалистических стран, созданные и модернизированные в последние десятилетия, сильно превосходят сейчас по масштабам работы традиционные, давно сложившиеся портовые комплексы других прибалтийских стран. Так, грузооборот Гданьска и Гдыни составил 38 млн. т, Щецина - 25 млн. т, Ростока - 12 млн. т, тогда как Копенгагена - 9 млн. т, Хельсинки - более 6 млн. т, Стокгольма - 5 млн. т (Fischer Alma-nach '83) .

Естественно, что такое значение морских связей, морского транспорта и инфраструктуры создает особый круг проблем и для прибрежных районов. „Морские отрасли" промышленности типичны для всех портовых городов Балтики.

Велико и ресурсное значение Балтики - уловы рыбы здесь достигали 12% мировой добычи ее (1970). Основными объектами лова являются салака и треска. В последние годы, однако, возникли серьезные опасения истощения рыбных ресурсов в связи со сложными природными процессами и усиливающимся загрязнением моря. В 1973 г. была принята Гданьская конвенция о рыболовстве и охране живых ресурсов Балтики, которая должна

гарантировать развитие рыбных запасов на здоровой основе. Большое значение рыболовства для некоторых приморских районов обуславливает специфические структуры расселения на побережье (рыболовные порты, цепочки рыболовецких поселков), большое значение рыбоконсервной промышленности.

Ресурсы Балтики – это не только рыба, но и полезные ископаемые прибрежных районов: железная руда Кируны, горючие сланцы Эстонии и фосфориты Ленинградской области, янтарь Калининградского побережья, Финляндии и Швеции, другие строительные материалы во многих районах. В последние годы открыты небольшие месторождения нефти и природного газа на шельфе ГДР, поиски нефти ведутся и в других районах Балтики. Социалистические страны в 1975 г. создали в Гданьске совместное объединение для разведки таких месторождений.

Балтийское побережье – важный рекреационный район. В Советской Прибалтике сформировались такие крупные рекреационные системы, как Юрмала и Паланга, современные комплексы приморского отдыха созданы в Швеции на побережье Ботнического залива и Балтики, а также на о. Готланд. Крупный поток туристов и отдыхающих характерен для Дании с большим положительным сальдо международного туризма (Мироненко Н.С., Твердохлебов И.Т., 1981, с. 193).

Огромную роль сейчас играют экологические проблемы – меры по охране Балтики от загрязнения, ибо Балтика относится к наиболее пострадавшим районам Мирового океана, по терминологии Международной конвенции 1973 г. – к «особым районам» (Экономическая география Мирового океана, с. 272, 275).

Урбанизация и интенсивное хозяйство плотнонаселенных прибрежных районов, большая транспортная и рекреационная «нагрузка» – все это обуславливает высокий уровень как промышленного, так и хозяйственно-бытового загрязнения. В организациях моллюсков, морских птиц, рыб и тюленей, которые живут в Балтике, установлено повышенное содержание ДДТ и продуктов его распада, велико содержание в воде многочисленных промышленных отходов, в том числе и наиболее опасных (ртути), отходов целлюлозно-бумажной промышленности, значительно и нефтяное загрязнение. Сдвиг к морю промышленности вообще, строительство на морском побережье АЭС (в Швеции все 6 АЭС построены на берегу моря) способствует тепловому загрязнению. Все это в сочетании с медленным обменом вод Балтики особенно обостряет проблему загрязнения.

Спутниковые фотографии Балтийского моря показывают, что

на ФРГ и Швецию приходится по 20% общего загрязнения Балтики (хотя морской выход ФРГ к Балтике ничтожен по протяженности), на Данию - 15%, на Финляндию - 5%, т.е. в целом капиталистические страны дают 60% ее загрязнения (Егорова aus dem All, 1972). Проблема международна и должна решаться международными усилиями.

22 марта 1974 г. в Хельсинки была подписана конвенция об охране морской среды района Балтийского моря, которая устанавливает меры по предотвращению загрязнения его среды (Правда, 1974, 24 марта). Она впервые в международной практике отношений стран с различными социально-экономическими системами предусматривает запрещение и ограничение загрязнения морской среды любыми путями из всех источников (вынос реками неочищенных промышленных и коммунальных сточных вод, аварии и нормальная эксплуатация морских судов, перевозящих нефть и другие вредные вещества, а также затопление токсичных отходов), включая охрану дна Балтийского моря в пределах всей его акватории (вне прибрежной морской полосы шириной 22,5 км. Экономическая география Мирового океана, с. 277). Увеличивается координация усилий по охране природной среды Балтики странами СЭВ.

Круг проблем Балтийского бассейна велик и разнообразен, общим является их региональность: специфика природной среды накладывает свой отпечаток на любую из них, системы расселения, хозяйства; инфраструктуры транспортных связей региона также являются уникальными, требуют особого комплекса мер и решений, их тесной координации на международном уровне.

Географическая наука имеет большой опыт разработки этих проблем, начиная с давних времен. Русские гидрографические и картографические работы в Финском заливе начались в начале 18 века, а в 1738 г. Ф.И. Соймонов издал атлас Балтийского моря, составленный по русским и иностранным источникам. Первые глубоководные гидрологические исследования в середине 80-х гг. прошлого века были выполнены С.О. Макаровым. Эстонские ученые также давно занимаются морской проблематикой: еще в 1858 г. вышел труд К. Райтлефа о всемирно-историческом значении морей (История Тартуского университета 1632-1982 гг., с. 99). В советские годы изучение Балтики и прибрежных районов усилилось. Был создан ряд крупных научно-исследовательских учреждений по этой тематике.

Многообразие проблем бассейна Балтики обуславливает необходимость широкого междисциплинарного подхода к их исследо-

ванию. Свое место в этом подходе занимает экономическая и социальная география, исследующая территориальную организацию хозяйства в приморских районах и в океане. Эта тематика тоже является весьма широкой, поэтому для сколько-нибудь полного ее охвата понадобилось бы несколько сборников. Данный выпуск "Ученых записок ТГУ" посвящен преимущественно региональной и урбанистической проблематике прибалтийских государств – важному разделу исследований приморских районов. Чрезмерная концентрация и быстрое наращивание промышленного потенциала на морском побережье во многих странах мира ("сдвиг к морю"), а также связанная с ними гиперурбанизация морских побережий усложняют проблематику охраны морской среды. Поэтому вопросы рационализации регионального развития, ограничения роста крупных городов – все это является важной предпосылкой действенного претворения в жизнь международных соглашений по Балтике – одному из важных и уникальных районов мира.

Литература

- История Тартуского университета 1632–1982. – Таллин: Валгус, 1983.
- Мироненко Н.С., Твердохлебов И.Т. Рекреационная география. – М.: МГУ, 1981.
- Правда, 24 марта 1974.
- Хупфер П. Балтика – маленькое море, большие проблемы. – Л.: Гидрометеиздат, 1982 – 136 с.
- Экономическая география Мирового океана. – Л.: Наука, 1979.
- Europa aus dem All. 1972.
- Fischer Almanach '83. Frankfurt a.M., 1982.

The Baltic - Sea and Region

S. Lavrov

S u m m a r y

The Baltic is a small but important international sea, it washes the coasts of seven states. The Baltic Sea is an international water-way, in 1970 12 % of world fish were caught here, its coastal regions contain some important mineral resources. There is a number of big and small resorts on the Baltic Sea. The sea is heavily polluted. Therefore the international co-operation of all Baltic states, both the socialist and capitalist ones is developing. The nuclear-free zone should be established on the Baltic Sea.

The problems of the Baltic and its bordering countries are complex, and there are many geographical topics among them. This collection of papers deals with some of them, mainly with urbanistic and regional planning problems.

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА И НАПРАВЛЕНИЯ ЕЕ ИССЛЕДОВАНИЙ

В.В. Анненков

В 1970-х годах в СССР усиление интеграционных тенденций в географической науке, а также потребностей практики управления в комплексном системном отражении сферы взаимодействия общества и природы привели к поискам таких моделей и программ географических исследований, которые могли бы объединить одной задачей и достаточно общим понятийным аппаратом многочисленные ветви общественной и физической географии.

Интегрирующим стало понятие ландшафта, ранее применявшееся в отечественной школе ландшафтоведения к чисто природным комплексам, а ныне включившее и антропогенные тела и явления (Методы..., 1982). Наряду с морфологическим изучением природных и культурных ландшафтов развиваются и исследования их функционирования, например, учение о геосистемах (Сочава, 1978). Чтобы понять механизм функционирования, необходимо изучать взаимодействия компонентов ландшафта не только в его морфологических границах, но в более обширных системах связей, причем не только природных, но и социально-экономических. Помимо морфологического понятия "ландшафт", необходимо и особое интегрирующее понятие, отражающее взаимосвязанное функционирование разнородных объектов в ландшафтной сфере Земли.

На наш взгляд, значительным интеграционным потенциалом обладает понятие территориальной организации общественного воспроизводства. Задача данной статьи - раскрыть содержание этого понятия и на основе модели территориальной организации систематизировать направления ее исследований.

Исходные понятия

Начнем с пояснения причин, побудивших отказаться от ранее принятой формулировки "территориальная организация общества и среды" (Анненков, 1980). Во-первых, и общество, и среда - термины полисемичные, содержание которых исторически менялось. Достаточно сравнить определения общества во втором и третьем издании Большой Советской Энциклопедии.

Полисемия обоих терминов затрудняет точное разграничение их содержания: в ряде значений термины «общество» и «среда» перекрывают друг друга. Во-вторых, словосочетание «территориальная организация общества и среды» (или общества и природы) акцентирует внимание на взаимодействиях двух разнородных систем при недостаточном учете связей внутри каждой из них, влияющих на их взаимодействия. Например, взаимодействие между обществом и природой в современном крупном городе определяется не только параметрами общества и природы, а также природно-технических систем в границах города, но и географическим положением города в системах территориального разделения труда, социальных и культурных связей, что влияет на рост города, а через этот рост — и на антропогенное изменение природной среды. В-третьих, считая объектом исследования не общество и природу, а общественное воспроизводство, мы отказываемся от механического соединения представлений и методов экономической и физической географии и ставим задачу разработки интегральной модели общественного воспроизводства как взаимосвязанного функционирования общественных и природных систем.

В экономической науке под общественным воспроизводством обычно понимается повторение процесса производства с возобновлением способа производства и других его материальных и социальных условий. В.В. Покшишевский (1974) показал значение категории «общественное воспроизводство» для экономической географии, раскрыв существенные аспекты этого понятия (не только производство средств к жизни, но и воспроизводство поколений населения, и необходимое для этого «бесчисленное и многообразное множество актов потребления», а также живой и овеществленный труд). В этой же работе В.В. Покшишевский применил термин «территориальная организация общественного воспроизводства», к сожалению, без четкого определения (стр. 30).

Нам представляется, что реальное общественное воспроизводство сложнее экономической и экономико-географической трактовки этого термина. В общественное воспроизводство, наряду с воспроизводством основных фондов, средств к жизни и самой жизни населения, входит и восстановление необходимых производству и населению возобновимых естественных ресурсов и природных условий. Зависимость хозяйства и населения от природы сохраняется во всей истории человечества, меняя лишь свои формы и роль в общественном воспроизводстве в свя-

зи со сменой способов производства и общественно-экономических формаций. Абстрагирование от природных условий в концепции общественного воспроизводства было возможно 100–150 лет назад, когда в ходе индустриализации стремительно возрастала роль овеществленного труда в обеспечении жизни населения, но воздействие машинного производства до поры до времени не приводило к необратимым изменениям в природных комплексах. Исследования антропогенных изменений в природе в последние десятилетия показали, что во многих районах мира этот "золотой" для экономического редукционизма век уже позади. Ныне роль природной составляющей в общественном воспроизводстве вновь усиливается. Понятие общественного воспроизводства в широком смысле может стать одним из ведущих в интеграции естественных и общественных наук.

Наряду с изменениями в системах "население-хозяйство-природа", произошли серьезные сдвиги и в другом классе систем, входящих в общественное воспроизводство, а именно – в социально-экономических и культурных взаимодействиях между различными местностями, районами, странами, континентами. Если в средние века общественное воспроизводство замыкалось преимущественно в системах "деревня-город", в новое время – в государственных границах, позднее – в границах колониальных империй, то ныне многие важные для общественного воспроизводства системы выходят на глобальный уровень.

Не трудно заметить противоречие между реальным расширением состава и пространственных масштабов общественного воспроизводства, с одной стороны, и ограниченными возможностями его научного отражения, с другой. Как без ущерба для передачи существенной информации отразить в представлении об общественном воспроизводстве и его составляющие в той или иной местности, и иерархическую систему взаимодействий местностей вплоть до глобального уровня? Как представить не только состав и строение, но и функционирование этой суперсложной системы? Достаточно ли взять результаты исследований отдельных аспектов общественного воспроизводства и обобщить их путем, например, междисциплинарной всесоборной конференции? Даст ли такое суммирование системное представление о современном воспроизводстве, или для этого нужны новые исследования в неизвестных еще науке направлениях? Оставляя эти вопросы для широкой междисциплинарной дискуссии по понятию общественного воспроизводства, перейдем к понятию территориальной организации.

Термин «территориальная организация» стал распространяться в географической литературе с 1960-х годов (Пробст, 1965; Саушкин, 1961; Саушкин и др., 1967; Территориальная..., 1978). Б.С. Хорев (1980) уже отмечал неоднозначное употребление этого термина. Спустя полтора десятилетия после статьи А.Т. Хрущева (1966), он еще нередко используется как синоним термина «размещение». Однако неоднозначность термина «территориальная организация» имеет более глубокие корни, чем просто модное его употребление.

Начнем с термина «организация». В. Боголепов и А. Малиновский (1967) приводят три его значения: 1) упорядочение, налаживание, приведение в систему некоторого объекта (условимся называть это значение «конструктивным» – В.А.); 2) расположение, соотношение частей какого-либо целого, его строение, взаимосвязь (это значение будем называть «естественно-историческим» – В.А.); 3) учреждение, социальный институт. В экономической географии СССР, откуда стал распространяться термин «территориальная организация», преобладает конструктивное понятие организации как сознательно проводимого обществом процесса упорядочения территориальных отношений и взаимодействий. Зарубежное страноведение и историческая география необходимо подводят к естественно-историческому пониманию термина «организация» (территориальная организация существует не только в социалистическом обществе и не только в обществе, но и в природе). Естественно-историческое понятие территориальной организации включает для определенных иерархических уровней и в определенные исторические периоды представление о территориальной организации общества в конструктивном смысле.

Полисемия термина «организация» не ограничивается сказанным. Во втором значении у В. Боголепова и А. Малиновского организация явно статична. Другой известный специалист по теории систем Б.Г. Юдин трактует «организацию» по-иному: «в понятии структура, как правило, фиксируются относительно инвариантные и статические, т.е. относящиеся к строению и способам взаимодействия частей, закономерности, а в понятии организация – динамические, т.е. относящиеся к функционированию, поведению и взаимодействию частей» (Юдин, 1974, с. 473-474). В географической литературе встречаются как статичная, так и динамичная трактовки естественно-исторического понятия «организация». Статичная трактовка представляется нам излишней, ибо может быть заменена понятием «строение». Кроме

того, динамичная трактовка включает статичную как частный случай. Поэтому мы используем далее термин «организация» в значении взаимосвязанного функционирования географических объектов. Кстати, в этом значении «организация» нам кажется предпочтительнее проникающего в последнее время в географию термина «механизм», поскольку последний отражает жесткие зависимости составляющих, тогда как во взаимодействиях географических объектов – больше степеней свободы, преобладают стохастические процессы.

Географы имеют дело с определенными видами организации, складывающимися в ходе взаимосвязанного функционирования разнородных и/или пространственно разделенных объектов в ландшафтной сфере Земли. Эти виды организации существуют (или проецируются) на некоторых территориях, масштабы которых лежат в пределах от локального до планетарного уровней. Понятие «территориальная организация» отражает изменчивость взаимосвязанного функционирования географических объектов от места к месту. В отличие от термина «пространственная» термин «территориальная» передает сочетание континуальности и дискретности видов организации в спектре «земных» масштабов.

Эпитет «территориальная» применяется географами по меньшей мере в трех разных значениях. Во-первых, под этим термином подразумеваются связи какого-либо компонента общества или природы с его средой (территорией) в определенном месте (например, территориальная специализация труда). Во-вторых, нередко термин употребляется для отражения связей между объектами, расположенными в разных местностях (например, территориальная кооперация труда). Наконец, распространено и понимание территориальной организации как единства первых двух типов взаимодействий. На наш взгляд, следовало бы закрепить за понятием «территориальная» только последнее, комплексное значение, тогда как для первых двух применять другие термины.

Итак, сложный термин «территориальная организация» имеет множество оттенков, что, вероятно, способствовало его распространению, но затрудняет понимание работ, где этот термин дается без расшифровки. Следует прежде всего учитывать различие естественно-исторической и конструктивной трактовок понятия территориальной организации, более активно разрабатывать единую естественно-историческую концепцию территориальной организации, чтобы обеспечить надежный фундамент для конструктивной концепции.

Соединение понятия территориальной организации с понятием общественного воспроизводства очерчивает круг объектов, взаимодействующих в ландшафтной сфере Земли. С другой стороны, понятие «общественное воспроизводство» конкретизируется применительно к различным территориям. Эти территории не задаются заранее, а открываются в ходе исследования исторически складывающихся разномасштабных видов организации общественного воспроизводства, каждый из которых проецируется на определенную территорию. Более подробно представление о территориальной организации общественного производства разбирается далее на основе разработанной нами графической модели.

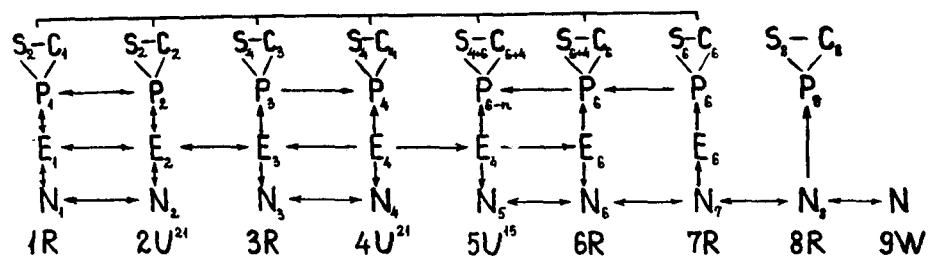
Модель

Обобщение материалов страноведения и исторической географии позволило разработать систему представлений о территориальной организации общественного воспроизводства, впервые изложенную в 1978 г. в более общей публикации на английском языке (Annenkov, 1978) и применительно к рангу города – на русском (Анненков, 1978). Еще в 1975 г. на II Всесоюзном симпозиуме по теоретическим проблемам географии в Симферополе нами была представлена в упрощенном виде графическая модель территориальной организации, более разработанный вариант которой показан на рис. I.

В модели отражен современный исторический срез по некоторому профилю, проходящему через страны и районы с разными способами производства и, соответственно, с разными историческими типами территориальной организации. Хотя модель создавалась через осмысление исторически и географически конкретных проявлений территориальной организации, она носит условный характер и далеко не исчерпывает даже типичных ситуаций. В модели в соответствии со специальностью автора – экономическая и социальная география – больше развернуты экономические, демографические и социально-культурные составляющие общественного воспроизводства, чем природная составляющая. Рассмотрим описательный потенциал модели.

Буквенными символами представлены издавна изучаемые географами объекты – население, хозяйство, природа. Население как демографическая система рассматривается с учетом социального строя и духовной культуры – двух особых факторов, управляющих поведением населения и воздействующих на всю

А

Общая модель территориальной организации.

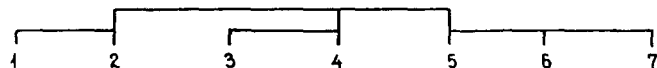
Условные знаки: N - природа; E - хозяйство; P - население

S - социальный строй; C - духовная культура

1, 2, 3... n - экологические комплексы: U - городские; R - сельские;

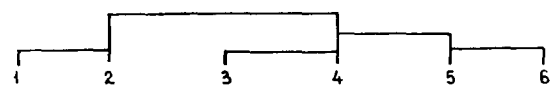
W - природные

Б

Подмодель иерархии социально-культурных связей

В

Подмодель иерархии экономических связей

Рис. 1. Графическая модель территориальной организации общественного воспроизводства

территориальную организацию. Латинский алфавит для буквенных символов употреблен нами не потому, что модель заимствована из зарубежного источника, а для облегчения международного использования модели.

Линиями в модели представлены два класса взаимодействий: вертикальные линии отражают взаимодействия между разнородными объектами в одном месте (мы называем их «экологическими» в общенаучном значении этого термина), горизонтальные линии показывают взаимодействия между различными местностями (мы называем их «адвективными»).

Базовой ячейкой в модели принят локальный экологический комплекс – совокупность взаимодействий между населением, хозяйством, природой в одном месте. Мы исходим из допущения, что повседневные реальные взаимодействия разнородных объектов в ходе их взаимосвязанного функционирования осуществляются именно на локальном уровне, а воздействие одного из объектов на другие на более высоких пространственных уровнях можно представить с помощью группировки экологических комплексов в однородные по воздействию ареалы соответствующего масштаба. Каждому экологическому комплексу присваивается цифровой индекс (арабская цифра в нижней строке – рис. 1А).

Адвективные взаимодействия разного рода и пространственного масштаба объединяют экологические комплексы в иерархические адвективные системы. Эта иерархичность отражена на рис. 1Б для социально-культурных связей и рис. 1В – для экономических взаимодействий. Таким способом показано, что некоторые экологические комплексы имеют далеко простирающиеся адвективные связи и входят во многие разномасштабные адвективные системы, другие имеют только местные связи.

Эта неравноценность экологических комплексов в адвективных социальных и экономических системах связана с различиями в территориальной концентрации населения и овеществленно-го труда, а также естественных ресурсов. Общая графическая модель территориальной организации передает явление территориальной концентрации в скрытой форме – через типологию экологических комплексов в нижней строке под рис. 1А.

С помощью типологии в модели представлена пространственная дифференциация экологических комплексов. За цифровым индексом, отражающим индивидуальность данного комплекса, следует формула типа, к которому принадлежит данный комплекс. На нашей модели показано самое общее разделение экологиче-

ских комплексов на три типа: природные, сельские, городские. Таким же образом можно представить и более развернутую типологию социально-природных комплексов по господствующим способам производства, дифференцируя классы сельских и городских комплексов. Кроме того, символом степени обозначается мощность территориальной концентрации населения и хозяйства, тесно связанная как с местными ресурсами, так и с положением комплекса в адвективных системах.

В модели учтено весьма важное свойство реальной территориальной организации – неравнозначность ее компонентов и различных видов связей: разнородных объектов – в экологическом комплексе, экологических комплексов – в тех или иных адвективных системах, различных видов взаимодействий – в территориальной организации в целом. Подобная неравнозначность обнаруживается в ходе взаимосвязанного функционирования и показана на рис. 1 векторами по направлениям преобладающих воздействий. Используя этот метод, можно выделять ведущие и зависимые экологические комплексы и объекты в них. Зависимые элементы в их функционировании трансформируются, приспособляясь к ведущим. Этот процесс мы называем территориальной адаптацией.

В территориальной организации всегда присутствуют и объекты, в данный момент в данном месте еще не включенные во взаимосвязанное функционирование (например, еще не разведанное месторождение полезного ископаемого в каком-то экологическом комплексе или натуральное хозяйство, не вошедшее в территориальное разделение труда). Мы называем такие объекты и комплексы обособленными. Пока элемент остается обособленным, он может указываться в модели вне системы экологических или адвективных взаимодействий. Процесс включения обособленного элемента во взаимосвязанное функционирование мы называем территориальной интеграцией элемента. Включаясь во взаимодействие, обособленный ранее элемент становится либо ведущим, либо зависимым.

Модель позволяет также отразить цепные реакции адаптации зависимых элементов к ведущим. Например, крупные экологические комплексы городского типа в империалистической стране через дальние адвективные связи воздействуют на ведущие города в развивающихся странах, те в свою очередь воздействуют на сельские экологические комплексы в районах экспортного земледелия, вызывая перестройку их организации и ролей, составляющих экологический комплекс объектов. Следуя на-

правлению векторов, на рис. I можно обнаружить ряд цепных реакций адаптации, каждая из которых распространяется на несколько экологических комплексов и их компонентов в определенной последовательности.

С помощью арабских цифр около буквенных символов объектов можно показать главные их генетические особенности и дифференциацию в различных экологических комплексах. Если объект автохтонен, то его индекс соответствует индексу экологического комплекса, в который он входит. Чаще параметры объекта в некотором экологическом комплексе под влиянием адекватных взаимодействий и территориальной адаптации приобретают переходный характер. В этом случае особенности объекта показаны комбинацией индексов как собственного, так и воздействующего экологических комплексов. Несовпадение индексов разнородных объектов в одном экологическом комплексе свидетельствует о внутренних противоречиях в нем и активно идущих процессах экологической адаптации.

Как уже отмечалось выше, на рис. I представлен современный исторический срез, включающий разные исторические типы территориальной организации, такие как первобытная, основанная на присваивающем хозяйстве, архаичная, основанная на производящем натуральном хозяйстве, предындустриальная, основанная на мелкотоварном производстве, стихийно-индустриальная, характерная для капитализма, наконец, системно регулируемая, к которой подходит развитое социалистическое общество. Последний тип условно показан как равновесные взаимодействия (вектора в каждом взаимодействии направлены в обе стороны). Таким образом в модели с помощью типологии экологических комплексов и векторного способа можно отразить многообразие исторических типов территориальной организации в регионах и странах с многоукладной экономикой.

Как видно из сказанного, описательный потенциал предлагаемой графической модели довольно высок. С ее помощью можно отразить как пространственную, так и временную изменчивость территориальной организации общественного воспроизводства, ее иерархичность и другие аспекты. Дальнейшая разработка естественно-исторической концепции территориальной организации несомненно будет способствовать переходу от общей модели к системе моделей, более четко и глубоко отражающей частные аспекты территориальной организации и усиливающей операциональность концепции.

Направления разработки модели

Наряду с традиционными "отраслевыми" подходами, на которых мы здесь останавливаться не будем, существуют проблемные и методические интегральные направления разработки естественно-исторической концепции территориальной организации общественного воспроизводства. Различаются три основных аспекта концепции – строение, функционирование, развитие территориальной организации, каждый из которых имеет особые проблемы.

Взгляды на строение территориальной организации были кратко рассмотрены при анализе ее модели. Здесь мы выделим лишь некоторые линии дальнейших исследований.

Основные составляющие общественного воспроизводства – население, хозяйство, природа и их подразделения – издавна изучаются отраслевыми ветвями географии и смежными науками. В естественно-исторической концепции территориальной организации они предстают по-новому – как локальные проявления в границах экологических комплексов. Параметры и поведение этих проявлений определяются не только спецификой данного класса объектов (например, населения), но и положением в системах экологических и адвективных взаимодействий. Соответственно необходимы "отраслевые" исследования традиционных объектов под новым углом зрения на локальном уровне. Начинать, видимо, следует с обобщения уже имеющегося в этом направлении задела.

Большое значение мы придаем проблеме экологических комплексов. В ней выделяется, во-первых, вопрос о типологии экологических комплексов по господствующим способам производства. В зависимости от способа производства ведущая роль в экологическом комплексе может принадлежать разным компонентам. Определение ведущего (в данное время в данном месте) компонента экологического комплекса важно для очерчивания его границ на местности, и это второй существенный аспект проблемы. По нашему предположению, пространственные границы экологического комплекса определяются распространением прямых и косвенных воздействий ведущего компонента комплекса на остальные. Важное значение имеет организация изучения возможно большего числа экологических комплексов на местности, от чего будет зависеть совершенствование типологии и методики диагностики комплексов.

Проблема экологических комплексов может показаться новой, хотя, если брать иные термины и не только нашу страну,

имеет уже значительный задел. С другим фундаментальным аспектом строения территориальной организации — ее иерархичностью — дело обстоит, видимо, наоборот. Вопросами иерархии адвективных систем не без успеха занимались и экономико-географы (например, вопрос об иерархии экономических районов в СССР), градovedы (иерархия центральных мест). Однако остается открытым вопрос об объективных основах выделения рангов в комплексной иерархии адвективных систем. Без решения проблемы иерархичности применительно к различным историческим типам территориальной организации общий взгляд на ее строение, функционирование и развитие весьма затруднен.

Комплексное исследование строения территориальной организации призвано выявить состав и соотношения разных типов экологических комплексов, адвективных систем разной природы и пространственных масштабов. До выяснения пространственно-временных структур территориальной организации эмпирические исследования ее строения проводятся от заранее избранной территории к ее „наполнению“ на также априорно избранном историческом срезе. Но по мере накопления знаний о реальной территориальной организации исследователь переходит к последовательному решению поставленных выше задач.

В исследованиях территориальной организации на определенном историческом срезе первоочередного внимания заслуживает проблема территориальной адаптации. Необходимость адаптации объекта возникает либо при его изменении сообразно внутренним законам, либо при изменениях в системах экологических и адвективных взаимодействий, в которые он входит. Во всех случаях адаптация является реакцией на появившиеся в территориальной организации новые противоречия. Эти противоречия разрешаются либо путем саморегуляции объекта или территориальной организации, либо управляющим воздействием со стороны общества. Комплексное изучение процессов территориальной адаптации (и экологической и адвективной; и саморегуляции и управления), а также цепных реакций адаптации создает основу для выяснения закономерностей исторического типа территориальной организации, существующего в некотором регионе определенное время.

Развитие территориальной организации представляется нам как смена пространственно-временных структур функционирования по мере развития объектов и накопления противоречий в экологических комплексах, адвективных системах и в территориальной организации в целом. В исследованиях развития вы-

делается несколько структурных уровней: а) эволюция типов экологических комплексов, б) то же, применительно к адвективным системам, в) развитие иерархии социально-экономических адвективных систем, от локальных до планетарных, г) историческая изменчивость (короче, историзм) территориальной организации в целом.

Актуальна разработка основ периодизации развития территориальной организации и ее составных частей. Для этого необходимо выявить структурообразующие процессы (например, переход к оседлому образу жизни и становление территориальных концепций населения и овеществленного труда; промышленная революция и т.п.) и проследить их влияние на изменения в системах экологических и адвективных взаимодействий.

В методическом плане разработка проблем территориальной организации требует сочетания морфологического, функционального, генетического и диахронического подходов. Но здесь нам придется ограничиться этим принципиальным положением, поскольку его аргументирование потребует особой статьи.

Конспективная характеристика направлений разработки естественно-исторической концепции территориальной организации общественного производства показывает сложность этой концепции, зависимость ее судьбы от организации широкого фронта междисциплинарных исследований. Конечно, решение многих вопросов (или намеков на их решение) таится в огромнейшем научном заделе, накопленном географией. Попытка освоить этот задел была предпринята автором при разработке модели. В сравнительно небольшой статье мы, естественно, не могли дать ссылки на всю использовавшуюся нами литературу. В частности, многое нам дало систематическое ознакомление с трудами кафедры экономической географии Тартуского университета — от работ С.Я. Ныммик подробному экономическому районированию до новейших публикаций по социально-географической проблематике. Эта статья — дань уважения коллективу кафедры и вместе с тем призыв к совместной работе по такой обладающей большим интеграционным потенциалом проблеме как территориальная организация общественного воспроизводства.

Литература

- Анненков В.В. Историзм территориальной организации города.
— В кн.: Урбанизация и формирование систем расселения.

- М.: Московский филиал Географического общества СССР, 1978, с. 35–42.
- Анненков В.В. Размышления о географии восьмидесятых. – В кн.: Земля и люди. – М.: Мысль, 1980, с. 220–226.
- Боголепов В., Малиносский А. Организация. – В кн.: Философская энциклопедия. М., 1967, т. 4, с. 160–161.
- Методы исследования антропогенных ландшафтов: Тезисы докладов на Всесоюзном научном симпозиуме (сентябрь, 1982). – Л.: Географическое общество СССР, 1982. – 150 с.
- Покишиевский В.В. О самом главном в экономической географии. – В кн.: Вопросы географии, сб. 95. – М.: Мысль, 1974, с. 25–42.
- Пробст А.Е. Эффективность территориальной организации производства (методологические очерки). М., 1965.
- Саушкин Ю.Г. Территориальная организация производительных сил коммунистического общества – главная задача советских географов. – Вестник / Московский гос. ун-т, Серия географическая, 1961, № 6
- Саушкин Ю.Г., Белоусов И.И., Буренстам А.Г., Иванов К.И., Калашникова Т.М., Ковалев С.А., Коровицын В.П., Крючков В.Г., Лаппо Г.М., Никольский И.В., Родоман Б.Б., Хрущев А.Т., Шапошников А.С. Территориальная организация производительных сил СССР. – В кн.: Демонические чтения (18–25 окт. 1967 г.). – М.: МГУ, 1967, с. 1–10.
- Сочава В.Б. Введение в учение о геосистемах. – Новосибирск: Наука, 1978. – 319 с.
- Территориальная организация народного хозяйства СССР: Тезисы докладов I Всесоюзного совещания (май, 1978). – М.: Институт географии АН СССР. Московский филиал ГО СССР, 1978. – 108 с.
- Хорев Б.С. Понятия территориальной организации общества и управления как основные понятия социально-экономической географии. – В кн.: Вопросы географии, сб. 115. М., 1980, с. 75–86.
- Хрущев А.Т. Соотношение понятий «территориальная организация» и «размещение промышленности». – Вестник / Московский гос. ун-т, серия географическая, 1966, № 3, с. 99–102.
- Юдин Б.Г. Организация. – В кн.: Большая Советская Энциклопедия, изд. 3. М., 1974, т. 18, с. 473–475.

Annenkov V.V. Historical aspects of the spatial organization of the population, economic activities and environment in the developing countries. - In: Developing Countries: Problems of the Spatial Structure of Economy (Geographical Aspects). Proceedings of the II Polish-Soviet Session. Moscow: Institute of Geography A.S. USSR, 1978, p. 92-101.

Territorial Organization of the Social Reproduction
and Lines of Research into It

V. Annenkov

S u m m a r y

In order to integrate the branches of geography the concept "territorial organization of the social reproduction" (TOSR) is introduced. The social reproduction should be conceived broadly, including also the reproduction of natural preconditions of production. The territorial organization reflects the variability in space of the acting of inter-related geographical objects.

The graphic model of TOSR has been presented in the paper. The social reproduction takes place in ecological systems, being natural, rural or urban in character, and including 3 components: nature, population with its culture and social order, economy. These components are linked together by ecological relations. The advective relations link different ecological systems into hierarchies. The changes originating in one of the leading components of a system bring about adaptive changes in other components and systems. The effect of changes is transmitted by both relations.

The main lines of research into ecological systems are: their typization by leading components and the mode of production, the periodization of their territorial organizational development, the detection of hierarchy formation foundations, the research into processes of adaptation.

PROBLEMS OF REGIONAL DEVELOPMENT IN FINLAND -
GEOGRAPHER'S CONTRIBUTIONS

P. Yli-Jokipii

1. Urbanization as a background variable

Urbanization is a phenomenon which is characteristic of our time. Jack P. Gibbs (1963) has described the urbanization process by means of a simple series of stages. In the first stage the towns come into existence, but the relative growth of the rural population is greater than that of the towns. In the second stage the relative growth of the urban population takes place more rapidly than that of the rural population. In the third stage an absolute decrease occurs in the rural population. In the fourth stage centralization reaches the point where the population of small towns begins to decrease. In the fifth stage the detrimental effects of urbanization become so prominent that the population begins to move to the rural districts surrounding big cities i.e. the differences in the density of the population in areas of concentration begin to even out.

This enumeration of stages describes the matter from the point of view of towns only. Each stage also has its effect on the peripheral regions and on the rural areas surrounding the towns (in greater detail, see Palomäki 1972:16-22). In the first stage, in which the growth of rural population is relatively greater than that of the towns, the front of settlement moves in the direction of the peripheral areas. The rural areas experience their period of expansion. The second stage, in which the relative growth of urban population takes place more rapidly than that of the rural population, the population begins to move from the rural areas to the towns. Since, at this stage, the rural population is still growing absolutely, the negative effects of depopulation do not appear yet. It is not until the third stage, when rural population begins to decrease absolutely, that they occur. The small central places in rural areas, their retail trade and ser-

vices begin to suffer from the lack of population. Schools have to be closed down because of the diminishing birthrate. Public traffic becomes unprofitable. These negative phenomena become even worse when there is a decrease in the population of small towns in the fourth stage. Their industry, which is incapable of competing with the amalgamated factories in large cities, can no longer provide work for the part-time farmers from the surrounding rural areas. Business and services suffer more than ever, because even the small towns themselves no longer have any purchasing power, let alone the surrounding rural areas. In the fifth stage, in which the differences in the density of the population in areas of concentration begin to even out, the condition of the peripheral regions remains unchanged or gets worse. The rural areas surrounding big cities, however, undergo great changes. They also become urbanized and their small central places recover their activities, retail trade and service enterprises. Cultural activity also revives, not in the form of rural village culture, but as urban culture. With this process, the vigorous old village culture has disappeared from the peripheral regions as a result of the decrease in population, and from the rural areas surrounding the big towns the old village culture has disappeared as a result of the arrival of a new kind of population element.

2. Types of developing areas

Different types of developing areas (= areas of underdevelopment) spring up during the development of urbanization. Developing areas can be classified in various ways. Firstly, we can speak about primary developing areas, where economic activity has always been poor. In contrast to these are the secondary developing areas which occur in the fourth stage of Gibbs' series - here economic activity has previously been brisker, but has later declined as a result of the decrease in population. Secondly, it is possible to classify developing areas on the basis of the population's occupational structure. In this way a distinction can be made between the weak agricultural areas and the declining industrial areas. In

North Europe the agricultural areas are among the most typical developing areas. They are sparsely settled and characterized by a considerable out-migration, a large amount of old people and poor services. The declining industrial regions do not play a very important part in Northern Europe. Usually these are mining areas, where the amount of ore is decreasing and where it is not profitable to renew production technology. Thirdly, the developing areas can be distinguished on the basis of their geographical position. In particular, these are the border areas, which suffer from peripheral position, even if the area is otherwise capable of development. Also the remote archipelagos formed by small islands can be included in the developing areas caused by geographical position - the problems caused by sparse settlement are at their most critical here.

3. General description of the situation in Finland

The present problems of sparsely populated areas and small villages do not occur exclusively in the developing areas - they appear in the same way everywhere outside the urban agglomerations. Therefore, from now on in my presentation, I shall not make a difference between developing areas and developed areas when sparsely populated areas and small villages are concerned. We must remember, of course, that the most vigorous changes and the worst problems occur in the developing areas. Of North European countries, the population in regions outside urban agglomerations is the most profuse in Finland, compared to the total population. Sparse settlement in Finland is partly due to the fact that after the second World War homes had to quickly be found for a large amount of population. Finnish post-war settlement activity has since been very much criticized, but it is a fact that it would have been impossible to organize jobs in towns for this population with equal speed.

In Finland there operated a special Consultative Body for the Development Regions set up by the state. Its section dealing with sparsely populated areas (Kehitysalueiden Neuvottelukunta 1974) completed 1974 a report in which the reasons for the problems of these regions have

been discussed. The rationalization of production is a central factor. The continuous mechanization and increase in effectiveness of production reduces the need for manpower. Another important factor is the bad conditions, for growth in agriculture and forestry i.e. in the primary sector of economic life, in comparison to the secondary and tertiary sectors. In modern society, increase in the demand for products concentrates, to a greater extent, on industrial goods and services, rather than on agricultural and forestry products. Thirdly, the report mentions that the previous factors play an important part in causing accumulative negative development. As the result of accumulative negative development two problems arise, the problem of livelihood, and the difficulty in obtaining services. In Gibbs' fourth stage, particularly, both are linked with the disappearance of small central places and with the increase in distance from the central places, especially opportunities for finding secondary employment deteriorate.

The position of sparsely populated areas and small villages has also been made worse by the fact that regional planning has been centred predominantly on the developed areas and urban agglomerations. This planning has also benefitted economic efficiency. In regional development policy urban occupations, especially those in industry, have been in favour (see Hautamäki 1972). Development aid is focussed upon enterprises. The needs and quality of living of people in sparsely populated areas have received less attention. The aid given to enterprises has naturally guaranteed employment.

4. What human geographers can do for the sparsely populated areas

In considering what human geographers can do for the sparsely populated areas, it must first be established that even up to the second World War, one of the most important elements in human geography was research concentrated on rural areas. Since then it unfortunately remained in a position of secondary importance. This of course reflects the general development of urbanization.

During the last few decades great progress has been made in the methods of urban geography, and the field has become more attractive than before, particularly for young scholars. At the same time, however, rural areas have undergone **important social, economic and land-use changes**, which also appear regionally. These changes are so fundamental that they **really** are worthy of research. If professional geographers are not interested in them, researches from other fields can be found to investigate these changes. Human geographical research on rural areas is close to other sciences, for example rural sociology and social anthropology. From physical geography, we have numerous examples of cases where geographers have shown little consideration for some traditional field, with the result that research, in that field has been completely undertaken by others. Geography as a whole has become impoverished because of this. Fortunately, such a situation has not arisen yet in the research of human geographical phenomena in rural regions. On the contrary, the field is undergoing a revival.

Among the traditional sections of geography, population geography is relatively well-represented in geographical research on rural areas. With reference to research into the urbanization process, the regional mechanisms of population development which have been analysed as far as the birth-rate, death-rate and migration are concerned, are also well-known in rural areas. The stage involving descriptions has been completed a long time ago. Even the lack of statistical material, classified regionally in an appropriate way, is no longer a drawback in research. Human geographical research has been able to transfer its interest much more effectively than before to the reasons of rural depopulation. By reasons I do not mean merely general factors - such as difficulties in finding work, poor services, accommodation and living conditions - but also the regional nature of information channels and contact fields which influence out-migration. The best new results in this field can perhaps be expected from the research on the decision-making process leading up to out-migration, and from such perception research which analyses how those who have left the rural area and those who have remained have experienced their

surroundings. Perception research made by geographers does not help much, however, unless we are able to increase our basic knowledge of modern psychology.

On the other hand, research on rural settlement, which is closely linked with population geography, requires a good knowledge of historical sources. The Scandinavian countries have had quite a thorough historical grasp as far as the geographical research on settlement is concerned. Comprehensive analyses have been made on the effects that land-division have on the nature of the present cultural landscape in rural areas. Considerable interest has also been taken in the theoretical side of the spread of settlement. In Finland the situation has up to now been such that the majority of students reading geography as their main subject have biology as their subsidiary subject, because of the qualification requirements laid down by the school system. It is seldom that history is the subsidiary subject. It would be good if more and more students of human geography, who constitute future research workers, could acquire a sufficient basic knowledge of history, too. Similarly, a knowledge of the settlement policy of recent decades is a necessity in research on rural settlement. We can expect new results from the research which in Gibbs' fifth stage analyses forms of rural re-settlement. So it is not a question only of permanent, all-year round settlement, but of the location of second homes for the inhabitants of the towns. This kind of geographical research concerning settlement is more extensively connected with research on the general land use planning in areas surrounding towns.

As I previously mentioned, in accumulative negative development, the population's livelihood is a very central problem. Therefore economic geographical research has a lot to do in rural areas. If we consider the countries in Northern Europe, rather a small section of the population still derives its livelihood from farming. But we must, however, keep in mind the fact that the agrarian population is not only employed in actual agriculture, but in addition carries out a considerable amount of work in forestry, too. As our society is rapidly changing, agriculture and the agrarian population become linked

more firmly than before with other sources of livelihood. Part-time farming becomes more general. Not all areas have even the physical geographical conditions essential for large farms.

As far as the standard of living of the agrarian population is concerned, more and more importance is attached to the opportunities for obtaining secondary employment, and there is obviously great regional variation in this. Geographical literature has not given sufficient consideration to the regional aspects of this matter. It is with particular interest that I would regard research on the connection between the ability of farm population in having secondary employment, and the distances from farms to central places.- Of course, at the same time, studies would have to be made on the size of the farm, the acreage of forest land, the type of family, together with the corresponding background variables. As far as I can see, geographical research on part-time farming would be of importance if applied to the planning of sparsely populated areas, and even in the organizing of agricultural instruction, which for the time being has played a somewhat minor part, as far as the part-time farmers are concerned. To support planning, geographers also have opportunities for analysing regional conditions essential for the creation of various kinds of sources of secondary employment. This requires familiarity with environmental conditions, in addition to economic information.

Recently, it has been sufficient for geographers to show somewhat slight consideration for the small-scale industry of sparsely populated areas and small central places. The rational decisions about the locations of large-scale industry provide more interesting speculation, for example, in the form of optimization the location of industrial enterprises. Also in regional development policy, attempts have been made primarily to influence the decisions on the location of large enterprises. The location of small-scale industry and its predecessor, domestic industry, is understandable, in the first place from the social point of view, when there is a lack of other secondary employment, and secondly, it is responsible for the local diffusion of innovation.

If we again recall Gibbs' stages which I discussed

at the beginning, the essence of the fourth stage is the merging of industrial enterprises, which favours large cities. Usually industries sensitive to the economic situation fall behind in the small central places in rural areas. Of these, the saw-mill industry, in particular, has been an important source of primary and secondary employment for the sparsely populated districts in developing areas. As far as geographical research on the industry in developing areas and rural regions is concerned, I consider research into the regional mechanisms of subcontracting activity a field of special importance. This subcontracting activity carried out by industry would probably have great possibilities, especially regarding the problem of labour in developed areas. For it would be possible to arrange for this work to be carried out part of the year, so that the seasonal fluctuations of farming can be taken into consideration.

When we move on to examine the tertiary economic activity in rural regions, it is not merely a question of employment, but above all, of the guaranteeing of services for the declining population of sparsely populated areas. One of the best achievements of human geography during the last few decades has been the theoretical and empiric analysing of the central place network. This field of ours has perhaps been of greatest importance in applying human geography to regional planning. Empiric research has such a long history that as a clear trend it can be stated that the small central places of sparsely populated areas are continually losing their significance. This reflects the poor profitability of enterprises when there is a decline in the population in Gibbs' third and fourth stages. The disappearance of the small central places is problematical on account of the fact that the central place functions that they provide are services which are close by - such as the grocer's shop, the post-office and the lower forms of the comprehensive school. Attempts have been made to compensate for the lack of these with mobile services. The use, routes, frequency and optimizing of routes have also been studied by geographers. Also in optimizing the location of the permanent services in sparsely populated areas, geographers can be of help with new methods, such as the

network theoretical application of linear programming and also p-median analysis. Unfortunately, these methods are better suited for use in areas for which a completely new central place network has to be planned, than in old rural regions. Of course, with the help of these, attempts can also be made to estimate which central places or service points it would be most advantageous to preserve, as far as the optimization of reach are concerned, when there is a decline in population.

In regard to tertiary activity, tourism has been the object of special interest, particularly in the communes belonging to the developing areas. In those areas where it has been impossible to establish any industry, it has been observed that tourism, at least, has possibilities. Up to now, human geographical research concerning tourism has been quite descriptive. It would be very interesting to acquire such economic geographical research where accurate analyses could be made on the ways in which enterprises connected with tourism affect their surroundings. In this way it could be indicated whether tourism really has any considerable influence on employment in its surrounding areas, and also where the flows of money provided by tourism enterprises are directed, are they of any help at all to the district concerned. It is becoming a general opinion that, also in the field of tourism, regional development policy is interested in large enterprises. Local labour is not suitable for these kinds of enterprise - on the contrary, they need a specialized, professional labour force. Loans for regional development given to large enterprises in the field of tourism, and the benefits offered by local communities can easily fall to expansive chains of enterprise coming from outside the developing areas. With regard to the promotion of tourism, the attitude of the State and of the counties and communes in developing areas could be changed if reliable analyses were made on the matter.

In sparsely populated areas traffic forms its own problems. When the population decreases, less people also use public traffic. Profitableness deteriorates and routes have to be discontinued. Consequently, the areas in the archipelago are in the most difficult position. There are also other angles in the traffic problems of rural re-

gions. It is of particular importance that the condition of the lower grade road network is good enough - this is an indispensable requirement for the efficient functioning of mobile services. One important viewpoint is that the transportation of schoolchildren could be organized in such a way that it would also benefit other traffic requirements in the rural area. An interesting point for research would thus be how much success there has been in this respect in the organizing of transportation of schoolchildren in different areas. From the point of view of preserving traffic routes it would obviously be best if as many as possible of the bus routes in existence could be used for transporting schoolchildren. One possibility would also be that perhaps arrangements could be made for the buses, taxis and, in the archipelago area boats, used in transporting schoolchildren, to take along other people who have business to attend to in the central places.

Then, I would like to draw attention to one important section in the human geography of rural areas: namely, research on the regional characteristics of rural cultural activity and, above all, the cultural landscape of rural areas. In research concerning central place networks, the location of cultural activity and the use of cultural services have also been relatively well-considered. However, it has often been the case, that only some forms of cultural activity have been used as indicators research. There has been little regional research, particularly research on changes, where cultural activity as such is predominant. I refer, for example, to the forms of cultural activity provided previously by village communities, which due to the decline in population are transferred to the central places with higher hierarchical level, and which are unattainable to many people because of distance.

Regional school planning is one field where human geography can be applied and where geographers can be of help. When schools in sparsely populated areas are closed down it should not happen accidentally. Often in small villages the school is the only place for cultural activity, so its arbitrary destruction signifies almost total

ruin in this section of human life. Geographers could make models of the location of schools and the closing down and preserving of these in areas with a great out-migration, including the optimization of transportation. This is quite a responsible task, for it on its part affects the contentment of the population living in rural areas. If this contentment can be guaranteed in addition to opportunities for finding work and for obtaining services, at least a basic population can be preserved in developing areas and sparsely populated areas. This is absolutely essential, as far as the care of agriculture, effective forestry and other natural resources are concerned. These, for their part, affect the cultural landscape of the whole rural area.

More than geographers, engineers, architects, biologists and even art historians have participated in cultural landscape research, so-called milieu research. Each has observed the rural landscape according to his own special field. The concept of landscape is, nevertheless, synthetic, a unit made up of different elements and as such, the object of research of geographers in particular. Unfortunately, the methodical development of geographical landscape research has remained non-existent for many decades. This is partly due to the fact that physical geography and human geography have developed along their own ways, almost into their own sciences. During this trend, we have nearly lost our own object of research, the landscape. It is our domain, and if we want to keep it, we must do something to protect and develop it. This concerns particularly the methodical aspect in landscape research. Also it would be worth-while for research workers involved in rural geography to use their knowledge and skills in planning to help the decision-making process. Nowadays an increasing number of geography-students find their way into professions connected with regional planning. This supports the interest in applied research.

Human geographical research on rural areas is not, as it is often imagined, merely agricultural geography. Neither is it, for example, merely research into rural settlement. Research on rural areas must be, according

to the nature of our field of science, synthetic, regional research, where current social, economic, cultural and land-use changes are observed. In order to understand the whole rural landscape, its nature and changes in it, a good knowledge of physical geographical conditions is required, in addition to human geographical factors: this is also important in planning. The need for a knowledge of physical geographical factors is in research on rural regions greater than in research on urban areas. Therefore an increase in interest in rural geography could be a uniting factor between physical geography and human geography. Without the combination of these sections, the basic concept of geography - a synthetic, regional approach to the problem of research - cannot be fulfilled.

5. The Finnish studies of regional development and regional policy

Although one might well look upon the study of regional development as a relatively new field of research, early examples are certainly to be found, the first attempt to delimit the rich and poor regions of Finland being attributed to C.C. Bücker at the beginning of the 19th century (see Mead 1967, Hustich 1971). Since it is difficult to make a distinction between regional development as such and regional policies, the two topics are dealt with here together. The first modern paper in this field to be published in the Finnish geographical journals was strictly speaking that of Hustich & Wahlbeck (1952) on the geography of income levels in Finland. Without going into details about the course of regional development and regional policies during the 1950's, it will suffice to note that the topic reappears in the geographical journals only in the early 1960's.

A great increase in research activity in this field is then found in the latter half of the 1960's, following the completion of research into the regional differences in development in Finland by the National Planning Bureau (Palmgren 1964). This led to the calling of a symposium under the auspices of the Geographical Society of Finland, the results and discussions of which were publish-

ed in Terra (Hustich 1965, Palmgren 1965, Keinänen 1965, Palomäki 1965). The methods used by Palmgren were relatively simple and aroused vociferous criticism in the discussions, although they appear to give a good general impression of regional development levels in Finland. One should also make some mention at this point of the doctoral dissertations of Riihinen (1965) on the regional structure of Finnish society. Although in the field of social policy and not directly concerned with levels of development, this work served to clarify the terminology of research into regional development and introduced the use of factor analysis. Actual regional development studies in the geographical journals moved into the age of quantitative methods with the research of Hautamäki, Siirilä & Ylönen (1969), aimed at determining the fundamentals of growth centre policy in Finland, commissioned by the Office of the Council of State. The very title of this paper is expressive of the desire of the state authorities to adopt the growth centre ideology as a tool for regional policy in Finland.

The total number of pages in the geographical journals devoted to regional development and regional policy was lower in the early 1970's than it had been in the previous five years (in greater detail, see Yli-Jokipii 1982). This should not be regarded as giving a true picture of the situation, as many pieces of research produced by geographers in this field were published elsewhere. Particularly important in this sense was the report on differences in regional development and alternative regional policies produced by the Consultative Body for the Development Regions (Kehitysalueiden Neuvottelukunta 1973) set up by the state, a work which was forwarded a great deal by the efforts of Lauri Hautamäki, a geographer. Similarly a large amount of material on regional development and regional policy was published in the discussion columns of Terra, Journal of the Geographical Society of Finland. This period also includes the paper on the history of the delimitation of development regions and other matters of principle by Hustich (1971). Comparisons between growth centres or between sparsely populated regions are to be found in short articles in

the journal *Suunnittelumaantiede* (Geography in Planning, e.g. Pitkäranta 1974, Sippola 1974).

The high volume of publication on these topics was reached during the second half of the 1970's. Geographers, particularly Lauri Hautamäki and Seppo Siirilä, contributed a great deal to the extensive amount of research into regional differences in affluence and conditions of life commissioned by the government and published in places other than the geographical journals (*Alueellisen Kehittyneisyyden Tutkimusryhmä* 1979). Similarly large amounts of writing on regional policy in particular are to be found in the reviews and discussion columns of *Terra*. The most striking feature of this period is the attention paid to the problems of rural areas (e.g. Nygård 1975, Solantie 1976, Varjo 1976, Koutaniemi 1978, Maukkarinen 1979), while studies were also made of regional variations in incomes in Finland (Mikkonen 1978) and state control of the directions of monetary flow (Kultalahti & Kultalahti 1978). Finally one should note the continued deepening of terminological, methodological and ideological questions concerned with levels of development and regional policy during these five years (see Hautamäki 1975, Karisto 1978, Vartiainen 1979 within the geographical journals, and also *Alueellisen Kehittyneisyyden Tutkimusryhmä* 1979).

A special mention should be made of the "village studies" project led by Lauri Hautamäki since 1976. This project proved to be of immense importance, representing a level in the planning hierarchy below that of the commune, and this has been applied not only in country districts but also in towns (for details, see Kosonen & Viitala 1979, Hautamäki, Leaksonen & Virtanen 1979). The fundamental thinking behind this approach, which represents a new level and a new ideology in planning emerges best in the report entitled "Elävä kylä", 'The Living Village', written by Lauri Hautamäki (1979) for use in practical village studies.

6. Regional underdevelopment in Finland - the official division

There have been six patterns of the official zones of regional underdevelopment in Finland since 1966. Gov-

ernmental monetary flows determined by all regional policies have been directed towards these regions. Although there has been, for many reasons, changes in these regions, the very basic features are the same. The developed areas are in the south and the underdeveloped areas respectively in the northern and eastern parts of the country, in addition to the archipelago of southwestern coast. The studies of human geographers, particularly Lauri Hautamäki and later also Seppo Siirilä, have been of fundamental importance, when these regional division have been made.

REFERENCES

- Alueellisen kehittyneisyyden tutkimusryhmä. Alueellinen kehittyneisyys. Tutkimus elinoliien ja hyvinvoinnin alueellisista eroista 1975. - Valtioneuvoston kanslian julkaisuja, 1979, No. 11, 105 p.
- Gibbs J.P. The evolution of population concentration. - Economic Geography, 1963, vol. 39, p. 119-129.
- Hautamäki L. Haja-asutusalueiden suunnittelumetodiikkaa. - Sisäasiainministeriön kaavoitus- ja rakennusasiain osaston tutkimus, 1972, vol. 34, p. 1-24.
- Hautamäki L. Kehitysalueiden tarkoituksenmukaisuudesta ja rajauksesta maamme aluepolitiikassa kehittyneisyyden alueittaisten erojen valossa (The suitability and demarcation of the development areas in Finland). - Terra, 1975, vol. 87, p. 104-114.
- Hautamäki L. Elävä kylä, Kylätoiminnan opas. Gummerus, Jyväskylä, 1979, 142p.
- Hautamäki L., Laaksosen J., Virtanen A. Kaupunginosien kehittämistutkimus. - Aluesuunnittelu, 1979, No. 2, p. 11-18.
- Hautamäki L., Siirilä S., Ylönen R. Tutkimus kasvukeskuspolitiikan perusteiksi Suomessa (Foundations for a growth centre policy in Finland). Helsingin yliopiston maantieteen laitoksen julkaisuja. Bd. 3, 1969, 213 p.

- Hustich I. Alueiden kehityseroista Suomessa (The degree of development as an object of regional studies in Finland). Terra, 1965, vol. 77, p. 2-6.
- Hustich I. Om avgränsningen av utvecklingsområden i Finland (The delimitation of development regions in Finland). Terra, 1971, vol. 83, p. 25-38.
- Hustich I., Wahlbeck L. Inkomstnivåns geografi i Finland år 1948. - In: Meddelanden från geografiska institutionen vid Svenska Handelshögskolan i Helsingfors, 1952, vol. 1, 46 p.
- Karisto A. Alueellisten elinolosuhde-erojen tutkimisesta (A note of studying regional differences in the living conditions). Terra, 1978, vol. 90, p. 92-102.
- Kehitysalueiden Neuvottelukunta, Haja-asutusjaosto. Haja-asutusjaoston mietintö. - Valtioneuvoston kanslian julkaisuja, 1974, No. 3, p. 1-125.
- Kehitysalueiden Neuvottelukunta, suunnittelujaosto. Vyčhykejaon tarkistustyöryhmän raportti. - Valtioneuvoston Kanslian julkaisuja, 1973, No. 2, p. 1-239.
- Keinänen J. Kehitys alueittaisen tutkimustyön kohteena (Development as an object of regional studies). Terra, 1965, vol. 77, p. 11-13.
- Kosonen M., Viitala P. Aluesuunnittelu kunnanosalatasolla. Helsingin yliopiston maantieteen laitoksen julkaisuja, 1979, vol. 19, 40 p.
- Ed. by Koutaniemi L. Rural development in highlands and highlatitude zones. Oulun yliopiston maantieteen laitoksen julkaisuja, 1978, vol. 60, 320 p.
- Kultalahti J., Kultalahti O. Valtion rahavirtojen alueellisesta ohjautumisesta. Eräiden valtiontalouden menojen tarkastelua aluepoliittisesta näkökulmasta. Tampereen yliopisto. Aluetieteen laitos. Tutkimuksia 25, 1978, 179 p.
- Mead W.R., Böcker C.C. Näkökulmia menneisyyteen. Eino Juttikalan juhla-kirja, 87-100. WSOY, Porvoo, 1967.
- Mikkonen K. Tulojen alueellinen vaihtelu Suomessa (The regional variation in income in Finland). - Vaasan kaupakorkeakoulun julkaisuja, 1978, vol. 53, 109 p.
- Naukkarinen A. Amenity levels in Finnish farmhouses in 1969. Fennia 157:1979 2, p. 115-153.

- Nygård M. Haja-asutusalueen nuorten ongelmat Kainuussa ja kasautuvan kasvun mekanismi (Problems of young people in areas of dispersed settlement in Kainuu, and the process of cumulative causation). - Terra, 1975, vol. 87, p. 9-17.
- Palmgren K. Kehittyneisyyden alueittaisista eroista Suomessa. Valtakunnansuunnittelutoimiston julkaisusarja A 15, 1964, 160 p.
- Palmgren K. Kehittyneisyyden alueellisista eroista (Regional differences in the degree of development in Finland). - Terra, 1965, vol. 77, p. 6-11.
- Palomäki M. Kaupungistumisprosessin vaikutus taloudellisten ydinalueiden syntyyn ja siirtymiseen. - Vaasan kaup-
pakorkeakoulun julkaisuja, 1972, vol. 10, 23 p.
- Palomäki M. Alueen käytön mittaus kehittyneisyystutkimuksen apuvälineenä (Measuring the intensity of an area's use - a method for studying the degree of development). - Terra, 1965, vol. 77, p. 14-20.
- Pitkäranta H. Suomalainen kasvukeskuspolitiikka. - Suunnittelumaantiede, 1974, No. 3, p. 38-49.
- Sippola M. Haja-asutuspoliittisen suunnittelun tavoitteet. - Suunnittelumaantiede, 1974, No. 3, p. 58-64.
- Solantie R. Maaseudun väestön tulotasosta Suomen keskiväestön hyönteillä alueellisten vertailujen valossa (On the income level of rural population in the middle zone of Finland in the light of regional comparisons). - Terra, 1976, vol. 88, p. 138-140.
- Varjo U. Syrjäseutujen kehityksen nykykuva. - Nordia Tiedon-
antoja, 1976, vol. 44, 83 p.
- Vartiainen P. Aluetutkimuksen linjat ja aluepolitiikan strategia. - Aluesuunnittelu, 1979, vol. 1, p. 24-42.
- Yli-Jokipii F. Trends in Finnish geography in 1920-1979 in the light of the journals of the period. - Fennia, 1982, vol. 160, No. 1, p. 95-193.

ВКЛАД ГЕОГРАФОВ В ИЗУЧЕНИЕ ПРОБЛЕМ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В ФИНЛЯНДИИ

П. Юли-Йокипи

Резюме

Возникновение регионов развития, т.е. слабо развитых регионов, связано с пятью стадиями урбанизации по Гиббсу. Регионы развития образуются на третьей и четвертой стадиях, характеризующихся депопуляцией деревни и малых городов. Тип регионов развития зависит от их географического положения, рода занятий населения, общей экономической активности. В Финляндии преобладают периферийные редконаселенные сельско- и лесохозяйственные регионы развития. В географии населения особое внимание надо обратить на изучение мотивов миграции, в экономической географии — на побочные занятия населения и размещение мелкой промышленности. Интересная тема исследований — подвижное обслуживание редконаселенных местностей в связи с противодействием сворачиванию транспорта в регионах развития. Должна развиваться география сельского расселения, очень важный предмет — география сельской культуры. Туризм вряд ли способствует подъему таких регионов. Очерченный круг исследований нуждается в подробных физико-географических данных. Дается обзор финских исследований по региональному развитию и региональной политике.

ГОРОДСКИЕ СИСТЕМЫ ВОКРУГ БАЛТИКИ

К. Риккинен

Так как Балтийское море всегда было важным торговым путем, на его берегах выросло немало больших городов. Все города Финляндии и Швеции находятся в бассейне Балтийского моря. Этот бассейн включает также всю территорию Польши, половицу Дании, двадцать девять значительных городов (с населением более 50 тыс. жителей) Советского Союза и все крупные города в северных районах ГДР и ФРГ.

Контактная зона между морем и сушей всегда привлекала человеческую деятельность. Вокруг Балтийского моря тоже очень рано появились места концентрации населения и центры торговли между хинтерландом и морем. Правда, большинство поселений на берегах Балтики жило сельским хозяйством и ловлей рыбы, поддерживая при этом экологическое равновесие суши и моря. Экологические проблемы возникли только при росте городских скоплений населения, что часто было связано с заметной концентрацией промышленности.

При изучении структуры и развития городских систем вокруг Балтийского моря основной темой выдвигается взаимодействие систем городов и природы. Рост и развитие города намного легче понять, если этот город рассматривается как часть системы. Прибрежные города Балтики (рис. 1) образуют иерархическую систему центров расселения и сфер их влияния самых различных размеров, охватывающих обширные сельские окрестности.

Природные системы, оказывающие влияние на Балтийское море, тоже простираются глубоко внутрь суши, до водораздела рек Балтийского бассейна (рис. 2), подразделяясь на водосборы отдельных рек.

Расселенческие и природные системы на первый взгляд кажутся совершенно несвязанными. Но в действительности региональная активность человека всегда в какой-то мере зависела от устройства природы, только сущность их взаимодействия изменялась с течением времени.

Старые города и их хинтерланды

На севере Балтийского региона урбанизация началась с побережья. В Финляндии, например, все основанные до 1600 года

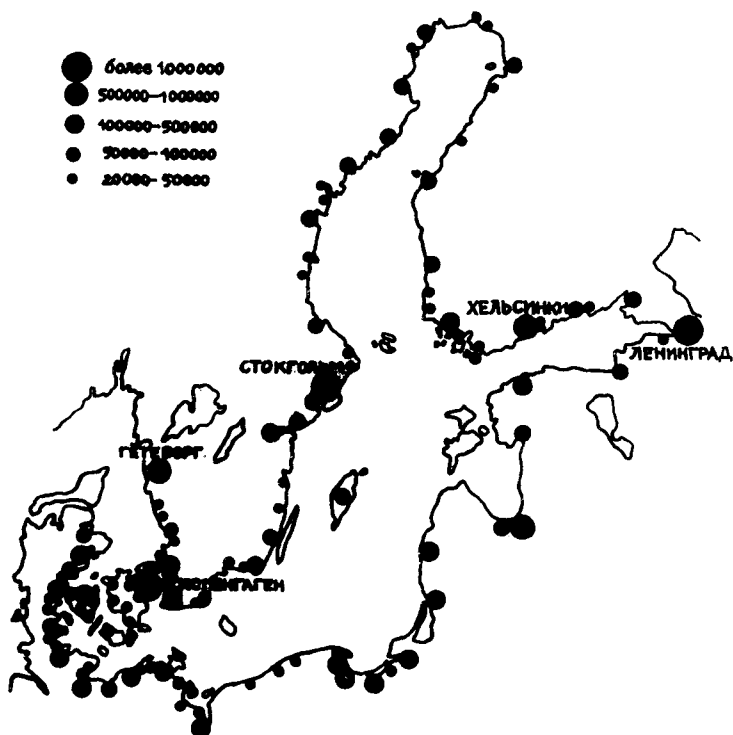

Рис. I. Прибрежные балтийские города.

7 городов, а также десять из четырнадцати городов, возникших в следующее столетие, расположены на побережье (Айо, 1947). Обычно они возникали в устьях рек, предоставляющих подходящие места для порта. Сами же эти реки служили важными, часто единственными путями сообщения с хинтерландом.

В подобных условиях влияние городов распространялось обычно — например, в Финляндии — узкой полосой глубоко во внутренние области страны (рис. 3). Вокруг реки как центральной магистрали концентрировалось большинство полей и сельских поселений. Заселенность уменьшалась вдали от долин рек и оказалась самой низкой на водоразделах, где кончалось влияние городов. По всей вероятности, первоначальное разви-

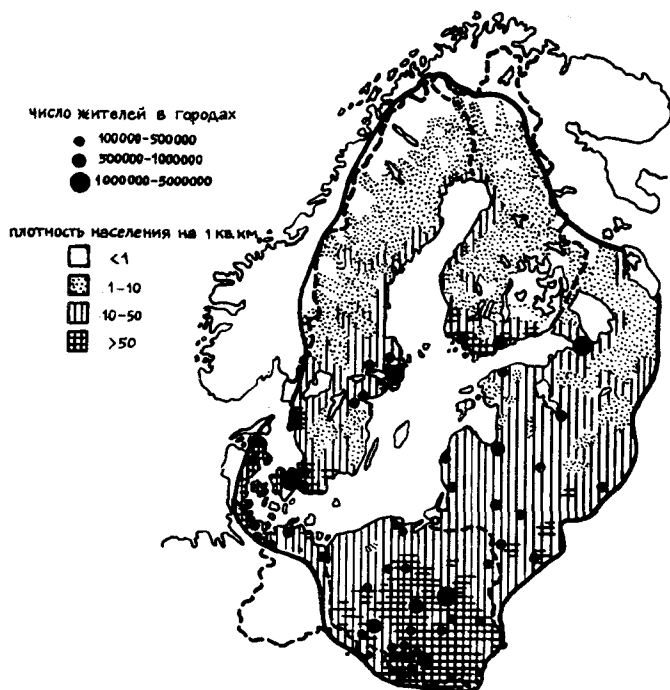

Рис. 2. Города Балтийского бассейна.

тие расселения складывалось подобным же образом всюду вокруг Балтики.

Итак, совпадение сфер влияния городов с речными бассейнами характерно для ранней стадии урбанизации (рис. 4. I). Взаимодействие через водоразделы было незначительным. Далее, каждому городу и его хинтерланду было присуще то, что преобладающее количество товаров поступало на городской рынок от самообеспеченного населения окрестностей, занятого сельским и лесным хозяйством. Кроме того, системы характеризовались малыми размерами центров и незначительным объемом промышленного производства в них. В общем и целом человеческая деятельность на этой ранней стадии урбанизации бы-

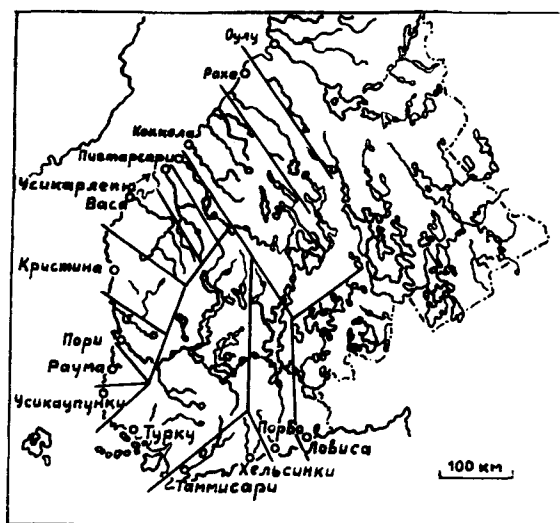

Рис. 3. Сферы влияния городов Финляндии примерно в 1780 г. (по Р. Айо).

да хорошо приспособлена к природным условиям.

Переход к специализации и иерархической системе

Промышленный переворот и развитие железнодорожного и автомобильного транспорта положили начало ряду изменения описанного состояния. В хинтерландах появились новые поселения, которые вступили в конкуренцию с прибрежными городами и начали развивать свои собственные сферы влияния. Реки в значительной степени потеряли свое значение в качестве путей сообщения. Развитие прибрежных городов начало определяться их местоположением в сети сухопутных дорог, их отношениями с конкурирующими центрами, а также местными условиями для развития современной промышленности. Некоторые прибрежные города процветали в изменившихся условиях, их рост ускорился, другие же начали отставать. Кое-где на берегу потребовались совсем новые центры. В общем, прибрежные города стали специализироваться и занимать те или иные иерархические ранги. Одновременно изменилась также география сфер влияния. Они приобрели форму, более близкую к полукру-

гу, и тоже включились в иерархическую систему (см. рис. 4.2).

В последние десятилетия развитие региональных систем человеческой деятельности стремится к независимости от природного порядка и соответствию собственным закономерностям. Регулирующие механизмы природных систем перегружены, возникли проблемы охраны окружающей среды. И все же основная структура старой системы городов ясно видна и теперь. Даже сегодня для функционирования многих городов требуются река и глубоководный порт, хотя о гармонии между человеческой деятельностью и природой уже нельзя говорить.

Правило «ранг-размер» в приложении к городам Балтийского бассейна

В результате описанных выше процессов развития города в бассейне Балтийского моря стали весьма различными по размерам. Более подробное рассмотрение соотношений их размеров желательно и потому, что созданная этими городами экологическая нагрузка существенно зависит от их величины. На рис. 5а и 5б представлены графики «ранг-размер» городов бассейна Балтийского моря, полезные для иллюстрации и анализа соотношений между размерами городов.

Аккуратно проведенное сравнение городов разных прибалтийских государств затрудняется разногласиями в доступной статистической литературе. Несмотря на это, все же можно сделать некоторые общие выводы.

В Финляндии и Швеции в Балтийском бассейне расположены все города. Восемь из двенадцати крупнейших городов Финляндии (с численностью населения св. 50 тыс.) расположены на берегу моря или очень близко к нему. Общегосударственным центром служит Хельсинки (484 тыс. жителей в 1978 г.), с ним функционально связаны Эспо, Кауниайнен и Ванта. Эти четыре города вместе образуют Большой Хельсинки, где в 1978 г. проживало 749 тыс. человек. Среди прибрежных городов Финляндии имеются также средние и даже очень маленькие города, рост которых остановился, чаще всего вследствие изменения транспортных условий. В целом распределение финских городов по размеру хорошо соответствует модели, приведенной на рис. 4.

На шведской кривой «ранг-размер» отдельной группой выделяются Стокгольм, Гетеборг и Мальме. Численность населения Стокгольма достигла в 1979 г. 654 тыс., однако, в Большом Стокгольме в это же время проживало более миллиона человек

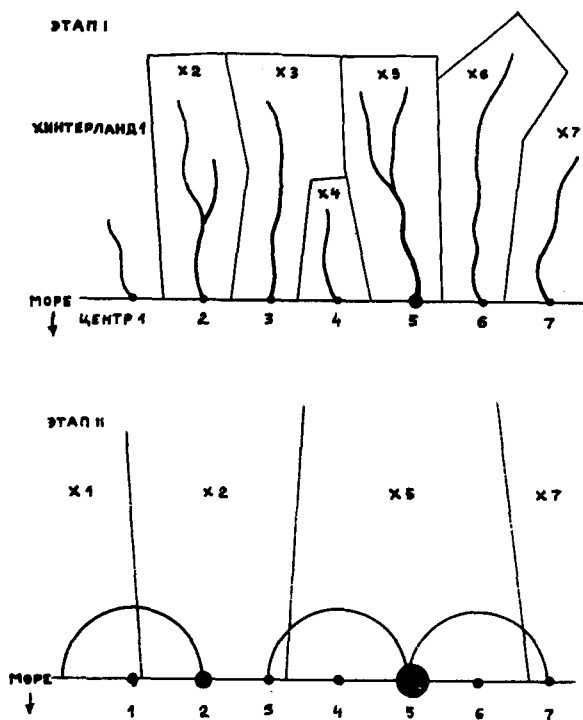

Рис. 4. Этапы развития прибрежных городов.

Этап I отражает бывшее значение рек как путей сообщения и связи: хитерланды вытянуты по рекам. Этап II с полукруговыми хитерландами отражает современное состояние транспорта.

(1348 тыс.). Начиная, примерно, с уровня 100 тыс. жителей, шведская кривая «ранг-размер» падает с незначительным (по сравнению с финской) наклоном. Поэтому городов с численностью населения более 50 тыс. в Швеции 35, а в Финляндии — только 13. Из этих 35 шведских городов 23 расположены на побережье или очень близко к нему. Следовательно, шведское расселение более «выдавлено» к морю, чем на финской стороне Балтики.

Около половины территории и все крупнейшие города Дании (Копенгаген, Орхус, Оденсе, Ольборг) находятся в бассейне Балтийского моря. Расчлененность суши Дании на многочисленные острова неизбежно вызывает размещение почти всех городов на берегу или вблизи него. Кривая «ранг-размер» городов Дании напоминает финскую.

Хотя вся Польша находится в бассейне Балтийского моря, на морском берегу расположены только 5 значительных польских городов: Гданьск (443 тыс. жителей в 1977 г.), Щецин (381 тыс.), Гдыня (230 тыс.) и др. Польская кривая «ранг-размер» проходит выше других, что означает исключительно большие средние размеры городов. Таким образом, потенциальное «давление» польских городов к Балтийскому морю сильнее, чем североευропейских.

Применительно к советской территории, расположенной в Балтийском бассейне, кривая «ранг-размер» содержит данные только о городах с населением св. 50 тыс. В 1977 г. таких городов насчитывалось 29, среди них – самый крупный город Балтийского региона Ленинград (3963 тыс. жителей). А в Большом Ленинграде в 1977 г. проживало не менее 4,4 млн. человек. Затем следуют Рига (816 тыс.), Вильнюс (458 тыс.) и Таллин (415 тыс.) Как и польские, советские города – часто большие, 19 из них насчитывают более 100 тыс. жителей.

В бассейне Балтийского моря находятся только северные города ГДР. Крупнейший из них – Росток (225 тыс. жителей в 1978 г.) – расположен на побережье. Вообще, прибрежных городов с лдностью св. 50 тыс. – восемь.

Из прибалтийских городов ФРГ крупными являются Киль (254 тыс. жителей в 1978 г.), Любек (225 тыс.) и Фленсбург (89 тыс.), другие – намного меньше.

В общем, распределение городов по размеру в каждом государстве довольно хорошо подчиняется правилу «ранг-размер», согласно которому на территории каждого государства находится один выделяющийся по величине город, а размер остальных определяется по принципу: пятый город в пять раз меньше самого крупного, восьмой – в восемь раз и т.д.*.

Приведенные на рис. 5 кривые «ранг-размер» можно использовать для оценки потенциала загрязнения прибалтийских горо-

* К. Риккинен трактует правило «ранг-размер» упрощенно. В действительности j -ый по рангу город меньше первого в k раз, где k редко когда равна единице; часто применяется также поправка на лдность первого города. – Прим. ред.

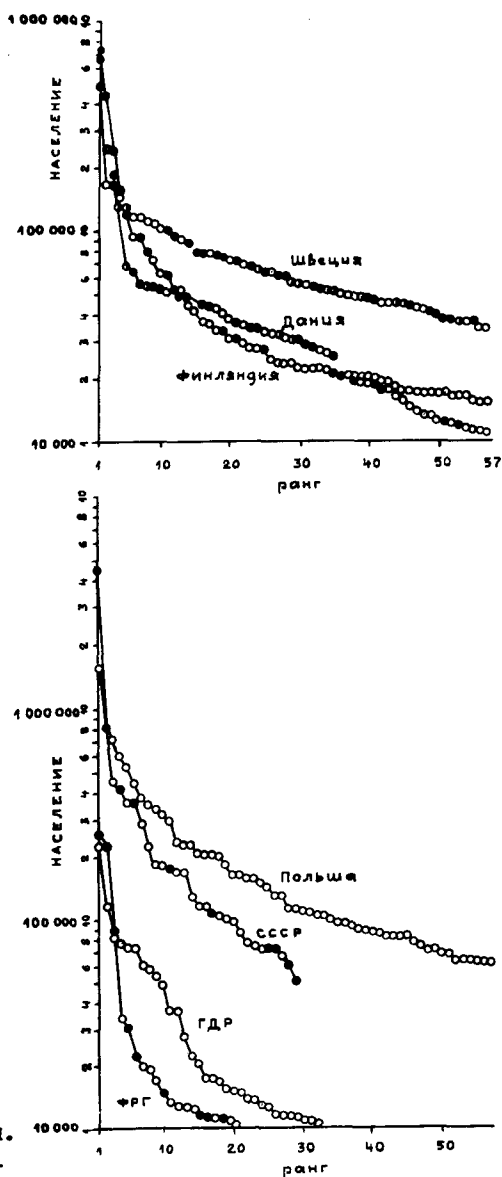

Рис. 5. Кривые «ранг-размер» для прибалтийских стран. Черные кружки представляют прибрежные города, черно-белые — города, расположенные не далее 30 км от моря, белые — города внутренних районов.

дов. Естественно, эта оценка получается весьма грубой, так как не учитывает структуру промышленности поселений.

На графиках указано также примерное расстояние городов от Балтийского моря. Создаваемое прибрежным городом загрязнение влияет на море более непосредственно, чем загрязнение из внутренних городов, теряющее силу влияния, прежде чем достигает Балтийского моря. Однако решающим фактором уменьшения загрязненности Балтики является доступная технология очистки стоков.

Современные направления развития

Процесс урбанизации во всем мире в значительной мере протекал кумулятивным образом: крупные города росли быстрее малых не только абсолютно, но и относительно. Однако в последние годы действие кумулятивного механизма роста в развитых странах застопорилось — рост многих крупных городов прекратился или даже сменился сокращением. Вредоносные эффекты роста там превзошли преимущества.

А какова ситуация вокруг Балтики? На рис. 6 показано изменение численности населения некоторых крупнейших прибалтийских городов. Выделяются две группы. В первую относятся города, рост которых продолжается. Советские города Ленинград, Рига, Таллин растут особенно быстро, рост городов других социалистических стран тоже продолжается вплоть до настоящего времени.

Другая группа включает сокращающиеся города. Первой в нее вошла столица Дании Копенгаген, затем Стокгольм и Хельсинки. В последнее десятилетие сократилось (с 578 до 562 тыс.) также население пригородной зоны Копенгагена. Начала уменьшаться населенность Большого Стокгольма (1375 тыс. в 1977 г. и 1348 тыс. в 1979 г.). В этих странах городское население теперь растет за счет средних городов.

Возврат к меньшим городам

Недавние тенденции показывают, что (по меньшей мере в части прибалтийских стран) рост отвлекается от крупнейших агломераций. В Советском Союзе при обсуждении перспектив дальнейшего развития города тоже отмечается, что «ЦК КПСС и Советское правительство подчеркивали необходимость применения мер для сокращения роста крупных и стимулирования первоочередного развития средних и малых городов» (Paalberg, 1976).

Таким образом, можно предположить, что во всем Балтийском

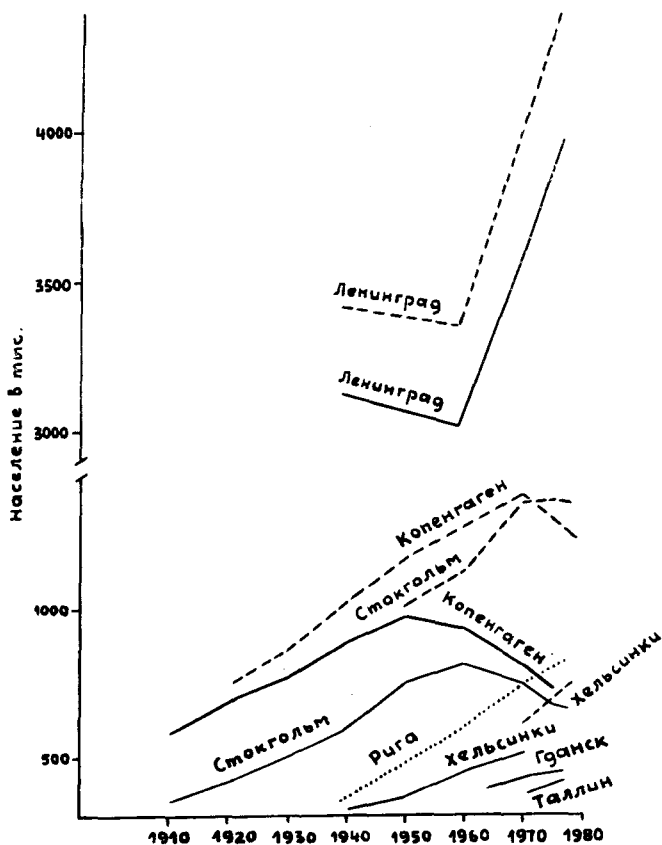

Рис. 6. Численность населения некоторых прибалтийских городов.

Сплошная линия — собственно город, прерывистая — агломерация.

регионе основной рост городского населения будет происходить в средних и малых городах. Наблюдаются также приметы «исхода из городов». Обе эти тенденции весьма желательны с точки зрения будущего Балтийского моря, ведь известно, что организовать канализацию и очистку стоков в крупных агломе-

рациях куда труднее, чем в средних и малых городах.

Конечно, предстоит еще очень долгий путь к восстановлению равновесия городских систем и природы, существовавшего всего пару столетий назад. Но ослабление кумулятивного роста - примета улучшения тенденции развития.

Литература

1. Ajo R. Liikennealueiden kehittyminen Suomessa. - Fennia, 1947, vol. 69, No. 3, p. 25.
2. Paalberg H. Principles of the planning of the agglomeration of Tallinn. - In: Estonia. Regional Studies (Academy of Sciences of the Estonian S.S.R. Estonian Geographical Society), Tallinn, 1976, p. 155.
3. Все цифровые данные, приведенные в тексте и на рисунках, взяты из официальной статистики соответствующих стран (статистических ежегодников).

The Baltic's Urban Systems

K. Rikkinen

Summary

The system of population centers and the system of nature have interacted constantly, the interaction having been more immediate in the earlier historic periods. In the northern Baltic area, urbanization started on the seacoast. The first cities generally stood at the mouth of a river, and their hinterland coincided with the drainage area of the river, which was in many cases the only means of communication. The Industrial Revolution and the development of transport conditions raised the importance of inland cities. The seaboard cities underwent specialization and evolved into centers on different hierarchical levels, according to their position in the land transport and economic system. Nevertheless, the basic structure of the old urban system can still be plainly perceived.

The cities that fall within the Baltic drainage area of the 7 Baltic countries, are, in general, distributed by size fairly closely to the "rank-size rule", following the

certain principle of their ranking. The presented rank-size curves can be used to estimate the potential pollution load of the cities on the Baltic Sea.

As regards to the recent developmental trends, the Baltic cities can be divided into two types. The Soviet cities Leningrad, Riga and Tallin are still vigorously growing, but the suburban Copenhagen and Stockholm, and the metropolitan Helsinki have been overtaken by the decreasing trend. Discussions have been going on in the USSR concerning the measures for restraining the growth of big cities. The weakening of the mechanism of cumulative growth and population increase in medium-sized and small cities is desirable from the point of view of the future of the Baltic Sea.

УРБАНИЗАЦИЯ И СИСТЕМА РАССЕЛЕНИЯ В СЕВЕРНЫХ ОКРУГАХ ГДР

А. ф. Канель, Х. Узбек

1. Введение

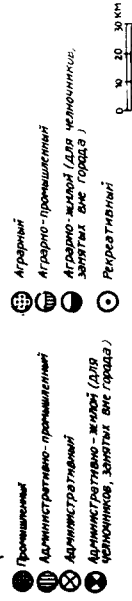
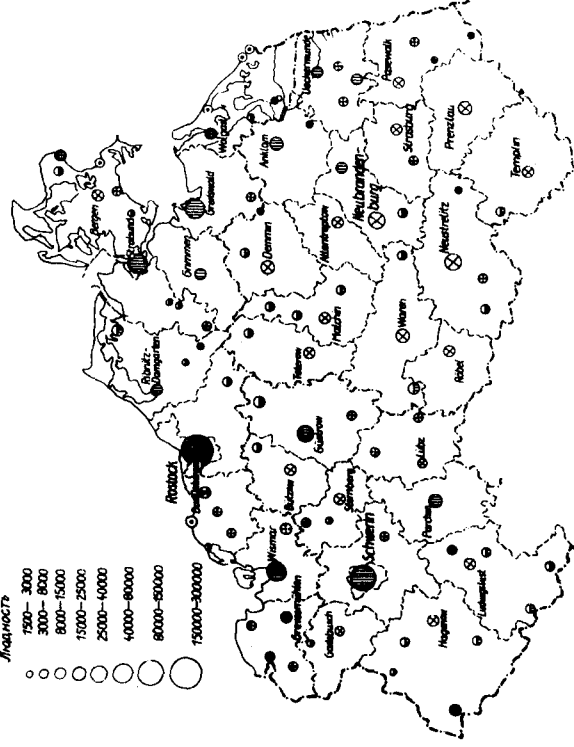
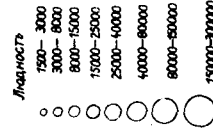
Географами ГДР урбанизация рассматривается как социально-экономический процесс, обусловленный развитием производительных сил и производственных отношений. В узком смысле процесс урбанизации проявляется в повышении удельного веса городского населения, в пространственном расширении городов и образовании городских агломераций. Увеличение удельного веса городского населения (т.е. населения в поселениях с 2000 и больше жителей) вызвано прежде всего переселением из деревни в город. Качественная сторона урбанизации выражается в распространении городского образа жизни и городских условий на всю страну, в т.ч. и на удаленные от города местности, что содействует преодолению противоречий между городом и деревней (Пивоваров, 1976).

Городам как фокусам развития и нововведений уделяется особое внимание. Но и сельская местность не остается пассивной. Современное сельское хозяйство с промышленной технологией производства способствует коренным изменениям в структуре расселения и в образе жизни сельского населения. Поэтому, наряду с происходящей в городах урбанизацией, в отношении сельских округов ГДР можно говорить и об урбанизации на собственной основе. В ходе этого комплексного процесса преобразуются исторически сложившиеся структуры расселения, и возникают системы расселения нового типа.

По доле городского населения (76%) ГДР занимает первое место среди социалистических стран. Эта доля принимает наивысшие значения в промышленных районах и наивысшие — в типично аграрных округах севера.

Ниже будут рассмотрены некоторые аспекты урбанизации и развития систем расселения в северных округах ГДР (Росток, Шверин, Нойбранденбург) (рис. 1).

Одним из наиболее значительных экономических и социальных достижений ГДР за три десятилетия социалистического развития является всемерное сближение условий труда и жизни в северных районах к уровню передовых южных районов. При этом «пространственное выравнивание» ни в коем случае не означает экономического нивелирования и формального равенства тер-

риториальных структур. Определенные различия сохранились до настоящего времени, и поэтому встают все новые вопросы их преодоления. Решению этих задач способствует и география с ее специфическими средствами.

Для правильного определения места качественных и количественных изменений территориальной структуры северных районов ГДР в процессе урбанизации следует познакомиться с исторической исходной ситуацией 1945 года.

Территория названных трех северных округов обладала особенно явными признаками отсталости хозяйственной и территориальной структуры. Большая часть использовавшихся в сельском хозяйстве площадей до 1945 г. принадлежала крупным землевладельцам. Соответственно здесь было много т.н. поместных (мызных) деревень, относительно малолюдных. Существовали также (а в некоторых небольших районах даже преобладали) крестьянские деревни. Аграрному характеру территории соответствовали также редкость городских поселений и их преимущественно аграрный тип. Социальная структура населения в значительной степени определялась сельскими работниками и ремесленниками, а также середняцкой прослойкой. Градообразующий базис состоял из политико-административной сферы, торговли, культуры. Индустриализация ориентировалась на удовлетворение потребностей аграрного производства или на переработку местного сырья. Типично промышленных городов было крайне мало. Только Росток в 30-ые годы на основе возможной военной промышленности вырос в крупный город. Из других значительных городов Шверин достиг к 1939 г. численности населения в 65 тыс. человек, Штральзунд - 53 тыс., Висмар, Грайфсвальд, Пренцлау и Гюстров имели численность населения в пределах 27-37 тыс.

2. Изменение условий развития территориальной структуры после 1945 года

Освобождение от фашизма, образование ГДР и последующее развитие в условиях социалистического строя коренным образом изменили условия развития территориальной структуры. Решающее воздействие на процесс урбанизации и складывание систем расселения оказывали следующие факторы:

- а) преобразование сельского хозяйства на социалистической основе;
- б) индустриализация;
- в) развитие инфраструктуры;
- г) перемещения населения.

Некоторые из этих процессов имели аналоги в аграрных районах других стран, но многие черты развития носили специфический, вытекающий из региональных особенностей Севера ГДР, характер.

2.1. Социалистическое преобразование сельского хозяйства

Демократическая земельная реформа 1945/46 гг. радикально изменила классовую структуру деревни. Экспроприация помещиков устранила вековую несправедливость, землю получили те, кто ее обрабатывал. В этих условиях именно бывшие помещичьи деревни приобрели первостепенное политическое и экономическое значение, в них находился центр тяжести нового строительства в первые послевоенные годы, повысилось их значение в расселении. В результате еще более закрепился дисперсный характер расселения.

Переход к коллективному землепользованию после 1952 г., а особенно завершение социалистического преобразования производственных отношений в сельском хозяйстве (1960 г.) и внедрение достижений научно-технической революции сильно повысили производительность живого труда в деревне и сделали возможным переселение части сельского населения в более крупные города и возникновение массовых маятниковых миграций в города. Этот процесс высвобождения рабочей силы из сельского хозяйства к настоящему времени завершился. Значительно изменились профессиональная характеристика и степень квалификации также тех работников, которые остались в сельском хозяйстве. Условия труда в современном крупном сельскохозяйственном производстве близки к промышленным.

Одно коллективное хозяйство (в ГДР их называют ЛПГ) включает теперь территорию нескольких прежних общин. Многие сельские поселения потеряли свои производственные функции и сохраняются только как места проживания. Более крупные деревни и небольшие города стали выполнять важные функции по управлению производством, техническому и агрохимическому обслуживанию, обработке сельскохозяйственной продукции и снабжению и обеспечению населения. Таким образом, современное сельское хозяйство стало катализатором преобразования структуры расселения и социальной структуры сельской местности.

2.2. Индустриализация

Индустриализация послужила причиной решающих изменений в территориальной структуре и структуре расселения (подробнее

см.: Känel, 1972). Существующие производственные мощности были очень быстро исчерпаны. Уже в первые послевоенные годы появилось много крупных предприятий, как на побережье (крупные верфи в Ростоке, Висмаре, Штральзунде и Волгасте), так и в центрах, удаленных от моря (Шверин, Нойбранденбург, Пренцлау, Пархим и др.). Индустриализация отвечала принципиальному требованию укрепления рабочего класса в отсталых прежде районах в целях скорейшего преодоления этой отсталости. Не менее важную социальную задачу решала индустриализация обеспечением занятости возросшего населения. В 60-е годы (а кое-где и позже) шло экстенсивное распространение индустрии во все окружающие и во многие районные центры. В ряде городов аграрного типа было создано по несколько небольших предприятий, благодаря чему эти прежде неразвитые города приобрели значительную собственную промышленную основу. Наступившее в 70-е годы сокращение трудовых ресурсов во всех секторах хозяйства выдвинуло на первый план интенсивный путь дальнейшего развития.

2.3. Развитие инфраструктуры

Децентрализация и диверсификация рабочих мест, вместе с маятниковой миграцией, позволяют полнее и равномернее использовать наличную инфраструктуру, в т.ч. и в поселениях без собственной производственной базы. Но развитие основного производства, естественно, повлекло за собой также сильный рост и модернизацию инфраструктуры. Была преодолена отсталость в сфере транспорта, энерго- и водоснабжения и сброса сточных вод. То же самое можно сказать и о социальной инфраструктуре, где средние по ГДР показатели превышены уже во много раз. Различия между городом и деревней, между густо- и редконаселенными районами четче сохранились в снабжении.

Таблица I, составленная по (Stams, Stams, 1976) дает представление о степени рассеянности расселения в северных округах. Как видно, св. 80% всех поселений – очень маленькие, а плотность городов примерно вдвое ниже среднего по ГДР значения.

Рассеянное население, как известно, обслуживается через иерархическую, многоступенчатую систему центров обслуживания. На севере ГДР традиционная система центров обслуживания была приспособлена к новым современным потребностям. Особенно были усилены сельские центры. Это позволило охватить современным обслуживанием всю территорию северных округов и

Таблица I

Удельный вес (в процентах) числа населенных пунктов и населения в них по основным группам поселений, плотность поселений в северных округах ГДР в 1974 году

Округ	Поселения						Плотность	
	I	2	3	4	5	6	поселений на 100 кв. км.	городов на 100 кв. км.
Росток	86	9	5	23	10	62	23,3	5,1
Шверин	83	14	3	41	4	55	14,3	3,3
Нойбранденбург	85	12	3	45	5	50	14,8	3,0
ГДР (без столицы)	68	21	11	23	19	58	15,2	7,0

- 1 = очень маленькие деревни и др. поселения,
 2 = средние и большие деревни и др. небольшие поселки,
 3 = средние и большие поселки и города,
 4 = деревни,
 5 = другие поселки,
 6 = города.

тем самым и перевести сельское население к городскому образу жизни и в этой сфере, как и в сфере труда.

Система центров продолжает совершенствоваться. При сильном преобладании маленьких и очень малых поселений нужно или обеспечить децентрализованное снабжение, или рационально привязать эти поселения к центрам. Связанные с этим вопросы организации и функционирования систем расселения, представляющие собой также важную часть географических исследований северных районов, будут затронуты ниже.

2.4. Перемещения населения

В военные и послевоенные годы именно в рассматриваемые северные районы прибыло больше всего переселенцев из бывших восточных немецких земель. Этот поток рассасывался в итоге земельной реформы и благодаря созданию новых промышленных центров, но он еще в течение многих лет питал дальнейшее переселение в центры экономического строительства вне северных районов. Это, а также довольно высокое естественное воспроизводство населения и высвобождение рабочей силы из сельского хозяйства позволили северным округам перенести значительные потери без особых отрицательных последствий. Только

Ростокский округ на протяжении многих лет имел положительное сальдо миграции, что обусловлено, в первую очередь, развитием г. Росток и его общенациональных функций (Känel, Weber, 1976).

Ситуация коренным образом изменилась в 70-е годы. В 45,5% общин произошло снижение прироста населения, обусловленное вызванными войной и миграцией сдвигами возрастного состава, а также распространением городского типа воспроизводства населения в деревнях. Северные округа в целом имеют положительный и наивысший в ГДР прирост населения, но он достигается за счет населения больших городов, где та же миграция создавала благоприятную возрастную структуру. На селе же продолжающийся отток рабочей силы уже наносит вред экономическому воспроизводству, и для исправления положения требуются особые меры.

Отток населения из села в город вызвал стремительный рост доли городского населения и сильно уменьшил различия между Севером и Югом ГДР по этому показателю, что явствует из таблицы 2 (Statistisches ..., 1982).

Таблица 2

Удельный вес (в %-ах) городского населения (в поселениях с более 2000 жителями) по группам округов в 1965-1980 гг.

Группа округов	Годы			
	1965	1970	1975	1980
Северные округа	61,0	63,1	66,3	69,9
Средние округа	67,5	68,4	71,2	72,6
Юго-западные округа	65,7	66,6	67,5	69,4
Южные округа	78,4	78,4	79,5	79,7
ГДР (без столицы)	73,0	73,8	75,3	76,3

Северные округа: Росток, Шверин, Нойбранденбург;

Средние округа: Магдебург, Потсдам, Франкфурт-на-Одере, Котбус;

Юго-западные округа: Эрфурт, Гера, Зуль;

Южные округа: Лейпциг, Галле, Карл-Маркс-Штадт, Дрезден.

Три северных округа различаются между собой по экономическому развитию и, следовательно, по уровню урбанизации.

На первом месте стоят Ростоцкий округ, где в настоящее время в городах проживает 3/4 населения. В этом округе находится ряд важных промышленных центров – городов: Росток (233 тыс. жителей), Штральзунд (75 тыс.), Грайфсвальд (61 тыс.) и Висмар (57 тыс.).

В Шверинском и Нойбранденбургском округах крупных городов, кроме окружных центров, нет. В Шверинском округе – 65% городского населения, причем 20% населения проживает в окружном центре (121 тыс. жителей). В Нойбранденбургском округе наблюдается наименьший удельный вес городского населения, всего 63%. Но, благодаря довольно быстрому росту окружного центра (с 46 тыс. жителей в 1970 г. до 79 тыс. в 1980 г.), эта разница, по сравнению с двумя другими округами, уменьшилась.

Как в ГДР в целом, так и в северных округах растет только окружные и некоторые районные центры. В остальных менее крупных поселениях число жителей снижается. Таким образом, процесс урбанизации представляет собой концентрацию стабильного или даже убывающего по численности населения. Второй источник роста городов – естественный прирост, который в городах благодаря притоку молодежи выше среднего.

Общая тенденция такова, что чем меньше поселение, тем быстрее оно теряет население. Все же убыль населения наблюдается не во всех сельских поселениях. Наряду с величиной, дифференцирующими факторами являются также транспортное положение, состояние инфраструктуры и жилого фонда, красота природы и др., благодаря которым ряд сельских поселений имеет стабильное или даже растущее население (Usbeck, 1979).

Концентрация населения северных округов происходит в немногие центры, расположенные в основном вдоль главных транспортных осей, пролегающих от Берлина через Нойбранденбург или же от Магдебурга через Шверин и вдоль побережья. Находящиеся на этих осях сельские поселения имеют значительные преимущества для развития, так что можно говорить о начале образования узлово-лентовой структуры с динамическим развитием населения. В менее урбанизованных «промежуточных» территориях в целях предотвращения их опустения необходимо решительнее приложить принцип «децентрализованной концентрации».

3. Развитие систем расселения

Место системы расселения в территориальной структуре зависит главным образом от характера ее центров. Величина, снабжение и динамика центров обуславливают аттрактивность их, ход диффузии нововведений и т.д., а этим и стабильность, и иерархическое положение системы расселения.

Организация и границы систем расселения зависят, конечно, от политико-административного деления. Но даже если центры систем занимают формально одинаковое положение в административной иерархии, сами системы и их развитие могут заметно различаться (Känel, 1981).

Различаются уже три окружных центра – Росток, Шверин и Нойбранденбург. Правда, все они доминируют в своем округе по всем типичным для окружного центра функциям (окружные совет, комитеты партии и массовых организаций, управление государственными предприятиями и торговыми организациями, народным образованием, культурой, органами здравоохранения и т.д.). Но Росток с его функциями общенационального значения представляет собой еще более высокую ступень иерархии, своего рода «столицу» всех северных округов. Хинтерланды всех трех городов, образуемые повседневной активностью и движением населения, выходят за пределы своих районов и охватывают большие площади в соседних районах, вплоть до превращения соседних районных центров в спутники, включения их в свою агломерацию (Бад Даберанский район – в Ростокскую, Гадешушский – в Шверинскую, Альтентрептовский – в Нойбранденбургскую). По аналогии с СССР (Марксоо, 1977) здесь можно говорить о региональных «крупных системах». Особенно интенсивны связи центра с собственным районом и с непосредственным окружением, которое может быть названо окрестной зоной (Krönert, 1977).

Районные центры имеют одинаковое положение в административной организации. Но большой диапазон их людности (от 5 до 75 тыс.) позволяет заключить о значительных различиях между ними по величине хинтерланда. Эти различия проистекают не только из различий в мощности функций с далекими связями (особенно промышленности), но и из различий в связях с непосредственным окружением. Выделяется три группы районных городов:

а) Районные центры, оказывающие влияние и на соседние районы, а по некоторым функциям «ответственные» даже за весь соседний район. Таков прежде всего Штральзунд, система рас-

селения которого приближается уже к вышеописанным «крупным системам». Таковы также Висмар, Грайфсвальд, Гюстров, Нойштрелиц. Это важные центры индустриализации (правда, некоторые только с недавнего времени). Вместе с окружающими центрами эти города концентрируют почти весь научный потенциал и учебные заведения более высокого уровня северных округов.

б) Полноразвитые районные центры выполняют типичные административно-управленческие функции и являются важнейшими центрами маятниковой миграции для всей территории своего района.

Хинтерланды районных центров групп а) и б) довольно сильно ориентированы на свой центр и охватывают обширную территорию с расположенными на ней меньшими городами. Это средние системы расселения.

в) Слаборазвитые районные центры, хинтерланд которых по некоторым функциям частично или полностью обслуживается центром более высокого ранга. Это т.н. «частичные» районные центры (Lüdemann et al., 1979) и образуют они небольшие системы расселения, которые можно рассматривать как низшую ступень иерархии систем.

Такие системы образуют повсеместно распространенные в северных округах города аграрного типа вместе с их окрестностями. В прошлом они предоставляли только простые услуги, очень немногие среди них имели небольшие и средние промышленные предприятия. После 1945 г. эта группа городов значительно изменилась и дифференцировалась. Возросшая численность населения, его подвижность и доходы привели к значительному качественному улучшению традиционных функций, сферы образования, здравоохранения и социального обеспечения, культуры и спорта. Эти города приобрели важные задачи организации и руководства социалистическим сельским хозяйством, в них разместились организации агросервиса. Практически все они стали и промышленными центрами, хотя и в различных формах, некоторые стали даже преимущественно промышленными. В них появились специальные учреждения образования и здравоохранения. Из них в более крупные центры пошел большой поток маятниковых мигрантов. И хотя они сами тоже привлекают маятниковых мигрантов, сальдо движений почти везде отрицательно.

Значительная маятниковая миграция в городах аграрного типа делает маленькие системы расселения очень «открытыми». Тенденция маятниковых мигрантов постоянно переселяться в бо-

лее крупный центр отрицательно влияет на демографическое развитие слаборазвитых районных центров. Сельское население, степень моторизации которого заметно повысилась, начинает в своих поездках обходить эти малые города в пользу более крупных центров обслуживания, где сфера услуг лучше. Маленькие системы расселения стали неустойчивыми.

После 1945 г. появились также планомерно развиваемые сельские центры обслуживания населения, первичные ядра концентрации населения и проводники урбанизации «вширь».

Большинство сельского населения все же проживает в небольших поселениях, людность которых часто не достигает 200 человек. Все большее число таких поселений в результате постоянной убыли населения приходит к рубежу, ниже которого инфраструктура обслуживания становится неэффективной (напр., магазин товаров ширпотреба рационально используется, если его клиентура — не менее 200–300 человек). Современное сельское хозяйство ослабило или совсем упразднило их производственные функции.

К этим поселениям нужен дифференцированный подход. Кажется, что они все же имеют право на существование в качестве жилых деревень, их население найдет занятие в сельском хозяйстве и в городах. Предусматривается не ликвидация таких поселений, а интенсивная реконструкция имеющегося в них жилья и др. построек и включение их в систему расселения. Это позволит сохранить минимальное число жителей и достаточно разнообразную социальную структуру сельских поселений.

4. Некоторые качественные аспекты урбанизации

Часто за показатель распространения городских форм и условий жизни, как важного качественного аспекта урбанизации, принимают снижение доли занятых в сельском хозяйстве или повышение доли неаграрных деятельности и связанной с ними маятниковой миграции. В ГДР в 70-е годы произошло значительное региональное сближение этих показателей. С другой стороны, сельское хозяйство стало носить близкий к промышленно-сти характер, так что структура занятости и маятниковая миграция потеряли свою функцию индикатора достигнутого уровня урбанизации.

Процессы выравнивания произошли и в сфере социального поведения людей (естественное воспроизводство, общественная деятельность, использование свободного времени, профессиональная деятельность женщины и т.д.). Для локального и регионального дифференцирования процессов урбанизации теперь

необходимо иметь много показателей, отражающих различные стороны этого комплексного процесса (Margraf, Uzbeck, 1981). Особое значение мы придаем условиям обслуживания в широком смысле. Для отдельных населенных пунктов большую роль играет способ вхождения их в соответствующую систему расселения. Как видно, проблема урбанизации соприкасается с проблемой центр-хинтерланд, с организацией и способом функционирования систем расселения разных иерархических ступеней. Происходит не только преодоление противоречий между городом и деревней, но повсеместная урбанизация вплоть до сельских поселений. Условия для этого разные. Наиболее благоприятны они в системе расселения с большим или средним городом в роли центра. В самом неблагоприятном положении находятся небольшие системы, возглавляемые городами аграрного типа, и особенно пространственно обширные небольшие системы периферийных местностей. Там сначала надо попытаться повысить степень концентрации сети поселений.

Качественная сторона урбанизации проявляется не в последнюю очередь и во внешности деревень. Тип построек стал ближе к городскому, традиционные постройки перестраиваются, жилища становятся более комфортабельными, усвершенствуются инженерные сети, образуются новые деревенские центры. Превращение разницы в облике города и деревни уже заметно сглажено.

Анализ процесса урбанизации в округе Шверин (Uzbeck, 1979) выявил два типа пространственного распространения ее, которые, согласно (Känel, Weber, 1976), типичны для аграрных областей ГДР:

- а) вдоль главных магистралей сообщения и в непосредственной близости крупных центров,
- б) точечно в остальных местностях.

В будущем следует ожидать ослабления тенденции концентрации в крупные города и роста значения качественных сторон урбанизации. Таким образом можно было бы уменьшить потери населения небольших поселений и сохранить существующий фонд населенных пунктов. Достижение этой цели — важная задача научно обоснованного планирования расселения, для решения которой географические исследования в ГДР внесли заметный вклад.

Литература

- Марксоо А. Системы расселения на фоне общей теории систем и кибернетики. - Учен. зап. / Тартуский гос. ун-т. Тарту, 1977, вып. 432, с. 3-49.
- Пивоваров Ю.Л. Современная урбанизация - основные тенденции расселения. М., 1976.
- Känel A. Zur Industrie und Industrialisierung in den Nordbezirken der Deutschen Demokratischen Republik. - Zeitschr. für den Erdkundeunterricht, 1972, Bd. 24, H. 8/9, s. 281-299.
- Känel A. Zur Entwicklung von Siedlungssystemen in Agrargebieten der DDR.- In: Siedlungssysteme in der VR Polen und der DDR, Beiträge zur Geographie, Bd. 30, 1981.
- Känel A., Weber, E. Aspekte der Entwicklung von Bevölkerung und Siedlungssystemen in den Nordbezirken der Deutschen Demokratischen Republik unter besonderer Berücksichtigung der Urbanisierung. - Petermanns Geographische Mitteilungen 1976, Bd. 120, H. 2, s. 120-124
- Krönert R. Stadt-Umland-Regionen von Groß- und Mittelstädten der DDR. - Geographische Berichte, 1977, Bd. 22, H. 2, s. 81-101.
- Lüdemann H., Grimm F., Krönert R., Neumann H. Stadt und Umland in der Deutschen Demokratischen Republik. -VEB Gotha/Leipzig: Hermann Haack, 1979.
- Margraf O., Usbeck H. Bestimmung des Urbanisierungsgrades von Gemeinden mit Hilfe der Faktorenanalyse, dargestellt am Beispiel des Umlandes von Schwerin. - Petermanns Geographische Mitteilungen, 1981, Bd. 125, H. 4, s. 245-252.
- Stams M., Stams W. Bevölkerungsverteilung und Siedlungsnetz in der DDR - Zur Entwicklung und Auswertung der Karte "Bevölkerungsverteilung" im Atlas DDR. - Geographische Berichte, 1976, Bd. 21, H. 1, s. 1-14.
- Statistisches Jahrbuch der DDR 1981. Berlin, 1982.
- Usbeck H. Ausgewählte Aspekte der Urbanisierung im Schweriner Umland. - Zeitschr. für den Erdkundeunterricht, 1979, Bd. 31, H. 7, s. 241-255

The Urbanization and Settlement Systems in the
Northern Districts of the G.D.R.

A. v. Känel, H. Usbeck

S u m m a r y

In 1945, the northern districts of the G.D.R. (Rostock, Schwerin, Neubrandenburg) were agrarian and underdeveloped. Immediately after the war there was a considerable influx of displaced persons from Poland and Prussia. The socialist industrialization, collective farming and the introduction of industrial methods into agriculture, the growth of commuting have greatly changed the population and settlement in the northern districts. A great proportion of rural population has left the area, as a result of what the proportion of urban dwellers has risen almost to the same level as in the industrial districts of the G.D.R. Besides Rostock, some new great cities have sprung up, middle cities have grown considerably. But little towns and rural settlements, as a rule, have decreased, only around big cities and main transportation lines there are a few growing rural centers. Settlement systems of three hierarchical orders (big, middle and little systems) have been developed. The small ones, which lose their population, are becoming problem areas. The urban way of life is rapidly spreading into countryside.

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА БЛИЖАЙШЕГО СОСЕДСТВА ДЛЯ АНАЛИЗА СЕТИ ГОРОДСКОГО РАССЕЛЕНИЯ ПОЛЬШИ

Д. Шиманьска

Настоящая работа является попыткой проанализировать соотношения между теоретически вычисленным оптимальным расположением городов и их фактическим расположением. С этой целью методом ближайшего соседства были исследованы 803 города Польши (1980 г.) для выявления степени отклонений от оптимальности в их пространственном размещении.

В настоящей статье города Польши рассматриваются как определенные точки на поверхности Земли. Математически их можно считать «совокупностью точек». Под этим мы понимаем число произвольно размещенных на поверхности пунктов на различном взаимном расстоянии друг от друга.

В процессе формирования сети расселения, особенно городского, выявляются две противоположные тенденции: деконцентрация и концентрация. Из этого следует, что действительное расположение населенных мест на поверхности Земли противоречиво и не соответствует идеальной модели (регулярной). Примером идеального равномерного размещения пунктов на плоскости является система точек, расположенных в вершинах равносторонних треугольников (гексагональная система В. Кристаллера). Все другие типы расположения пунктов можно сравнивать по степени сходства с этой идеальной моделью.

В качестве меры расхождения обычно берутся определенные математические показатели: арифметическая средняя плотность населенных мест, среднее расстояние между городскими поселениями, среднее действительное расстояние между ними, стандартное отклонение, коэффициент изменчивости, модальная величина, статистические функции распределения плотности сходства (подобия).

Кроме этих, существует несколько других методов, которые определяют отклонение фактического расположения городов от идеального. Например, метод квадратов, применяемый хотя бы при анализе энтропии, а также анализ ближайшего соседства.

Метод ближайшего соседства разрабатывался главным образом экологами П. Кларком и Ф. Эвансом (Clark, Evans, 1954).

Специалисты в области экологии растительности уделили большое внимание проблеме расстояния между точками (пункта-

ми), поскольку эти исследования позволяют обходиться без сетки квадратов и устраняют, таким образом, влияние размеров квадратов. Анализ ближайшего соседства ввел в географические исследования Дейси (Dacey, 1962), другие примеры дают Кинг (King, 1962), Карри (Curry, 1964) и Гетис (Getis, 1964).

Например, Кинг проанализировал сеть городов для 4 районов США.

Сравнение действительного (наблюдаемого) расположения городов с их гипотетическим расположением, получаемым при предположении случайного размещения населенных мест, позволяет определить степень отклонений в пространственных схемах.

Это случайное расположение мы принимаем за образец. Точечное распределение является случайным только тогда, когда каждая пространственная единица определенной величины (например, воеводство) имеет одинаковую вероятность получения пункта и когда местонахождение каждого пункта в математическом отношении не детерминировано другими.

Отклонения от случайного расположения могут идти в двух противоположных направлениях – или к регулярности, или к агломерированию.

В методе Кларка-Эванса за критерий измерения принимается величина R , которая сравнивает действительную схему сети расселения со схемой случайной. Величина R является отношением расстояния между городами в схеме фактической (d (набл)) к среднему расстоянию между городами в случайной схеме (d (ожд)).

$$R = \frac{d \text{ (набл)}}{d \text{ (ожд)}}$$

$$\text{где: } d \text{ (ожд)} = \frac{1}{2} \sqrt{\frac{N_i}{P_i}}$$

N_i – число населенных пунктов,

P_i – площадь территории,

$$d \text{ (набл)} = \frac{1}{n} \sum_{k=1}^n d_k$$

d_k – кратчайшее расстояние между соседними пунктами.

Величина R не зависит от размеров изучаемой территории (воеводство, страна и т.п.), благодаря чему существует воз-

мжность применения сравнительного анализа разных территорий.

При большей концентрации пунктов, чем на стандартной территории, $R < 1$, а на территории с большим рассредоточением — $R > 1$. Когда $R = 1$, действительная схема городской сети соответствует случайной схеме, тогда города расположены согласно предсказаниям теории вероятности. При полной агломерации всех пунктов $R = 0$; при равномерном размещении величина R принимает максимальное значение, на что обратил внимание В. Кристаллер, исследуя сети равносторонних треугольников, в которых ближайшее соседство равняется стороне треугольника (оттуда $R = 2,1491$).

Этот метод в сравнении с методом квадратов обладает большими достоинствами, но он трудоемок. Ему сопутствуют некоторые методологические трудности, связанные с определением размеров исследуемой территории, а также преодолением «проблемы границ» (Getis, 1964, с.391; Dacey, 1964b). Метод ближайшего соседства позволяет выявить «случайность» в размещении изучаемого явления и позволяет измерить степень отклонения от этой случайности. Этот метод в варианте, представленном Кларком и Эвансом (Clark, Evans, 1954), является, пожалуй, самым простым. Его эффективность доказал в своем классическом труде Дейси (Dacey, 1962), который применил его в проверке гипотез, выдвинутых Братем, на тему размещения населенных пунктов.

Так же как и в случае метода квадратов, применяя метод ближайшего соседства, можно ожидать, что расстояния разных порядков обусловлены соответствующей моделью эволюции пространственных систем. Например, Дейси (Dacey, 1964b), как указывает Харвей (Harvey, 1967), доказал, что в иерархически упорядоченной системе центральных мест распределение функции Гамма лучше всего выражает теоретическое распределение отдельных порядков расстояния. Согласно формулировке Дейси (Dacey, 1964a), «главная проблема состоит в том, чтобы для данной наблюдаемой системы оценить вероятность того, что определенный пространственный процесс привел к появлению данной схемы».

Несовпадение эмпирического и моделируемого распределения не служит достаточным доказательством неслучайного характера размещения. Любая пространственная система локализации даже сильно агломерированных явлений может быть результатом случая, хотя вероятность случайного образования системы

экстремального типа ничтожно мала. Определение какого-нибудь типа статистического распределения, как соответствующего параметрам данного размещения, также недостаточно для познания его фактических особенностей. Дж. Скеллан (Skellam, 1953), П. Грейг-Смит (Greig-Smith, 1964) и другие доказали, что разные пространственные процессы могут быть выражены одним и тем же статистическим распределением. М. Дейси (Dacey, 1962) показал, к примеру, что биномиальный закон вероятностного распределения может отражать по меньшей мере шесть разных пространственных процессов; изменение метода анализа также может оказать значительное влияние на его результат. Примером может служить анализ размещения домов в Пуэрто-Рико, когда расчеты методом квадратов и методом ближайшего соседства дали разные результаты. При этом надо иметь в виду, что в любой категории явлений проявляются обычно специфические статистические распределения. Следовательно, на основе распределения, характеризующего, например, размещение сельского населения, нельзя делать выводы об особенностях некоторых его категорий, например, о размещении ежедневно уезжающих на работу в город и т.д. Кроме того, одним из недостатков метода ближайшего соседства является то, что в нем не учитывается такой существенный фактор как величина города.

Несмотря на многие недостатки, анализ размещения с помощью статистических распределений и пространственных упорядочений — необходимый этап исследования. Это основа определения и отнесения моделируемых сетей к видам случайного, равномерного, концентрированного размещения.

Как уже отмечалось выше, исследуемые нами города в настоящей работе были рассмотрены как точки на плоскости. Для каждой такой точки мы находим ближайшего соседа и соединяем их между собой (рис. I).

Следующий этап работы заключался в измерении расстояния между ними и вычислении среднего расстояния для пар городов, находящихся на исследуемой территории. Измерения были проведены на карте масштабом 1:750 000.

Известно, что современная структура размещения городов в Польше является результатом сложных и длительных процессов расселения, а на ее дифференциацию большое влияние оказали природные условия и ресурсы изучаемой территории, исторические традиции, общественно-политические условия (в первую очередь, принадлежность к разным государствам во время преж-

Рис. 1. Города Польши и их ближайшие соседи /1980 г./

них разделов Польши).

В настоящей работе анализ размещения городов ПНР выполнен на двух уровнях: по каждому воеводству и для всей страны. На первом этапе работы вычислены величины для каждого воеводства отдельно. Максимальное значение коэффициента наблюдается в Бельскоподляском воеводстве (1,7700), минимальное — в Столичном воеводстве (0,9066). Это означает, что действительная городская сеть Варшавского воеводства больше сконцентрирована, чем на идеальной территории. В Бельскоподляском воеводстве параметр R наиболее близок величине, свидетельствующей о равномерном размещении городов (регулярная гексагональная схема).

Кратчайшие расстояния между городами, как в фактической, так и в идеальной схеме наблюдаются в Варшавском и Валбжихском воеводствах. Самые большие находятся в Замоysком воеводстве — 28 км (в образцовой — 18,7 км), и в упомянутом уже Бельскоподляском — 26,6 км (в образцовой — 14,9 км).

Как мы уже упоминали, об оптимальном размещении городов с точки зрения классических локализационных концепций (В. Кристаллер, А. Леш и др.) можно говорить тогда, когда они равномерно «разбросаны» по территории. Тогда величина R достигает 2,1491. Таких показателей мы не находим ни в одном воеводстве, что вполне закономерно.

Но в польских условиях к такому размещению городов приближаются воеводства: Легницкое, Плоцкое, Бельскоподляское, Цехановское, Слупское и Петрковское. Это, прежде всего, районы, в которых в течение длительного времени структура городского расселения остается практически ненарушенной: в Бельскоподляском и Цехановском воеводствах с XIII века не возник ни один новый город (Jelonek, 1967).

Похожую ситуацию наблюдаем в двух остальных воеводствах, где, за исключением Зелова (Петрковское) и Кемпи (Слупское), все города имеют многовековую историю.

При этом следует отметить, что воеводства, в которых наблюдается самая высокая величина R (в Бельскоподляском и Слупском), имеют сходные параметры в отношении транспорта: плотность эксплуатируемых железнодорожных линий и автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием в первом случае равна 4,5 и 33,6, а во втором — 4,4 и 37,2 км/100 км².

В Цехановском воеводстве на такое размещение городов в прошлом оказала влияние определенная политика тогдашнего их правительства. В Бельскоподляском же воеводстве причина не-

Таблица

Значение коэффициента R для воеводств Польши

$R > 1,7000$	$1,1501 < R < 1,6000$	$R < 1,1500$
1. Легницкое	I, 1501-1,3000	I. Варшавское
2. Плоцкое	1. Опольское, 2. Катовицкое,	2. Кросненское
3. Бельскопод- ляское	3. Бельское, 4. Белостокское,	3. Тарновское
4. Цехановское	5. Калишское, 6. Келецкое,	
5. Слупское	7. Тарнобжегское, 8. Пшемисль- ское, 9. Эльблонгское,	
6. Петровское	10. Гданьское.	
	I, 3001-1,4500	
	II. Зеленогурское, 12. Лещин- ское, 13. Кошалинское, 14. Пи- льское, 15. Познанское,	
	16. Конинское, 17. Радомское,	
	18. Серадское, 19. Городское,	
	Лодзинское, 20. Скерневицкое,	
	21. Ченстоховское, 22. Валбжих- ское, 23. Еленегурское, 24. Но- восончское, 25. Люблинское,	
	26. Жешувское, 27. Седлецкое,	
	28. Остроленское.	
	I, 4501-1,6000	
	29. Ломжинское, 30. Сувальское,	
	31. Ольштынское, 32. Щецинское,	
	33. Гожувское, 34. Былгодское,	
	35. Влоцлавское, 36. Торунь- ское, 37. Городское Краков- ское, 38. Вроцлавское, 39. Хелм- ское, 40. Замосцьское.	

равномерности размещения городов заключается еще и в неблагоприятных природных условиях (болота и т.п.).

Вышеупомянутые воеводства в основном имеют сельскохозяйственный характер. Занятость в промышленности на 1000 жителей достигает в них неполных 59 и 55 человек, а городское население не превышает 30% (28% и 27%).

В группу воеводств с высоким параметром R входит также промышленное Легницкое воеводство, хотя оно в настоящее вре-

мя обладает совсем другой экономической структурой по сравнению с остальными названными сельскохозяйственными воеводствами. Этот факт имеет свое историческое объяснение. В прошлом это был район типично сельскохозяйственный, с многочисленными кустарными предприятиями в южной части. Здесь в капиталистический период промышленность приняла мелкокапиталистическую форму и развивалась при этом очень слабо. Ее застой особенно проявился в межвоенное время, хотя тогда в районе Болеславца и Злоторы были обнаружены медные руды. Начиная с 50-х годов, эта территория меняет свой экономический облик и становится промышленно-сельскохозяйственной. Наибольшие изменения произошли после обнаружения в 1958-1960 гг. богатейших в Европе залежей меди. Сеть городов, однако, сохраняет старый рисунок, характерный для сельскохозяйственных районов.

Плоцкое воеводство (последнее из этой группы), за исключением самого Плоцка, по-прежнему сохраняет свой сельскохозяйственный характер.

На основании этих исследований подтверждается гипотеза, что промышленные и урбанизированные территории имеют сети городского расселения, близкие к случайным ($R \approx 1$). Встречаются также, хотя и очень редко, воеводства с параметром близким к 1, не отвечающие, однако, вышеуказанным требованиям (высокий уровень урбанизированности и индустриализации). Такая ситуация возникла в Кросненском и Тарновском воеводствах, которые не имеют такого высокого уровня индустриализации как Катовицкое и Лодзинское, но величины R принимают у них меньшие значения, чем в Катовицком и Лодзинском. Это, видимо, результат существования в этих воеводствах значительно меньших городских «организмов». Как известно, чем меньше населенные пункты, тем более случайный характер носит их пространственное размещение. При этом следует добавить, что в некоторых воеводствах слишком мало городов, так что в этих случаях трудно применить стохастические методы исследования.

На втором этапе вычислена величина R для всей Польши. Как и следовало ожидать, мы получили R свыше 1 (1,2319), что свидетельствует о смешанной экономической структуре страны с преобладанием промышленности. Иначе говоря, для того, чтобы размещение городов в Польше стало более похожим на принятое нами их «образцовое» размещение, одни схемы городов следовало бы трансформировать в направлении большего агломе-

рирования, другие - дегломерирования. Подводя итог, следует еще раз подчеркнуть, что для территории с небольшим значительная случайность в размещении городов вытекает из их большой степени индустриализации.

В заключение надо подчеркнуть, что структура расселения в Польше, в результате постоянного возникновения новых промышленных центров, которые, по мнению В. Кристаллера и других теоретиков центральных мест, "разрушают" регулярные схемы, основанные на услугах, будет подвергаться постоянным и динамичным изменениям.

Литература

- Clark P.I., Evans F.C. Distance to nearest neighbour as a measure of spatial relationships in population. - Ecology, 1954, vol. 35, No. 4, p. 445-453.
- Curry L. The random spatial economy: an exploration in settlement theory. - Annals of the Association of American Geographers, 1964, vol. 54, p. 138-146.
- Dacey M.F. Analysis of central place and point patterns by a nearest neighbour method. - Lund Studies in Geography B, No. 24, 1962.
- Dacey M.F. Imperfections in the uniform plane. - Michigan Inter-University Community of Mathematical Geographers, Discussion paper, No. 4, 1964.
- Dacey M.F. Two dimensional random point patterns: a review and interpretation. - North-western University, Department of Geography, 1964.
- Getis A. Temporal analysis of land use patterns with the use of nearest neighbour and quadrat methods. - Annals of the Association of American Geographers, vol. 54, 1964, p. 391-399.
- Greig-Smith P. Quantitative Plant Ecology. London 1964.
- Harvey D. Models of the evolution of spatial patterns in human geography. - In: Models in geography Ed. by R.I. Chorley and P. Haggett, London, 1967, p. 549-608.
- Jelcnek A. Ludność miast i osiedli typu miejskiego na ziemiach polskich od 1810 do 1960 r. - Dokumentacja Geograficzna IG PAN, Warszawa, 1967, z. 3/4.
- King L.J. A qualitative expression of the pattern of urban settlement in selected areas of United States. - Tijd-

schrijft voor Economische en Social Geografie, 1962, vol. 53, p. 4-6.

Skellam J.G. Studies in statistical ecology. I. Spatial pattern. - Biometrika, 1953, vol. 39, p. 346-362.

**The Nearest Neighbour Method and Its Application
to the Analysis of the Pattern of Settlements
in Poland**

D. Szimanska

S u m m a r y

The paper presents the results of an investigation of the regularity of settlements in Poland at the district level and in the country as a whole, based on the nearest neighbour method. The study constitutes an attempt to analyse the relationship between the optimal theoretically calculated location of towns and their real location.

For that purpose 803 Polish towns were studied using the nearest neighbour method in order to determine the level of aberration of their spatial location from the optimum. The study has confirmed a hypothesis suggesting that the pattern of settlements in the agricultural districts of Poland is closer to the ideal pattern while that of industrial and urbanized territories is more random.

УРБАНИЗАЦИЯ В ФИНЛЯНДИИ В 1970-ЫЕ ГОДЫ

Ю. Тарвел

В процессе урбанизации в развитых капиталистических странах за весь послевоенный период господствовала тенденция ускоряющегося роста крупных городов, в результате стремительной субурбанизации сложились громаднейшие агломерации. Эта тенденция сопровождалась изменениями во многих областях жизни, в структуре хозяйства, с урбанизацией связывалось увеличение удельного веса третичного сектора (сферы обслуживания). В 1970-ые годы в урбанизации можно было наблюдать новую тенденцию – рост крупных городов все замедлялся, и население многих городских агломераций начало уменьшаться. Это новое явление объясняется по-разному. Эти годы названы началом нового этапа в урбанизации, где концентрация населения меняется деконцентрацией (Lorentz, 1980), где урбанизация, дошедшая до стадии диффузии, охватила всю страну, причиняя быстрый рост маленьких городов (Olsson, 1981). Высказано мнение, что новый этап вызван окончанием концентрации производства и что стремление жителей выйти из крупных городов объясняется экологическими и социальными причинами (Гохман, Костинский, 1980). Однако уменьшение крупных городов объяснили и влиянием энергетического кризиса, начавшегося в 1974 г., который сопровождался тяжелейшей послевоенной экономической депрессией, – считается, что таким образом преждевременно искать в процессе урбанизации какой-либо новый этап (Koch, 1980).

В настоящей статье рассматриваются тенденции урбанизации Финляндии, проявляющиеся в демографических и экономических показателях, дается оценка влияния величины, специализации и экономической конъюнктуры на рост городов. Изучается вопрос, наблюдаются ли в Финляндии упреждающий рост малых городов и прекращение роста крупных. В центре внимания – взаимоотношения разных общественных сфер (население, экономика, социальная сфера), их зависимость от внешней конъюнктуры, а также региональные тенденции урбанизации. Работа базируется на официальной статистике Финляндии (Bulletin..., 1965–1982; Employment..., 1979; Suomen Virallinen Tilasto, 1960–1982).

При сравнении разных явлений, происшедших в ведущих капиталистических странах и в Финляндии, придется принимать во

внимание иные масштабы и некоторую отсталость Финляндии. Хотя в Финляндии нет крупных городов и агломераций городов западноевропейского типа, многие авторы считают объединяющиеся с окружающими поселками Хельсинки, Тампере и Турку тоже агломерациями и видят в них соответствующие тенденции развития (Palomäki, 1970; Гохман, Костинский, 1980).

По уровню развития хозяйства Финляндия отстает от многих капиталистических стран. Уменьшение удельного веса сельского хозяйства началось в Финляндии позднее, чем во многих других странах, опаздывал и рост третичного сектора. Конечно, и в Финляндии сфера обслуживания в 1969-ых и 1970-ых годах была самая экспансивная (в 1960-79 гг. национальный доход от обслуживания вырос на 1/4, занятость в той же отрасли - на 1/2) (Bulletins..., April 1981, vol. 55, No. 4, p. 25). Но в то же время в национальном доходе Финляндии уменьшился удельный вес сельского хозяйства, только теперь быстро росла доля промышленности в национальном доходе (среды 14 развитых капиталистических стран более быстрые темпы наблюдались лишь в Португалии и Греции). В 1970-75 гг. Финляндия по темпу прироста доли индустрии в национальном доходе была на первом месте среди развитых капиталистических государств. Уже в 1965 г. Финляндию по объему промышленной продукции на душу населения среди 14 развитых капиталистических государств опередили лишь США, Швейцария, Канада и Дания (Employment..., 1979, с. 24, 31, 35).

На незащищенную от внешних влияний Финляндию в 1970-ые годы оказывала влияние и внешняя конъюнктура. Экономический кризис 1969-70 гг. вызвал крупнейшую послевоенную волну эмиграции, количество населения страны уменьшилось. Экономический подъем 1971-74 гг. и промышленное развитие вызвали даже дефицит рабочей силы. Сравнение тенденций развития разных общественных сфер демонстрирует, что конъюнктура повлияла больше всего на промышленность и строительство (национальный доход и занятость в промышленности и строительстве изменяются синхронно с изменениями конъюнктуры). Менее заметна связь с национальным доходом и занятостью в третичной сфере. Независимо развивается административная сфера (административная занятость и доходы). Не реагируют на конъюнктуру также и показатели, характеризующие транспорт и связь. Развитие сферы просвещения стабильно и независимо. В 1970-ые годы медленно уменьшается количество учащихся, но лишь из-за сокращения численности поколений. Можно считать, что

экономические кризисы оказывают влияние прежде всего на сферу промышленности, но третичный сектор, социальная и культурная сферы остаются сравнительно неприкосновенными. Таким образом, и динамика естественного движения населения почти независима от конъюнктуры. За исследуемый период лишь эмиграция 1969-70 гг. совпадала с экономическим кризисом.

Господствует мнение, что тенденции системы расселения связаны социально-экономическими изменениями длительного характера. При группировке городов Финляндии по величине явствует, что в 1970-ые годы замедлился рост более крупных городов (свыше 100 000 чел.), Хельсинки начал уменьшаться в абсолютном выражении, и что темпы роста более маленьких городов превышают темпы более крупных. В этом и выражается тенденция преобладающего роста маленьких городов в общем процессе урбанизации Финляндии, предсказанная в 1970 году М. Паломяки (Palomäki, 1970).

Такой результат получен при группировке городов по величине. Уменьшение Хельсинки (в связи с ростом его соседних городов Эспоо и Вантаа) замедляет темпы роста крупных городов. Темпы роста маленьких городов повышаются включением сельских территорий в черту многих городов. В использованном материале не удалось найти прямых данных о расширении территорий. Тем не менее, лишь административными расширениями объясняется скачкообразный рост количества населения (до 4 раз) некоторых городов, сопровождаемый резким увеличением удельного веса занятых в сельском хозяйстве и сельской заселенности (в финской статистике сельской местностью считаются поселки с расстояниями между домами более 200 м).

Для оценки связи между темпом роста городов и численностью населения без группировки городов по величине вычислена корреляция между темпом роста населения за 1967-70 гг. и численностью населения за 1970 г. по 77 городам Финляндии. Корреляционной связи не существовало - индекс корреляции $R = -0,063$. И в другие периоды также бросается в глаза, что величина города и темпы его роста между собой не связаны. Более мелкие города Финляндии в основном не растут быстрее крупных. Не удалось связать и динамику численности населения городов с функциональной структурой города или влиянием конъюнктуры. Из этого вытекает вывод, что динамика населения не стоит в измеримой связи с тенденциями экономической сферы, как и не удалось выявить связи между социальной и культурной сферой и экономикой.

В выявлении сдвигов 1970-ых годов структура занятости города является лучшим параметром, чем численность населения. Кажется, что изменения в занятости в тесной связи с экономической конъюнктурой. В статье сравниваются сдвиги, происходившие в структуре занятости 82 городов Финляндии за два периода: 1968-75 и 1975-79. Большая часть первого периода охвачена экономическим подъемом 1971-74 года, второй период совпадает с экономическим кризисом. Интерес представляют изменения в соотношении промышленной и третичной сфер в структуре занятости города. Изменения в структуре занятости за оба периода выражены в таблицах I и 2. В соответствующие графы внесено число тех городов, в которых проявляется соответствующая этой графе тенденция изменения занятости в промышленной и третичной сферах.

Таблица I

Распределение городов по динамике занятости
в 1968-1975 гг.

Занятость в промышленности	Занятость в обслуживании	уменьшается	остается неизменной	увеличивается
увеличивается		2	2	25
остается неизменной		-	6	38
уменьшается		2	-	7

Таблица 2

Распределение городов по динамике занятости
в 1975-1979 гг.

Занятость в промышленности	Занятость в обслуживании	уменьшается	остается неизменной	увеличивается
увеличивается		1	3	1
остается неизменной		20	25	-
уменьшается		5	26	4

В использованной статистике структура занятости выражена в десятых долях (1/10); таким образом, занятость остается стабильной при изменении ниже 1/10 (с учетом округления) из

общей занятости (Suomen Tilastollinen Vuosikirja, 1952-1980).

Выходит, что изменения занятости за два периода диаметрально противоположны. За 1968-75 годы в таблице на стороне увеличения от диагонали стабильности остается 65 городов, на стороне уменьшения - 2, за 1975-79 годы на стороне увеличения - 4, уменьшения - 51 город. Ясно, что изменения занятости тесно связаны с конъюнктурой - бурное развитие промышленной и обслуживающей сфер в городах Финляндии в начале 1970-ых годов сменился упадком во второй половине 1970-ых годов. За первый период занятость в промышленности росла в 29 городах, но в обслуживании, как в значительно экспансивной сфере, - в 70. В 1975-79 гг., в период уменьшения занятости, занятость в обслуживании снизилась в 26 городах, в промышленности - в 35. Обобщенная тенденция занятости 1970-ых годов за оба периода выглядит так: за первый период - рост в сфере обслуживания и стабильность промышленности (группа таких городов самая многочисленная - всего 38), а за второй период - стабильность в сфере обслуживания и уменьшение занятости в промышленности (эта группа также самая многочисленная - 26). Городов, которые в оба периода попадают в самую многочисленную группу, всего 10. Таких городов, в которых в первый период увеличился удельный вес обслуживания, однако во втором периоде не уменьшилась занятость в промышленности, было 25. В 17 городах во втором периоде уменьшилась занятость в промышленности, но в первом не увеличилась занятость в обслуживании. Эти 42 города можно считать разновидностями основного типа развития. В 9 городах в 1970-ые годы резко увеличилась занятость в сельском хозяйстве - из-за административного расширения территорий нельзя рассматривать их вместе с другими. Из остальных 20 городов¹ в 12 за первый период увеличилась занятость в промышленности, не уменьшившись и за второй период. В остальных восьми, между прочем, увеличилась занятость в сельском хозяйстве. Эти города, как ориентирующиеся на промышленность, рассматриваются вместе в одной группе.

Таким образом, исходя из тенденций занятости 1970-ых годов, вырисовались 5 групп городов (четыре из них на рис. I).

¹ В 1971-75 гг. исследуемых городов было 82, а в 1975-79 гг. - 85. Прибавилось 4 города и убавился один (присоединенный к городу Котка Кархула). Поэтому не совпадает сумма городов в разных группах в разных периодах.

Города, входящие в разные группы, сосредоточены по-разному. В их месторасположении выражается связь с функциональным и административным статусом города. Из 10 городов, которые представляют в чистейшем виде сдвиги, типичные 1970-ым годам, 6 являются административными центрами ленов (Хельсинки, Тампере, Марианхамина, Юваскиля, Оулу, Рованиemi), из 10-ти - 5 (Хельсинки, Эспоо, Керави, Ярвеепя, Тампере) сосредоточены в коридоре Хельсинки - Тампере, охватывающем 12 экономически более развитых городов, 3 города (Оулу, Кеми, Рованиemi) - в узкой полоске более развитого промышленного региона северной Финляндии.

На рисунке I города с развивающейся сферой обслуживания за 1968-75 гг. сосредоточены в основном в Южной, Восточной и Юго-Восточной Финляндии. В общем, города в Восточной Финляндии имеют слабее развитую третичную сферу, чем в Западной Финляндии (например, обеспеченность телефонной связью выше всего на западном и южном побережье, в коридоре Хельсинки - Тампере). Подобные города, как в Западной, так и Восточной Финляндии, в то же время не имеют особенного промышленного значения. В более развитой Западной Финляндии они расположены чаще в стороне от важнейших путей сообщения (напр., Харьявалта, Ваммала). Города со стабильной сферой обслуживания и уменьшающейся за 1972-79 гг. занятостью в промышленности больше сосредоточены в южной и западной части страны, особенно в окрестностях Хельсинки. Чаще всего они являются существенными промышленными центрами: часть из них принадлежит к крупнейшим городам Финляндии (Лахти, Вааса), часть - многосторонне развита в промышленном отношении (Раума, Рийхимяки, Сейнайоки), часть расположена в узлах движения (Паркано). Города с увеличивающейся занятостью в промышленности компактнее всего расположены в центральной и юго-западной части Финляндии. Эти города находятся в самом развитом регионе, в Западной Финляндии, но зачастую они расположены подалеке от важнейших магистралей движения и вообще не имеют значительной промышленности (напр., Виррат, Мянтэ, Хуйттинен).

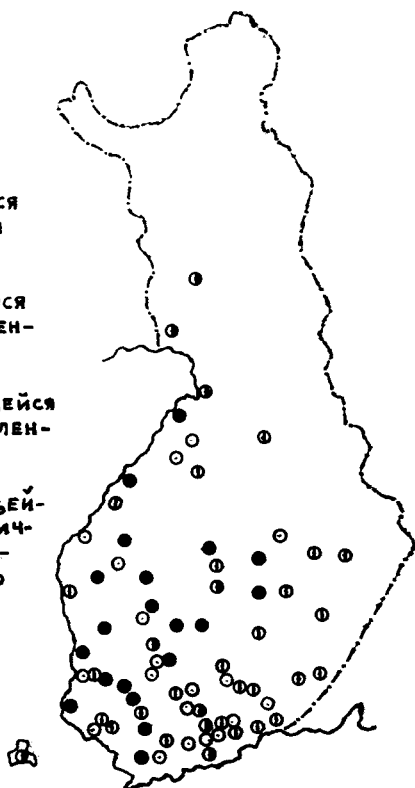
Итак, можно сделать вывод, что занятость в обслуживании в 1968-75 гг. увеличилась скорее в городах с неразвитой или недостаточной третичной сферой (как в развитых промышленных центрах с напряженной функцией обслуживания, так и малоразвитых маленьких городах Восточной Финляндии). В 1975-79 гг. занятость в промышленности уменьшилась в основном в важней-

● ГОРОДА С УВЕЛИЧИВАЮЩЕЙСЯ
ЗАНЯТОСТЬЮ В ТРЕТИЧНОМ
СЕКТОРЕ

○ ГОРОДА С УМЕНЬШАЮЩЕЙСЯ
ЗАНЯТОСТЬЮ В ПРОМЫШЛЕН-
НОСТИ

● ГОРОДА С УВЕЛИЧИВАЮЩЕЙСЯ
ЗАНЯТОСТЬЮ В ПРОМЫШЛЕН-
НОСТИ

○ ГОРОДА С УВЕЛИЧИВАЮЩЕЙ-
СЯ ЗАНЯТОСТЬЮ В ТРЕТИЧ-
НОМ СЕКТОРЕ И С УМЕНЬ-
ШАЮЩЕЙСЯ ЗАНЯТОСТЬЮ
В ПРОМЫШЛЕННОСТИ

**РИС.1. ГРУППИРОВКА ГОРОДОВ ФИНЛЯНДИИ
ПО ДИНАМИКЕ ЗАНЯТОСТИ 1968-1979 гг.**

ших индустриальных городах, но увеличилась в основном в городах со слабой индустриальной функцией. Аналогичные тенденции проявляются и в других областях жизни, напр., в 1980 г. миграция в города развита прежде всего в Северо-Восточной, Центральной и Восточной Финляндии, именно в менее урбанизированных регионах.

Следовательно, наблюдаются сильные региональные различия в экономическом развитии Финляндии. В 1970-ых годах промышленная сфера и сфера обслуживания развивались скорее в тех регионах, где они раньше были на более низком уровне. В общих чертах можно заключить, что развитие города определяется не столько его величиной, сколько его функциональной структурой. Развитие экономики находится в прямой связи с конъюнктурой. При этом в период подъема быстрее развиваются именно менее развитые регионы, а в период кризиса под депрессией в промышленной сфере страдают именно более развитые регионы. В бытовой сфере эта выравнивающая тенденция менее заметна, например, в жилищном строительстве более слабые восточные и северные регионы страны реагировали на конъюнктуру сильнее, чем более развитый южный регион.

Под влиянием конъюнктуры мирового рынка в 70-ые годы изменилась специализация финских городов. Упреждающего роста малых городов не наблюдается, рост городов зависит от их экономического развития. За рассматриваемое десятилетие экономическая конъюнктура явно повлияла на структуру и территориальную организацию финского хозяйства, несколько меньше — на сферу общественной жизни и культуры, и почти совсем не повлияла на естественное движение населения.

Литература

- Гохман В.М., Костинский Г.Д. Особенности урбанизации и тенденции расселения в Западной Европе. — Вестник / Московский гос. ун-т. Серия географическая, 1980, № 5.
Bulletins of Bank of Finland, Helsinki, 1965-1982.
Employment, Income Distribution and Consumption. Long-term Objectives and Structural Changes. New York: UNESCO, 1979.
Koch R. "Counterurbanization" auch in Westeuropa? — Informationen zur Raumentwicklung, 1980, H. 2, S. 59-69.

- Lorendahl B. Regionale Entwicklung im Norden - Raumfor-
schung und Raumordnung, 1980, Bd.38, H.5-6, s.209-218.
- Olsson R. Göteborgregionens befolkningsutveckling under
perioden 1970 till 1980 i ett nationellt perspektiv -
Medd. Göteborgs Univ. Geogr. Inst., 1981, vol. 13, No.
68, p. 217-234.
- Palomäki M. Kaupunkistumisprosessista Suomessa. - Vaasan
Kauppakorkeakoulun Julkaisuja, Tutkimuksia No. 4, Vaa-
sa, 1970.
- Suomen Tilastollinen Vuosikirja. Helsinki, 1952-1980.
- Suomen Virallinen Tilasto. Helsinki, 1960-1982.

The Urbanization Process of 1970's in Finland

J. Tarvel

S u m m a r y

In recent years, the trend of cumulative growth in urbanization has shown signs of grinding to a halt in industrial countries - the growth of many major cities has ceased or even undergone a reversal. The growth, in fact, has become concentrated more on small and medium-sized cities. The developmental trends in Finland, however, lag behind, and regardless of the downward turn, taken by the population of metropolitan Helsinki, the smaller towns in Finland do not grow principally faster than the greater ones (e.g. in 1967-70 the index of correlation between the size and the population change of the 77 Finnish cities was practically zero, $r = -0,063$). During the brief period of 1970's, the tangible shifts in urbanization were significantly determined by the cycles of foreign market. The business outlook involves chiefly industry, construction and agriculture, but does not work upon transport and communication, some branches of service, education, and does not affect population trends. The changes in the professional structure of the cities of Finland are caused by economic trends - in boom years (the beginning of the 70's) labour occupation in manufacturing and services increased in 65 towns of the 82 total, and in the second half of the 70's, during the economic crisis, occupation decreased in 51 towns of 85 total. Occupation in

manufacturing decreased generally in industrially advanced cities. This even making tendency is not felt in social and cultural indices.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ТРУДОВОЙ МАЯТНИКОВОЙ МИГРАЦИИ ПРИ УГЛУБЛЕНИИ УРБАНИЗАЦИИ

А. Марксов

Изучение урбанизации с точки зрения географии расселения основывается главным образом на анализе структурных сдвигов расселения. Эти сдвиги являются как количественными, так и качественными, всегда имеющими свое территориальное выражение. При изучении ранних стадий урбанизации основное внимание обращают прежде всего на разные количественные сдвиги, обосновывая и сравнивая между собой темпы роста и изменения доли населения городских и сельских поселений, а также городских поселений различной величины и функциональной структуры. В более поздней (высшей) стадии урбанизации, когда по общему правилу указанные количественные структурные сдвиги замедляются, повышается значение анализа качественных сдвигов изучаемого процесса. В этом аспекте особый интерес представляют вопросы изменения социально-демографического состава городского и сельского населения и сближения села и города по образу жизни и занятости своих жителей. С названными вопросами непосредственно связана и проблема, какими в условиях углубления урбанизации становятся взаимные трудовые связи села и города? Если на более ранних стадиях урбанизации село в отношении населения и рабочей силы оказывается в роли дающего (подателя) и город в роли получателя, то какое же положение складывается на высшей стадии урбанизации, когда на селе остается лишь меньшинство населения и рабочей силы? Аналогичные проблемы возникают при изучении взаимосвязей городских поселений в агломерациях. Выявляется ли здесь тенденция, что главный центр агломерации сосредотачивает основную часть прироста населения и рабочей силы или проявляются и некоторые иные тенденции? Для решения этих проблем недостаточно лишь изучения безвозвратной миграции, необходимо еще и подробное изучение развития трудовой маятниковой миграции*.

* Аналогично большинству других исследователей, под трудовой маятниковой миграцией автор понимает регулярное движение трудящихся в рабочие дни между поселениями проживания и поселениями места работы, т.е. главным критерием является движение от места жительства до места работы и обратно через административные границы поселений, независимо от длины дистанции и от того, используются при этом средства транспорта или движение пешеходное.

Массовая трудовая маятниковая миграция – явление, сопровождающееся урбанизацией и формирующееся в основном в порядке внутрисистемного саморегулирования расселения. Следовательно, она синхронно отражает изменения, заключающиеся в ходе урбанизации в качестве и распределении рабочих мест и жилого фонда между городскими и сельскими поселениями. Исследование названных вопросов имеет особенно большое теоретическое и практическое значение в тех регионах, где трудовой баланс напряженный – как на селе, так и в городе. К числу таких регионов относится и Эстонская ССР.

Задачей данной статьи и является выяснение изменений, проявившихся в трудовой маятниковой миграции в течение последних 10–15 лет, в связи с углублением урбанизации. Анализ основан, во-первых, на материалах, собранных и обработанных в 1981–1983 гг. под руководством автора на кафедре экономгеографии ТГУ по трудовой маятниковой миграции в более важных городских поселениях Эстонской ССР (города республиканского подчинения с их сателлитами и центры административных районов – всего 15 городов и 3 поселка городского типа). Результаты анализа указанных материалов сравниваются с последствиями более ранних исследований, отражающими главным образом особенности изучаемого процесса в 1968–1972 гг. Названные исследования осуществлялись на кафедре экономгеографии ТГУ, в Институте экономики АН ЭССР, Госкоме Труда ЭССР, а также в ЦСУ ЭССР (материалы переписи населения 1970 г.). Так как в этих работах рассматривалась трудовая маятниковая миграция в различные моменты времени, то эти материалы не позволяют составить абсолютно точный всесторонний обзор развития исследуемого процесса. Данные о территориальной структуре изучаемого движения во временном разрезе довольно хорошо сравнимы лишь в случае шести более крупных городов (Таллин, Тарту, Кохтла-Ярве, Нарва, Пярну и Вильянди). Вследствие этого целью данной статьи является не представление возможно точных абсолютных и относительных цифровых данных, а характеристика основных тенденций развития рассматриваемого явления, поиски ответов на следующие вопросы:

1. Насколько приблизительно увеличился общий объем трудовой маятниковой миграции и каким образом изменились при этом взаимные пропорции встречных ее потоков, т.е. входящих в центральные города и выходящих из них маятниковых потоков?
2. Каким образом изменилась интенсивность маятникового движения, с одной стороны, в центральных городах, и с другой

- в их хинтерландах?

3. Имели ли место сдвиги в территориальной структуре маятниковой миграции, т.е. изменилась ли общая величина соответствующих ареалов и распределение мигрантов в их пределах?*

Может показаться, что с помощью этих вопросов мы объясняем и уточняем, в первую очередь, изменения количественной структуры маятниковой миграции. В действительности на основании подобного анализа можно сделать и выводы о качественных и территориальных особенностях процесса урбанизации республики.

Чтобы установить, в какой мере тенденции развития трудовой маятниковой миграции в Эстонской ССР являются характерными для социалистических индустриальных стран вообще, постараемся результаты нашего анализа сравнить с аналогичными данными, опубликованными в литературе по Латвийской и Литовской ССР, по ГДР и Польской НР. Одновременно протянем некоторые параллели с развитием трудовой маятниковой миграции в ЧССР и Белорусской ССР, а также в других областях Советского Союза.

1. Предпосылки развития трудовой маятниковой миграции в Эстонской ССР

Особенности трудовой маятниковой миграции, исходя из аспекта географии расселения, зависят от двух групп факторов.

Во-первых, общий объем и внутренняя структура маятниковой миграции, т.е. ее распределение на потоки между городом и селом, а также между городами в большой степени зависят от общей численности занятого населения и плотности населения на данной территории, а также от доли сельских жителей и горожан. При этом особенно важна степень концентрации городского расселения - доля крупных и больших городов и сформированность городских агломераций.

Общее представление об указанных особенностях расселения Эстонской ССР на фоне других сравниваемых регионов дает ниже таблица I.

* С указанными проблемами непосредственно связан и вопрос - произошли ли существенные изменения также в социально-демографическом составе маятниковых мигрантов встречных потоков? Последнему вопросу посвящена следующая статья автора в этом же сборнике.

Таблица I

Данные о расселении по Прибалтийским союзным республикам,
ГДР и Польской НР*

	Эстон- ская ССР	Латвий- ская ССР	Литов- ская ССР	Поль- ская НР	ГДР
Территория - тыс. км ²	45,1	62,7	65,2	313	108,2
Численность населения в 1979 г. - тыс. чел.	1466	2521	2298	35049	16751
Число жителей на 1 км ² ,	33	40	35	112	155
в т.ч. сельских жителей	10	14	23	53	41
Доля городского насе- ления (%)					
в 1959 г.	56	56	39	48	72
в 1970 г.	65	62	50	52	74
в 1979 г.	70	68	51	58	76
в 1981 г.	71	59	76
Плотность городского рас- селения - км ² на одно го- родское поселение	791	692	572	384	101
Из числа городского насе- ления проживает в городах более 100 000 чел.	52	51	61	50	24
Число городских агломера- ций - более 500 000 чел.	-		1	7	4

Численность и плотность населения в Эстонии заметно мень-
ше, чем в других сравниваемых регионах. Это предполагает,
что в абсолютных цифрах объем трудовой маятниковой миграции
в СССР также заметно меньше. Поэтому мы сравниваем трудовую
маятниковую миграцию в этих регионах лишь в относительных
цифрах.

Доля городского населения в Эстонии высокая, но в то же
время крупных городов мало и не имеется больших (более
500 000 жителей) городских агломераций. В республике только

* Таблица составлена на основании следующих источников:
Экономическая география зарубежных..., 1978; Статистический
Ежегодник стран - членов СЭВ 1982; Народное хозяйство Эстон-
ской ССР 1981; Карманный статистический справочник ГДР 1977;
Население СССР. По данным всесоюзной переписи населения
1979 г.; Bloch..., 1983; Laas ..., 1972).

две более четко выраженные агломерации. Первая из них – агломерация Северо-Западной Эстонии (столица Таллин с его городскими спутниками), приближается к указанной полумиллионной границе. Это – типичная моноцентрическая агломерация, где удельный вес г. Таллина очень большой – он сосредоточивает около 90% жителей данной группы городских поселений. Вторая – промышленная агломерация Северо-Восточной Эстонии с двумя преобладающими центрами: городами Кохтла-Ярве и Нарва.

Из сказанного вытекает, что в Эстонии имеются предпосылки прежде всего для развития трудовой маятниковой миграции между городом и селом. Более многочисленная маятниковая миграция между городами может развиваться только в вышеуказанных агломерациях, но и здесь эти возможности ограничены некоторыми факторами: в таллинской агломерации численность населения и рабочих мест в большинстве спутников невелика; конфигурация же Северо-Восточной агломерации – линейная, что увеличивает дальность расстояния между крайними центрами, причем пригородного железнодорожного сообщения не имеется.

Во-вторых, динамика (темпы прироста) трудовой маятниковой миграции, особенно взаимные пропорции встречных потоков и особенности их социально-демографического состава находятся в сильной зависимости от того, на какой стадии развития урбанизации находится данный регион. Ведь уровень урбанизации пределяет не только удельный вес городского населения и рабочих мест в городах, но и характер рабочих мест на селе и их расположение в отношении городов. Последние обстоятельства связаны с уровнем механизации сельского хозяйства и развитости его инфраструктуры.

Процесс урбанизации в Эстонской ССР за послевоенный период строительства социализма прошел две стадии и вступил в третью стадию развития. Первая из них продолжалась до середины 60-х годов. Это была стадия быстрого развития урбанизации, связанная с высокими темпами индустриализации и перестройкой производственных отношений на селе. В эти годы быстро развивались все типы городских поселений, особенно промышленные, и возникло много новых городов и поселков городского типа. В то время вследствие развития механизации из сельского хозяйства высвободилось много рабочей силы, которая в основном мигрировала в города. Более подробное изучение трудовой маятниковой миграции в эти годы отсутствует, но по всей вероятности и в этой форме миграции тогда сильно

преобладали потоки из села в город. Учитывая постепенное улучшение пригородного транспорта, можно предполагать, что число маятниковых мигрантов ко второй половине рассматриваемой стадии заметно увеличилось и одновременно расширились ареалы их движения.

Вторая стадия урбанизации продолжалась примерно до конца 70-х годов и характеризуется более умеренным ростом городских поселений. В сельском хозяйстве уже в первой половине этой стадии возникает нехватка рабочей силы. Это стимулирует механизацию сельского хозяйства и развитие технической инфраструктуры — улучшаются организация сельского строительства, мелиорация, ремонт сельскохозяйственной техники, снабжение и сбыт и т.д. В результате этого на селе увеличивается число хорошооплачиваемых рабочих мест, особенно для мужчин. В то же время на селе развивается и социальная инфраструктура, в том числе расширяется жилищное строительство, вследствие чего уменьшается разница в условиях труда и быта между селом и городом. Но одновременно и в городах постепенно возрастает дефицит рабочей силы, так как в результате снижения рождаемости прирост нового поколения трудоспособного возраста уменьшается, так же как и приток мигрантов извне республики. Следовательно, с обеих сторон усиливаются факторы, стимулирующие обмен рабочей силой (маятниковых мигрантов) между городом и селом. По этой стадии урбанизации мы имеем ряд проведенных исследований маятниковой миграции, которые будут рассмотрены ниже.

Третья, высшая стадия урбанизации падает на начало 80-х годов. Удельный вес городского населения в республике составляет уже более 70%. По аналогии с другими высокорурбанизованными странами можно предположить, что в дальнейшем прирост городского населения замедлится. В конкретных условиях Эстонской ССР этому содействуют следующие обстоятельства:

а) в интересах повышения производительности труда во многих «городских» отраслях деятельности ограничивают прирост рабочих мест или даже стремятся к сокращению их; б) демографическая ситуация в тех районах РСФСР, откуда до сих пор наша республика получала основную часть миграционного прироста, изменилась, и из-за этого приток мигрантов, наверное, уменьшится; в) в то же время те меры, которые применяются для выполнения продовольственной программы, улучшают условия труда в сельском хозяйстве и тем самым способствуют укреплению кадров на селе. Указанные факторы должны оказать влия-

ние и на развитие и характер трудовой маятниковой миграции.

2. Динамика величины и интенсивности трудовой маятниковой миграции

В отличие от ряда других социалистических стран (ГДР, Чехословацкой СР, Венгерской НР), в Советском Союзе сплошное изучение трудовой маятниковой миграции не включено в программы переписи населения. В рамках переписи населения 1970 года трудовое маятниковое движение было изучено лишь в крупных и больших городах. Вследствие этого по Советскому Союзу в целом и в том числе по Эстонской ССР нет полного обзора об абсолютной величине, общей интенсивности и динамике трудовой маятниковой миграции. Эти показатели по всему Советскому Союзу пытался оценить Г.А. Гольц (1979), согласно данным которого, абсолютная величина трудовой маятниковой миграции в ее четырех основных направлениях (село → город, город → село, город → город, село → село) в 1970 году составила 10,45 млн. и в 1980 году – 17,3 млн. человек. При этом самыми объемными были потоки город → город (в 1980 году – 7,76 млн. чел.) и село → город (7,54 млн.). По мнению Г.А. Гольца, возможная ошибка этих расчетных данных от ± 10 до $\pm 25\%$, кроме данных о потоке село → город, которые Г.А. Гольц, ссылаясь на работы В.Н. Лиходеда (1977; Хорев, Лиходед, 1982), считает точными. Изучения В.Н. Лиходеда по трудовой маятниковой миграции сельского населения основаны на статистических отчетах, составляемых ежегодно в сельсоветах о половозрастном составе местного населения. В этих отчетах указано и число сельских жителей, работающих в городских поселениях. Но судя по обстановке в Эстонской ССР, и эти отчеты с точки зрения трудовой маятниковой миграции являются неточными – указываемое в них число работников больше, чем численность действительных маятниковых мигрантов. Дело в том, что в указанные отчеты в этот контингент включены работники всех учреждений и предприятий, расположенных в городских поселениях. Следовательно, в состав названной группы входят и работающие в расположенных на селе магазинах, междучреждениях, промышленных предприятиях и т.д., подчиненных центральному учреждению или предприятию, которые размещаются в городских поселениях. Вследствие этого указанные отчеты отражают прежде всего внесельскохозяйственную занятость сельских жителей и лишь приблизительно – численность маятниковых мигрантов из села в город. На это обстоятельство уже бо-

лее десяти лет назад обратила внимание Р. Эрлих (1973, 1979), которая изучала трудовую маятниковую миграцию в мелкогородских поселениях республики, в этом же убедились и сотрудники кафедры экономической географии ТГУ при сборе данных о маятниковой миграции село→город в начале 80-х годов. Согласно расчетам Р. Эрлих, разница между указанной отчетностью и действительной величиной маятниковой миграции село→город колеблется по отдельным сельсоветам от нескольких до несколько десятков процентов, а в среднем – с 20 до 30%. Следовательно, мы не имеем точных данных во всесоюзном масштабе ни по одному направлению трудовой маятниковой миграции, и ее динамику можно анализировать только на основании отдельных выборочных исследований.

В Эстонской ССР общую величину связанной с городскими поселениями маятниковой миграции первыми сделали попытку установить сотрудники Госкомтруда ЭССР (в 1967–1969 гг.), которые подключили к этой работе городские и районные исполкомы. В результате этого исследования общая численность маятниковых мигрантов в направлениях село→город, город→село и город→город была оценена в пределах 42 000 человек. На основании имеющихся материалов переписи 1970 года можно считать, что данные Госкомтруда в отношении некоторых городов, особенно в случае Таллина и Нарвы, были преувеличенные. Вводя некоторые коррективы, можно утверждать, что в конце 60-х годов общая численность маятниковых мигрантов, связанных со всеми городскими поселениями республики, составляла примерно 37 000–38 000, причем в городских поселениях, изученных нами повторно в начале 80-х годов, – 31 000*. В настоящее время численность маятниковых мигрантов в этих городских поселениях составляла уже 47 500, т.е. в полтора раза больше. Сильно обобщенный обзор о том, каким образом в рассматриваемой группе городских поселений изменились потоки маятниковых мигрантов различного направления и их взаимные пропорции, приведены в таблице 2. В указанной таблице и в дальнейшем мы

* В группе городов республиканского подчинения изучали Таллин, Тарту, Пярну, Кохтла-Ярве и Нарву. В состав г. Таллина включили подчиненные его городскому совету г. Маарду и пос. г.т. Сауз, причем трудовой маятниковой миграции между ними не учитывали. В агломерации Северо-Восточной Эстонии изучали совместно с г. Кохтла-Ярве и г. Кивийыли и пос. г.т. Пюсси, причем их взаимные потоки маятниковой миграции учитывали. В группу районных центров включили, кроме официальных центров административных районов, и г. Түри, т.е. 12 городских поселений (рис. 1).

Таблица 2

Динамика трудовой маятниковой миграции в изученных городах-центрах

Направления миграции		Конец 1960-х гг.	Начало 1980-х гг.	Прирост за период* (во сколько раз)
Всего маятниковых мигрантов,	тыс. чел.	31	47,5	1,5
в т.ч. входящих в города-центры,	" "	22	24	1,1
выходящих из городов-центров,	" "	10	23,5	2,4
Сальдо в отношении городов-центров,	" "	+12	+0,5	-24
Маятниковые мигранты в городах республиканского подчинения, тыс. чел.				
в т.ч. входящих в города-центры,	%	20	31,5	2,6
из них из села,	"	67	51	1,1
из города,	"	41	34	1,2
выходящих из городов-центров,	%	26	17	1,0
из них в село,	"	33	49	2,4
в город,	"	28	38	2,1
		5	11	3,6
Маятниковые мигранты в районных центрах, в тыс. чел.				
в т.ч. входящие в города-центры,	%	11	16	1,5
из них из села,	"	68	52	1,1
из города,	"	...	46	...
выходящих из городов-центров,	%	...	6	...
из них в село,	"	34	48	2,2
в город,	"	...	46	...
		...	2	...

* Прирост рассчитан на основе абсолютной величины соответствующего направления маятниковой миграции

употребляем термин «город-центр». Под ним мы понимаем те городские поселения, в отношении которых изучали маятниковую миграцию, т.е. рассматривали их как главные центры соответствующих ареалов.

Общая величина трудовой маятниковой миграции в обеих рассматриваемых группах росла в основном за счет выходящей из городов-центров, в результате чего сальдо маятниковой миграции между городами-центрами и их хинтерландами приближается к нулю, т.е. встречные потоки в целом находятся почти в равновесии. При этом заслуживает внимания тот факт, что в обеих изучаемых группах городов сальдо маятниковой миграции является отрицательным в отношении городов-центров, именно за счет сельских поселений их хинтерландов. По абсолютной величине в изучаемый период больше всего возрос поток город→село, являющийся в настоящее время самым объемным. По темпам роста на первом месте за эти годы находился поток из городов республиканского подчинения в городские поселения их хинтерландов. Но вообще движение город→город в условиях Эстонии из-за слабого развития городских агломераций — малообъемно — всего 1/5 из общей величины маятниковой миграции рассматриваемых городов.

К указанному следует прибавить, что пропорции встречных потоков, разумеется по отдельным изученным городам-центрам, — не одинаковы, но тенденции развития все же сходные. Так, в группе районных центров в конце 60-х годов лишь один город (Тюри) имел отрицательное сальдо маятниковой миграции, а в настоящее время уже половина из них имеет отрицательное сальдо, у остальных положительное сальдо заметно уменьшилось. В группе городов республиканского подчинения лишь один город — Кохтла-Ярве — имел и имеет отрицательное сальдо маятниковой миграции. И именно за счет Кохтла-Ярве сальдо миграции группы городов республиканского подчинения в целом приближается к нулю. Но положительное сальдо миграции остальных городов той же группы также сильно уменьшилось, ибо быстрее росли потоки, выходящие из них как в сельские, так и в городские поселения.

Из сравнения тенденций развития трудовой маятниковой миграции Эстонии и других Прибалтийских регионов выясняется, что в общих чертах направления сходные, но сформировавшаяся к настоящему времени ситуация еще различная. Это зависит как от уровня урбанизации, так и особенностей территориальной структуры расселения. Во всех сравниваемых регионах

крупные и большие города имеют большое положительное сальдо маятниковой миграции. Например, если в Таллине численность входящих маятниковых мигрантов превосходит численность выходящих всего в 1,2 раза, то в Риге указанное соотношение в 1980 году было 4,75 (Колотиевский, Баул и сотр., 1981), в Минске в 1978 году - 7 (Козлов и сотр., 1981). В Литве в 1976 году поток село→город по всей республике превосходил встречный ему поток город→село почти в 3 раза (Жукошевичюте, 1981), в Польше в 1974 году - в 4 раза (Gawrys-zewski, 1981). В ГДР и Чехословакии в случае крупных и больших городов и агломерации также преобладают входящие потоки маятниковой миграции (Grundmann, Neumann, 1980; Stadt und Umland, 1979; Macka et al., 1981). Но в то же время во всех указанных источниках отмечается, что входящая в города-центры маятниковая миграция стабильная или растет медленнее, чем выходящая миграция. Например, в рижской агломерации в 1970-1980 гг. потоки в г. Ригу удерживались почти на одном уровне, а потоки из Риги увеличились почти в 2 раза. В Минске в 1971-1978 гг. входящие потоки возросли всего на 14%, тогда как выходящие - в 3 раза. Одновременно отмечено, что (в частности, в Латвии и Чехословакии) маятниковая миграция возрастает из города-центра в другие городские поселения, хотя город-центр в большинстве случаев сохраняет положительное сальдо миграции. Что касается мелкогородских поселений (до 5 тыс. чел.), то в Латвии эта группа в целом уже имеет отрицательное сальдо маятниковой миграции - выходящих мигрантов в 2,7 раза больше, чем входящих (Баул, 1982).

Подводя итоги, можно утверждать, что при углублении урбанизации, когда большинство населения сосредоточено в городах и на селе, увеличится численность несельскохозяйственных рабочих мест, а также занятость в обслуживающей сельское хозяйство производственной инфраструктуре, проявляются тенденции к изменению направлений трудовой маятниковой миграции. В Эстонской ССР обуславливающие эти изменения факторы (сдвиги в размещении и качестве мест труда и жительства) особенно сильны и поэтому соответствующий переворот выражается ярче. Для более основательного анализа влияния указанных факторов необходимо выяснить и изменения в качественной и территориальной структуре маятниковой миграции. Этим вопросам посвящены последующие подразделы данной статьи.

В этом подразделе мы еще вкратце остановимся на изменениях интенсивности маятниковой миграции в городах Эстонии и

приведем некоторые сравнения с другими регионами. По данным В.Н. Лиходеда (1982), в 1976 году ЭССР заняла первое место среди союзных республик СССР по интенсивности маятниковой миграции село→город: 10,8% сельских жителей работали в городских поселениях. Второе-третье места поделили между собой Латвия и Литва, где соответствующий показатель составлял 8,2%. Но, как было указано выше, данные В.Н. Лиходеда лишь приблизительные, поскольку приведенная численность сельских маятниковых мигрантов больше действительной. По данным А. Баула, в Латвии в 1980 году в городских поселениях работали 7% сельских жителей (1982). Этот автор отмечает, что в связи с уменьшением численности сельского населения убавляется и абсолютная величина маятникового потока село→город. В Эстонии все же до сих пор абсолютное число сельских жителей, работающих в изученных городах, медленно росло, хотя их общая численность населения в хинтерландах городов уменьшилась. Следовательно, в изученных ареалах интенсивность маятниковой миграции сельского населения повысилась. Поскольку в настоящее время мы еще не имеем точных данных о трудовой маятниковой миграции по всем малым городским поселениям республики (изучение только что начинается), то нет возможности сделать окончательные выводы о том, как изменилась общая величина и интенсивность маятниковой миграции село→город и какое место занимает Эстония по этим показателям среди других союзных республик. Учитывая то обстоятельство, что в республике значительные размеры имеет поток город→село, Эстония по общей интенсивности маятниковой миграции сельского населения (количество работающих в городах сельских жителей и работающих на селе горожан на 1000 сельских жителей) занимает, наверное, первое место в Советском Союзе. В то же время интенсивность маятниковой миграции городского населения в ЭССР низкая вследствие слабого развития межгородского маятникового движения. В изученных городах республиканского подчинения в конце 60-х годов на 1000 жителей приходилось в среднем 40, в начале 80-х годов - 50 маятниковых мигрантов (входящие и выходящие во всех направлениях). При этом можно отметить закономерность, характерную и для других регионов, - в крупных городах абсолютная численность маятниковых мигрантов больше, но удельный вес их меньше, чем в средних и малых городах. Например, в 1982 году в Таллине на 1000 жителей приходилось лишь 27

маятниковых мигрантов^{*}, в остальных городах республиканского подчинения этот показатель колебался в пределах 40-80, но более чем в половине районных центров - был более 100. Чтобы подчеркнуть низкую интенсивность маятникового движения г. Таллина, для сравнения напоминаем, что в 1980 году в Риге на 1000 жителей приходилось 55 маятниковых мигрантов. В 1974 году в Польше средняя интенсивность маятниковой миграции в городах с населением более чем 100 000 чел. составляла 126 мигрантов на 1000 жителей. В 1976 году в Вильнюсе на 1000 жителей только входящих маятниковых мигрантов было 60, в Лейпциге в 1980 году - 90 (все эти показатели рассчитаны автором по следующим источникам: Колотиевский, Баул и сотр., 1981; Gawryszewski, 1981; Uhlig, Wollkopf, 1980).

3. Динамика территориальной структуры маятниковой миграции

Территориальные закономерности трудовой маятниковой миграции и формирующие их факторы как в отечественной, так и иностранной научной литературе являются широко рассматриваемой тематикой. Довольно исчерпываемый обзор по названным закономерностям на основании данных Украинской ССР, а также других регионов Советского Союза, представлен в монографии И.М. Таборисской (1979). В данном случае автор не ставила перед собой задачи подробно охарактеризовать эти закономерности в условиях Эстонии, а старалась лишь в общих чертах выяснить: 1) Имеет ли трудовая маятниковая миграция тенденцию к территориальной концентрации или расширению? 2) Как изменилась интенсивность и сальдо маятниковой миграции в пределах ее ареала и какое влияние это оказывает на занятость населения и демографическую ситуацию соответствующей зоны? Анализ проведен на уровне очень сильного обобщения: ареалы маятниковой миграции распределяли лишь на две концентрические зоны, выделяя внутреннюю или контактную (с городом-центром) и внешнюю зоны. К первой из них относятся территории сельсоветов, непосредственно граничащие с городом^{**} (рис. 1). Радиус этих зон - 10-15 км от городской черты, вследствие чего время передвижения на транспорте вне города - менее 20 мин. (все время передвижения к месту ра-

^{*} Если учитывать и маятниковое движение между Таллином, Маарду и Сауз, то соответствующий показатель равен примерно 30.

^{**} В зависимости от конфигурации отдельных сельсоветов границы этих зон местами выпрямлены.

боты зависит от величины территории соответствующего города). По случаю двух пограничных городов, Нарвы и Валги, к контактной зоне относятся и их города-двойники, находящиеся на территории соседних республик (г. Ивангород — в РСФСР и г. Валка — в Латвийской ССР). В состав внешней зоны включены все остальные сельсоветы и городские поселения, откуда в город-центр приезжает или куда из него выезжает на работу не менее 10 человек. Движение между городом-центром и внутренней зоной ареала мы называем миграцией короткой дистанции, а движение между городом-центром и внешней зоной — миграцией длинной дистанции.

Изменение доли маятниковой миграции короткой и длинной дистанций можно проанализировать лишь на примере городов республиканского подчинения, поскольку в более ранних исследованиях по районным центрам необходимые данные отсутствуют. Проведенный анализ показал, что в территориальной структуре маятниковой миграции проявляется тенденция территориальной концентрации, т.е. увеличения удельного веса миграции короткой дистанции (табл. 3). Указанная тенденция сильнее отражается в выходящем из города-центра потоке. Рост последнего происходил за счет миграции короткой дистанции, так как в этом потоке миграция длинной дистанции уменьшилась не только относительно, но и абсолютно. В результате этих сдвигов сальдо миграции короткой дистанции в отношении городов-центров стало отрицательным. В начале рассматриваемого периода выходящие из городов-центров в их контактные зоны мигранты составляли едва половины (49%) по отношению к входящим оттуда в города-центры, но на конце периода — 128%. В то же время положительное сальдо миграции длинной дистанции в отношении городов-центров увеличилось, ибо численность выходящих во внешние зоны уменьшилась, однако численность входящих оттуда была практически стабильной.

Территориальная структура трудовых связей районных центров в настоящее время подобна вышеизложенной. С внутренними зонами их ареалов маятникового движения связаны 62% входящих и 84% выходящих мигрантов. Следовательно, и в этой группе городов сальдо миграции короткой дистанции в отношении городов-центров отрицательное, сальдо миграции длинной дистанции — положительное.

Аналогичные трудовой маятниковой миграции Эстонской ССР тенденции к сокращению связей длинной дистанции и увеличению доли движения более короткой дистанции отмечают и иссле-

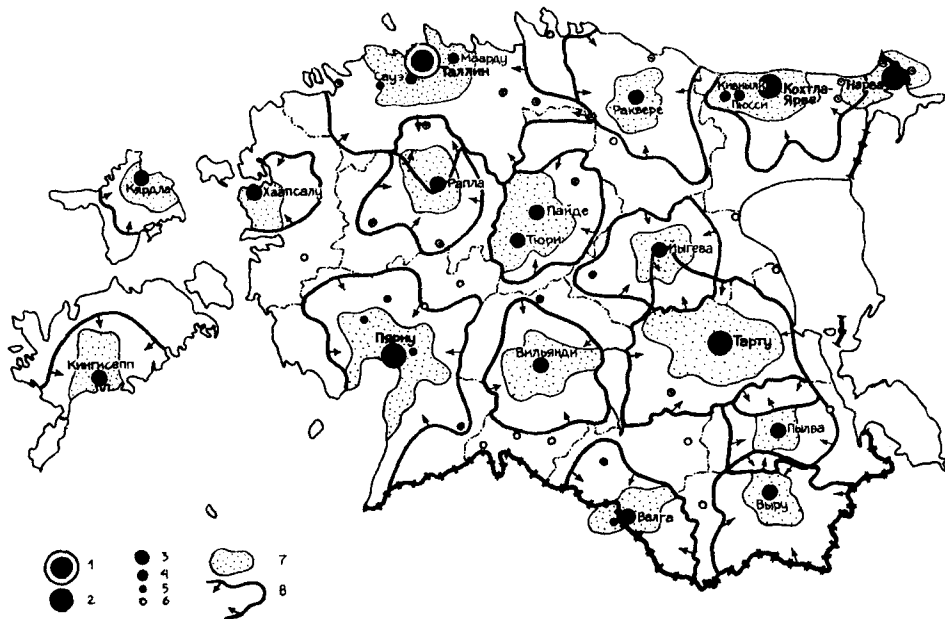

Рис. 1. Ареалы трудовой маятниковой миграции городов республиканского подчинения и районных центров Эстонской ССР

1—столица 2—остальные города республиканского подчинения 3—районные центры 4—городские поселения-спутники в хитерланде столицы или в сланцевом бассейне, которые изучали в качестве города-центра маятникового движения 5—городские поселения, маятниковые трудовые связи которых изучали только в отношении города-центра данного ареала 6—городские поселения за пределами изученных ареалов 7—внутренняя зона изученного ареала 8—граница внешней зоны изученного ареала.

Таблица 3

**Изменения территориальной структуры трудовой маятниковой миграции
городов республиканского подчинения**

Направления маятниковой миграции	Удельный вес (%) (1969/70)		Удельный вес (%) (1982/83)		Рост за рассматр. период (1969/70 = 100%)
	ко всему контингенту данного на- правления	в т.ч. из движу- щихся меж- ду селом и городом	ко всему контингенту данного на- правления	в т.ч. из движу- щихся меж- ду селом и городом	
<u>Миграция короткой дистанции</u>					
В город-центр	57	67	62	72	140
Из города-центра	58	64	79	90	300
<u>Миграция длинной дистанции</u>					
В город-центр	43	33	38	28	105
Из города-центра	42	36	21	10	57

дователи других высокоурбанизованных стран, в том числе ученые ЧССР (Macka et al., 1981) и ГДР. Например, в 1929 году 28,6% работающих в Лейпциге маятниковых мигрантов проживали в пределах I-ого часового изокрона, а в 1971 году — уже 58,0% (Unlig, Wollkopf, 1980). Хотя при сравнении этих цифр необходимо учитывать изменение скорости движения транспорта, все же они доказывают концентрацию маятниковой миграции в большей мере в центральной части ареала.

Анализируя на основании конкретных материалов причин подосных изменений территориальной структуры маятниковой миграции, выясняется, что здесь существует непосредственная связь с дифференцированным развитием территориальной структуры производственной и социальной сфер села. А именно, — жилищное строительство, тем более новые места работы, размещаются не равномерно по сельской местности, а сосредоточены прежде всего в пригородных зонах. Там построены предприятия технического обслуживания сельского хозяйства, там же размещаются разные «выведенные из города» учреждения как автотранспортные базы, склады, научные институты, учреждения здравоохранения и т.д. Вообще, в рассматриваемые годы численность мест работы в этих зонах возрастала более быстрыми темпами, чем в самих городах-центрах. В результате этого заметно увеличилась и выходящая из города миграция короткой дистанции.

В итоге можно констатировать, что общая величина ареалов трудовой маятниковой миграции в исследуемый период не изменилась существенно, но видоизменилась интенсивность трудовых связей в пределах этих ареалов. Во внутренних зонах интенсивность маятниковой миграции сильно повысилась, во внешних зонах — осталась неизменной или понизилась. Вследствие этого контраст между указанными зонами увеличился. В настоящее время во внутренних зонах изученных ареалов в среднем на 1000 жителей приходится 200 маятниковых мигрантов (все живущие и работающие здесь), во внешних зонах показатель тот же — 35 на 1000. Каждый пятый занятый житель внутренней зоны работает в городе-центре, а каждое четвертое место работы в данной зоне занято проживающими в городе-центре. Из занятого населения внешней зоны лишь 6% работает в городе-центре и 3% работающих в этой зоне проживает в городе-центре.

Более разнообразные возможности занятости (как в городе-центре, так и на месте) сосредоточивают во внутренние зоны

ареалов маятниковой миграции больше молодого трудоспособного населения, за счет которого (по сравнению с остальными сельскими районами) повышается общий уровень занятости и образования населения, а также улучшается демографическая ситуация. Если занятость составляет в среднем 46% сельского населения Эстонии (Народное хозяйство ЭССР... 1980), то в указанных зонах она равна примерно 52%, а во внешних зонах тех же ареалов - 44%. Одновременно возрастной состав населения во внутренних зонах отличается по повышенной доле детей и подростков и молодых трудоспособных людей. Соответственно этому характеристики естественного движения здесь иные, чем у сельского населения в целом: рождаемость или превышает смертность, или же они находятся в равновесии. Сальдо безвозвратной миграции в большинстве внутренних зон (кроме Таллинского ареала) отрицательное, но отток населения в два раза слабее, чем во внешних зонах. Следовательно, демографическая ситуация рассматриваемых пригородных зон представляет собой как бы переходный тип между типами, свойственными, с одной стороны, сельским районам и, с другой, - более крупным городам республики. Таким образом, эти зоны являются контактными зонами городов не только по своему размещению, но и по качественным признакам демографической ситуации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Статья отражает особенности развития трудовой маятниковой миграции в более крупных городских центрах и их хинтерландах Эстонской ССР. Исследуемые ареалы представляют собой самые урбанизованные части республики, где в городских поселениях сосредоточено более 4/5 населения. Такая доля городского населения характерна для наиболее высокоурбанизованных стран мира. Следовательно, на основании рассмотренных материалов можно сделать обобщения о развитии трудовой маятниковой миграции, действительные для высокой стадии урбанизации вообще. Разумеется, выводы по Эстонской ССР могут быть, в первую очередь, расширены на те регионы, где в сети городских поселений также преобладают малые и средние города.

На основании вышеизложенного анализа выясняется, что при углублении урбанизации трудовые связи между городом и селом становятся более двусторонними; встречные маятниковые потоки начинают уравниваться и трудовая маятниковая миграция приоб-

ретаает новую роль. Если раньше она была главным образом носителем структурных изменений в расселении, способствуя концентрации трудящихся в город, то в настоящее время она содействует стабилизации пропорций сельских и городских элементов расселения. В этой роли она в некоторой мере компенсирует отток населения из села, ибо безвозвратно уходящего из села работника частично заменяет проживающий в городе маятниковый мигрант.

Указанное укрепление взаимных трудовых связей села и города и их сближение непосредственно выражается и в изменении территориальной структуры расселения, в формировании вокруг городов урбанизованных пригородных зон с многими поселениями-спутниками. С точки зрения трудовой маятниковой миграции, выше мы именовали такие зоны внутренними зонами маятниковых ареалов или контактными зонами. Ведь главным критерием разграничений этих зон и является интенсивная встречающая трудовая маятниковая миграция. В начальной стадии формирования названных зон возникли прежде всего спутники-жилые места, а в более поздней стадии — спутники-рабочие места, размещающиеся в которых предприятия получают значительную часть своих работающих из города. В случае большой численности и плотности населения, эти спутники приобретают размеры городских поселений, образуются городские агломерации. В условиях Эстонии этот процесс развивается частично в качестве «скрытой» урбанизации — большая часть спутников из-за малой численности населения остается в категории сельских поселений. Но именно в этих поселениях и зонах в целом тесно переплетаются между собой городские и сельские отрасли деятельности, и в сельское хозяйство быстро внедряются интенсивные индустриальные способы производства. Таким образом в настоящее время урбанизация расширяется в виде ареалов, и ее углубление выражается прежде всего в соответствующих изменениях села.

Формирование вышеописанных контактных зон оказывает заметное влияние на динамику населения как самих городов-центров, так и остальных сельских районов.

В отношении городов-центров это влияние является стабилизирующим. С одной стороны, с образованием контактных зон рост численности населения и мест работы в официальных границах города-центра в некоторой мере замедляется, так как часть жителей и мест работы перемещается за пределы города. С другой стороны, город-центр за счет этих зон с более по-

вышенным демографическим потенциалом обеспечивает себе местный резерв постоянного прироста, ибо часть жителей контактной зоны, особенно молодых, все же переселяется в данный город-центр.

В отношении остальных сельских местностей, в первую очередь внешних зон маятниковых ареалов, контактные зоны играют роль «буферной системы», создавая возможности более разнообразной занятости. Часть жителей внешних зон находит подходящее рабочее место вблизи дома, в контактной зоне. В связи с этим оживляется трудовая маятниковая миграция село → село и уменьшаются маятниковые поездки длинной дистанции село → город.

В итоге можно утверждать, что, хотя проблемы динамики населения и трудовых ресурсов имеют в разных зонах – в городах-центрах, в окружающих их контактных зонах и остальных сельских местностях – некоторые различные аспекты, все же эти проблемы сильно взаимосвязаны, и к решению их необходимо подходить одновременно.

Литература

- Баул А. Особенности маятниковой миграции в городских поселениях Латвийской ССР. – В сб.: Проблемы инфраструктуры и сельского расселения: Тезисы докладов научной конференции экономистов и эконом-географов республик Советской Прибалтики (Таллин, 8–9 декабря 1982 г.). Таллин, 1982. с. 38–40.
- Гольц Г.А. Динамика маятниковой миграции населения в СССР и некоторые подходы к ее прогнозированию. – Предпринт доклада на IV советско-польском семинаре по проблемам урбанизации (СССР, г. Киев, сент., 1979 г.). М. – Киев, 1979, 17 с.
- Карманный статистический справочник ГДР 1977 г. Берлин, 1977, 160 с.
- Козлов Г., Польский С., Хасдан Н. Социальные экономические условия маятниковых миграций. – В сб.: Маятниковая миграция сельского населения. Народонаселение. М., 1981, вып. 36, с. 53.
- Колотиевский А.М., Баул А.Ф., Мелбарде З.Я., Янкович Я.Я. Некоторые итоги исследования объема и структуры межпоселенной маятниковой миграции населения в Рижской

- агломерации. - В кн.: Районная планировка и градостроительство в Латвийской ССР. Рига, 1981, с. 100-109.
- Лиходед В.Н. Развитие маятниковой миграции сельского населения в СССР. Автореф. дис. геогр. канд. наук М., 1977, 20 с.
- Лукашевичте Я. Социально-экономическое значение трудовых маятниковых перемещений сельского населения в города Литовской ССР. - В сб.: Маятниковая миграция сельского населения. Народонаселение. М., 1981, выпуск 36, с. 70-76.
- Население СССР. По данным всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1980, 52 с.
- Народное хозяйство ЭССР в 1981 году. Статистический ежегодник. Таллин, 1982, 374 с.
- Статистический ежегодник стран-членов СЭВ 1982. М., 1982, 470 с.
- Таборисская И.М. Маятниковая миграция населения (теория, методология, практика). М., 1979, 176 с.
- Хорев Б.С., Лиходед В.Н. Житель села - работник города. М., 1982, 95 с.
- Экономическая география зарубежных социалистических стран (Европа, Куба). Под ред. Маергойза И.М. и др. М., 1978. 357 с.
- Эрлих Р. Об изучении трудовой маятниковой миграции. - Изучение проблем народонаселения в Институте экономики АН Эстонской ССР. Сборник обзоров. Таллин, 1979, с. 42-62.
- Bloch D. Städte der VR Polen. - Petermanns Geographische Mitteilungen, 1983, H. 3, S. 177-178.
- Shrlich R. Tõõalase pendelliikumise probleem. - Eesti NSV rahvamajanduse arendamise territoriaalseid probleem. Tallinn, 1973, lk. 106-126.
- Gawryszewski A. Spatial mobility of the population in Poland. An attempt of an integrated approach. - Geographia Polonica, 1981, vol. 44, p. 225-238.
- Grundmann L., Neumann H. Territoriale Probleme der Arbeitspendelwanderung in der DDR. - Beiträge zur Demographie Räumliche Bevölkerungsbewegung, in sozialistischen Ländern. Berlin, 1980, S. 245-260.
- Laas K. Urbanization as the main factor in modern population geography of the Estonian S.S.R. - In: Estonia. Geographical studies. Tallinn, 1972, p. 115-122.

- Macka M., Bina J., Mareš J., Nováková B., Toušek V., Viturka M., Vystoupil J. Selected aspects of the internal organization of a settlement system. - *Geographica Polonica*, 1981, vol. 44, p. 65-88.
- Stadt und Umland in der Deutschen Demokratischen Republik. Ergänzungsheft Nr. 279 zu Petermanns Geographischen Mitteilungen. Gotha/Leipzig, 1979, 136 S.
- Uhlig L., Wollkopf H.-F. Bevölkerungsentwicklung und Pendlerbewegung im Bezirk Leipzig. *Geographische Berichte*, 1981, Bd. 26, H. 98, S. 37-47.

Trends in Labor Commuting at an Advanced Stage of Urbanization

A. Marksoo

S u m m a r y

Heavy labor commuting is a concomitant phenomenon of urbanization, governed basically by the self-regulating inter-system mechanism within the settlement. Accordingly it reflects synchronically shifts in the settlement structure in the course of urbanization, i.e. the changes in the distribution and the quality of jobs and residences.

The aim of this paper is to study the prevailing trends in labor commuting in the Estonian SSR during the last 10-15 years (1968-1983), which was a period of transition to a higher stage of urbanization in this republic, and on the basis of these, to establish what changes have taken place in the mutual relations of countryside and town.

Labor commuting was studied in all larger and middle-sized towns, all in 19 urban centres and their hinterlands (the latter including also some smaller urban settlements). The towns in respect of which commuting was studied are referred to as centre-towns. Trends in commuting to work in the Estonian SSR have been compared with those observed in other Baltic regions (Latvian SSR, Lithuanian SSR, GDR and Polish PR) and in regions bordering on them (Czechoslovak SR, Byelorussian SSR), in order to find out to what extent

the processes observed in the Estonian SSR are characteristic of socialist industrial countries in general. It appears that the trends are practically the same. The few features peculiar to Estonia alone are due to its sparser population and less advanced urban agglomeration.

Analysis shows that in the period under discussion the number of commuters has grown 1.5 times, while rural-to-urban commuting has remained quite stable (growth 1.1 times), urban-to-rural commuting, however, has increased 2.4 times. As a result, the arrivals and departures are almost equal, and thus net incommuting to town has decreased to the minimum. At present commuting from centre-towns to rural areas has come to be the prevailing stream, and this is why more than half of the centre-towns have a net outcommuting. At the same time they have retained net incommuting at the expense of urban settlements within the boundaries of their hinterlands.

In the period under discussion the areas of commutation have remained more or less unchanged, but the intensity of commuting within the boundaries of a given area has considerably changed. The role of short-distance commuting (within 10-15 km from the outskirts of the town), especially in the outflow from centre-towns has increased. Long-distance commutation in the same direction has decreased both in relative and absolute numbers. In the immediate vicinity of the towns, i.e. in the so-called contact zones there are on an average 200 commuters per 1000 inhabitants (in- and out-commuters taken together). In the marginal areas of commuting the ratio is 35:1000.

The above trends show that in the period we are concerned with essential shifts have occurred in the distribution and quality of places of work and residence. Housing construction has grown relatively faster in towns, the number of available jobs, however, has increased more rapidly in their contact zones, where various plants have been built designed for the technological servicing of agriculture, as well as other establishments "evacuated" from the towns. Thus the mutual exchange of labour between town and countryside has become more balanced, both in quantity and quality. Such balanced exchange of labour is mainly confined to the narrow contact zones. The formation of the latter involves further differentiation in the rural areas: on

the one hand there are what may be termed as pure or typical agricultural zones and, on the other hand, immediate contact zones about the towns, offering varied jobs and having greater demographic potentials (relative youth of the population and a higher birth rate).

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОЦИАЛЬНО- ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО СОСТАВА ВСТРЕЧНЫХ ПОТОКОВ ТРУДОВОЙ МАЯТНИКОВОЙ МИГРАЦИИ

А. Марксос

Данная статья по содержанию является непосредственным продолжением статьи этого же сборника. Если в указанной статье автор анализировал динамику количественных пропорций встречных потоков и территориальные изменения трудовой маятниковой миграции, то задачей настоящей статьи является (в сжатом виде) выяснить:

- 1) различаются ли и каким образом по своему социально-демографическому составу встречные потоки трудовой маятниковой миграции;
- 2) произошли ли существенные изменения в этом составе в течение последних 10-15 лет?

Соответствующий анализ основывается на тех же материалах, которые были использованы при составлении предыдущей статьи (см. стр. 90), т.е. на данных городов республиканского подчинения и районных центров Эстонской ССР.

Социально-демографический состав трудящихся встречных потоков маятниковой миграции зависит, с одной стороны, от функциональной структуры города-центра и его хинтерланда, т.е. от имеющихся там мест работы, с другой, - от распределения жилого фонда и разницы остальных бытовых условий между городом и его хинтерландом. Кроме того, необходимо учитывать соотношение типичных «женских» и «мужских» рабочих мест, разницы в заработной плате на селе и в городе, а также уровнем дефицита рабочей силы по отдельным видам деятельности, в т.ч. по различным квалификационным категориям.

В данном исследовании следует обратить внимание на то, что почти все изученные конкретно нами города-центры, за исключением Нарвы и спутников Кохтла-Ярве, являются полифункциональными центрами с разносторонними возможностями занятости населения. Одновременно они обладают административной функцией районного центра, что определяет характер их ближайшего хинтерланда. В большинстве случаев предприятия технического обслуживания сельского хозяйства того же района расположены не в районном центре, а в его окрестностях. Указанные обстоятельства обуславливают некоторое сход-

ство в социально-демографическом составе потоков маятниковых мигрантов, связывающим изученные города-центры с их хинтерландами. Это позволяет охарактеризовать социально-демографический состав изученных трудящихся в сильно обобщенном виде, выделяя лишь потоки различного направления. Соответствующая характеристика представлена в таблицах 1-3, отражающих положение на начало 80-х годов.

Анализируя прежде всего распределение маятниковых мигрантов по отраслям занятости и по полу, выяснили, что самым существенным образом различаются встречные потоки село→город и город→село. В первой группе занятость в непроизводственной сфере, особенно среди женщин, заметно выше. Поскольку розничная торговля и общественное питание по содержанию также являются отраслями обслуживания, то 3/5 женщин рассматриваемой группы работают в сфере обслуживания, из мужчин — соответственно 30%. Половина мужчин данной группы занята в промышленности и транспорте. Работающие на селе горожане заняты главным образом в аграрном секторе, включая и рыболовство (53%), но почти 1/3 их работает в промышленных и строительных предприятиях. В итоге в этой группе трудящихся сильно преобладает занятость в производственной сфере, даже среди женщин. Из последних лишь 27% работает в сфере обслуживания. Указанные пропорции занятости отражают прежде всего возможности занятости в сельской местности, которые и определяют особенности полового состава рассматриваемых встречных потоков. В современном высокотехнизированном сельском хозяйстве выбор профессий для женщин сравнительно узок и поэтому многие из них предпочитают работать в городе. Вследствие этого среди работающих в городе сельских жителей и преобладают женщины (табл. 2). Сравнение с более ранними исследованиями показывает, что почти во всех изученных городах за последние годы среди работающих в городе сельских жителей доля женщин повысилась (на 2-10%). Во встречном потоке из города в село, наоборот, сильно доминируют мужчины, ибо именно для них имеется много подходящих хорошооплачиваемых рабочих мест как в самом сельском хозяйстве, так и в сфере технического обслуживания его, а также в лесном хозяйстве и рыболовстве. В Северо-Восточной Эстонии, в сланцевой бассейне, много мужчин работает в шахтах и карьерах, расположенных за пределами городов. Работающие на селе женщины-горожанки, занятые в непроизводственной сфере, в основном — педагоги, медицинский персонал и работники

Таблица I

Распределение маятниковых мигрантов по отраслям народного хозяйства (%)

Направление миграции	Пол- ми- гран- тов	Про- миш- лен- ность	Строй- тель- ство	Сель- ское, лесное хозяй- ство	Рыбо- лов- ство	Транс- порт	Торговля, общ. пи- тание, заготов- ка	Непроиз- водст- венная сфера	Всего
<u>Входящие в города-центры</u>									
из села	муж.	27	11	10	-	22	7	23	100
	жен.	26	3	4	-	7	21	39	100
	всего	27	7	6	-	14	15	32	100
из городских поселений	муж.	52	6	1	-	24	4	13	100
	жен.	54	2	1	-	8	14	21	100
	всего	53	4	1	-	16	9	17	100
Итого	муж.	34	10	8	-	22	6	20	100
	жен.	33	2	3	-	7	20	35	100
	всего	33	6	5	-	14	13	29	100
<u>Выходящие из городов-центров</u>									
в село	муж.	18	16	38	17	6	1	4	100
	жен.	13	8	29	20	3	7	19	100
	всего	16	14	35	18	5	3	9	100
в городские поселения	муж.	47	21	5	13	2	5	7	100
	жен.	43	6	1	4	1	18	27	100
	всего	46	14	3	9	2	11	15	100
Итого	муж.	22	17	33	16	5	2	5	100
	жен.	21	7	22	16	3	10	21	100
	всего	21	14	29	16	4	5	10	100

культурных учреждений. Следует добавить, что занятость в сельском хозяйстве и в непроизводственной сфере характерна для хинтерландов всех изученных городов-центров, зато занятость в рыболовстве связана в основном с окрестностью Таллина, а занятость в промышленности - с пригородными зонами Кохтла-Ярве и Тори.

Встречные потоки город→город сравнительно мало различаются друг от друга по половому составу и занятости маятниковых мигрантов. В обеих группах более половины составляют промышленные работники. Среди мужчин, работающих в городах-центрах, много транспортников, тогда как среди работающих в городских поселениях хинтерланда сравнительно много строителей. Последнее обусловлено тем, что некоторые обслуживающие село строительные организации размещены не в самом районном центре, а в ином городе районного подчинения. Половой состав выходящих из городов-центров мигрантов находится в равновесии; среди входящих в города-центры небольшой перевес на стороне женщин. Последний образуется главным образом за счет узкоспециализированных промышленных спутников, где на месте выбор профессии для женщин слишком односторонний.

В изученный период значительных изменений в структуре занятости маятниковых мигрантов не отмечено. Несколько уменьшилась среди работающих в городах-центрах занятость в промышленности, в первую очередь, в двух самых крупных городах республики - в Таллине и Тарту. В 1974 году в Таллине занятые в промышленности работники составляли 40% из числа всех работающих в городе маятниковых мигрантов (Ehrlich, 1978); в 1982 году - лишь 1/3. В г. Тарту соответствующий показатель уменьшился за 1968-1983 годы с 39 до 28% (Марксоо, 1977). Такая тенденция, с одной стороны, отражает согласованность с общими сдвигами в структуре занятости населения (увеличение доли непроизводственной сферы), с другой, - показывает, что в эти годы особенно обострился дефицит рабочей силы в непроизводственной сфере более крупных городов.

Возрастной состав маятниковых мигрантов различного направления в рассматриваемые годы был в общем стабильным (табл. 2). Можно отметить, что средний возраст маятниковых мигрантов, как правило, несколько ниже, чем занятого населения в целом в соответствующем поселении. Наверное, это объясняется тем, что молодые переносят «транспортную усталость» лучше, чем пожилые люди. При этом выделяется закономерность, что

Таблица 2

Половозрастной состав маятниковых мигрантов (%)

Направление миграции	Пол	Возраст			Из дан- ного контин- гента
		менее 30 лет	от 30 до 49 лет	50 и более лет	
<u>Входящие в города- центры</u>					
из села	муж.	31	49	20	44
	жен.	42	42	16	56
	всего	37	45	18	100
из городских посе- лений	муж.	30	47	23	48
	жен.	33	45	22	52
	всего	32	46	22	100
<u>Выходящие из городов- центров</u>					
в село	муж.	22	53	25	68
	жен.	20	49	31	32
	всего	21	52	27	100
в городские поселе- ния	муж.	27	55	18	50
	жен.	36	45	19	50
	всего	31	50	19	100
<u>Итого все направления</u>					
	муж.	26	51	23	55
	жен.	33	45	22	45
	всего	29	49	22	100

возрастной состав потока село→город наиболее молодой, а встречный ему поток — значительно старше. В первом из них женщины моложе, в другом — старше мужчин. Такое возрастное распределение по полу опять же обусловлено разницей в условиях труда и заработной плате в городе и на селе. Так как для женщин на селе выбор профессий сравнительно узкий, многие молодые женщины сразу после окончания школы поступают на работу в город. Следует иметь в виду, что работать в качестве маятникового мигранта легче всего молодым одиноким женщинам. После вступления в брак многие из них по семейным обстоятельствам отказываются от маятниковых поездок. Более удобные возможности работы в качестве маятникового

Таблица 3

Уровень образования маятниковых мигрантов (%)

Направление миграции	Пол	Образование			Итого
		ниже сред-него	общее сред-нее	специальное среднее, высшее	
<u>Входящие в города-центры</u>					
из села	муж.	59	18	23	100
	жен.	38	31	31	100
	всего	47	25	28	100
из городских по-селений	муж.	46	32	22	100
	жен.	41	32	27	100
	всего	44	32 6	25	100
итого	муж.	56	21	23	100
	жен.	39	31	30	100
	всего	46	27	27	100
<u>Выходящие из горо-дов-центров</u>					
в село	муж.	51	23	26	100
	жен.	42	26	32	100
	всего	48	24	28	100
в городские по-селения	муж.	35	29	36	100
	жен.	27	33	40	100
	всего	31	31	38	100
итого	муж.	49	24	27	100
	жен.	38	28	34	100
	всего	45	26	29	100

мигранта вновь открываются для женщин в предпенсионном или пенсионном возрасте, когда в семье уже нет несовершеннолетних детей. Тогда подобный образ жизни стимулирован и некоторыми специфическими материальными факторами. Последние обстоятельства прежде всего влияют на возрастной состав потока город→село и в том числе и на возраст мужчин. А именно, — в случае овладения некоторыми профессиями заработная плата на селе выше, чем в городе, и к тому же, некоторые из этих

профессий позволяют получить разные материальные льготы (бесплатная квартира, отопление, освещение и т.д.), сохраняющиеся и после ухода на пенсию. Поэтому работе на селе, кроме молодых, предпочтению отдает значительная группа горожан предпенсионного возраста — строители, мелиораторы, врачи, учителя и т.д. Среди последних больше женщин.

В междугородских встречных потоках маятниковых мигрантов возрастной состав в общем сходный (как и половой) и приближается к среднему всего изученного контингента.

По сравнению с вышеизложенными структурными показателями, распределение маятниковых мигрантов по уровню образования в рассматриваемый период изменилось больше всего. В первую очередь выдвигаются два вида изменений. Во-первых, заметно повысилась доля работающих со средним образованием, и это характерно для всех потоков различного направления. Ведь именно в эти годы состоялся переход на всеобщее обязательное среднее образование. Во-вторых, можно отметить тенденцию к уравниванию уровня образования во встречных потоках между крупным городом и селом. Еще десять лет назад была действительно закономерность, что крупные города притягивали из своего сельского хинтерланда главным образом рабочую силу с низким уровнем образования и квалификации. В то же время среди выходящих из этих городов в сельскую местность работников было заметно больше специалистов средней и высшей квалификации. На это обращали внимание многие авторы: М. Курман и И. Лебединский (1968), М. Курман (1973), И. Таборисская (1979), А. Баул (1973), Я. Лукошевичте (1981) и др. В Эстонии эта закономерность обнаружилась особенно ясно в случае Таллина и Тарту (Марксоо, 1969; Марксоо, 1977; Ehrlich, 1978) и других более крупных городов. В настоящее время эта разница заметна лишь в маятниковой миграции г. Тарту, где удельный вес функций образования и науки выше, чем в других городах республики. Одновременно данные по г. Тарту прекрасно иллюстрируют повышение уровня образования маятниковых мигрантов. Так, в 1968 году 66% входящих в Тарту маятниковых мигрантов имели образование ниже среднего, и лишь 17% имели высшее или специальное среднее образование. Среди выходящих из Тарту указанные показатели составляли 60 и 30%. В 1983 году рассматриваемые группы трудящихся составили соответственно 41 и 29% входящих и 33 и 43% выходящих.

Таллин и остальные города республиканского подчинения получают теперь из села рабочую силу примерно с таким же уров-

нем образования, как и дают обратно. При этом среди мужчин, входящих из села в Таллин, доля лиц со специальным средним или высшим образованием в минимальной степени превышает такую же долю во встречном потоке — соответственно 31 и 29%.

Указанная тенденция к уравниванию уровня образования маятниковых мигрантов между городом и селом обусловлена несколькими факторами, отчасти затронутыми уже выше. Несомненное влияние оказывает разница в возрастной структуре — входящие в города-центры моложе, и уровень образования повысился именно среди молодых. Одновременно такое развитие доказывает, что в настоящее время, когда подавляющее большинство трудовых ресурсов сосредоточено в городах, село нуждается в пополнении не только специалистами из города, но также квалифицированными и неквалифицированными рабочими. Наконец, повышению уровня образования входящих в город из села маятниковых мигрантов содействует оживление жилищного строительства в пригородных сельских поселениях. В этих новых жилых домах со всеми удобствами получают квартиры многие семьи сельских специалистов, члены которых отчасти работают в городе. Нередко в эти поселения строят жилые дома для своих работников и предприятия, расположенные в городе. (Вопрос формирования сельских поселений-спутников вокруг городов мы рассмотрели в предыдущей статье данного сборника.)

В целях более объективной оценки влияния трудовой маятниковой миграции на состав занятого населения села и города, следует учитывать и общий уровень их образования. На основании данных переписи 1979 года можно утверждать, что через маятниковое движение село отдает свою более образованную рабочую силу. Уточняем, что лица со специальным средним и высшим образованием составляют в среднем 32% занятых сельских жителей, а с общим средним образованием — 14%. Эти показатели заметно ниже, чем у сельских жителей, работающих в городах-центрах. Причем города-центры дают в село рабочую силу, уровень образования которой несколько ниже, чем среднее занятых горожан. Среди последних лица со специальным средним и высшим образованием составляют 32% и с общим средним — 26%.

Известная разница в уровне образования сохранилась еще между встречными потоками город → город, хотя возрастной состав этих потоков сходный. Входящие мигранты в города-центры имеют более низкий уровень образования, чем выходящие из них. При этом города-центры дают городским поселениям своего

хинтерланда рабочую силу, уровень образования которой превышает среднее по городам-центрам.

ж

Подводя итоги можно констатировать, что трудовые связи в высокой стадии урбанизации между городом и селом, а также между крупным городом-центром и малыми городскими поселениями становятся более двусторонними, не только в количественном, но и в качественном отношении. В высокоурбанизованном обществе город и село взаимно дополняют друг друга рабочей силой, причем село нуждается в получении от города не только специалистов, но и малоквалифицированной рабочей силы и работников средней квалификации. Без этих кадров современная мелиорация, сельское строительство, ремонт сельскохозяйственной техники и т.д. были бы сильно затруднены. Одновременно выясняется, что при объяснении механизма трудовой маятниковой миграции заслуживает особого внимания аспект полового состава этого движения. До сих пор проблема разностороннего применения женской рабочей силы в сельской местности и в малых городах недостаточно решена, и по всей вероятности именно женщины составляли главную долю прироста входящих в города-центры маятниковых потоков в течение последних 15 лет. Следовательно, если считается необходимым регулировать маятниковую миграцию в города-центры, то решение этого должно начинаться с вопроса размещения женских рабочих мест. Указанное мероприятие оказывало бы влияние на безвозвратную миграцию женщин в города, а через это — и на выходящую из городов маятниковую миграцию мужчин. Часть из них была бы согласна жить в пригородной зоне, поближе к месту работы, если женские члены их семей нашли бы также подходящую работу (конечно, и хорошие жилищные условия) в сельской местности.

Литература

- Баул А.Ф. Маятниковая миграция населения в пригородных зонах некоторых городов Латвийской ССР.—в сб.: Районная планировка и градостроительство. Рига, 1973. вып. I, с. 112-123.
- Курман М.В., Лебединский И.В. Население большого социали-

стического города. М., 1968, 197 с.

Курман М.В. Роль маятниковой миграции населения и методы ее изучения. Миграция населения РСФСР. Под. ред. Майкова А.З. М., 1973, с. 103-118.

Лукашевичте Я. Социально-экономическое значение трудовых маятниковых перемещений сельского населения в города Литовской ССР.-В сб.:Маятниковая миграция сельского населения.Народонаселения. М.,1981,выпуск 36,с.70-76.

Марксоо А. Трудовая маятниковая миграция Тарту.- Учен.зап. Тартуского гос. ун-та,1969,вып.237, с. 71-86.

Марксоо А. О месте маятниковой миграции в территориальной подвижности населения.-Учен.зап. Тартуского гос. ун-та,1977, выпуск 432, с. 126-172.

Таборисская И.М. Маятниковая миграция населения (теория, методология, практика). М., 1979, - 176 с.

Ehrlich R. Pendelmigrandid linna majanduses. - Tallinna arengu probleemid. Tln., 1978, lk. 112-131.

The Comparative Characterization of the Socio-Demographic Composition of the Opposite Streams in Labor Commuting

A. Marksoo

S u m m a r y

The present article is essentially a continuation of the previous one. Its aim is to explain: 1) whether and in what respect do the opposite streams of labor commuting differ in their socio-demographic composition; 2) whether considerable changes have taken place in the above-mentioned composition during the last 15 years.

Respective studies have established that the sex and age composition and employment of commuters in different branches of national economy differ most in urban-to-rural and rural-to-urban streams. Commuters to towns are predominantly females (56 %), in the outflow, males prevail (68 %). At the same time, the rural-to-urban commuters, especially females, are considerably younger. Of commuters to town a significant proportion is employed in non-productive spheres (three fifths of females). Among the urban-to-rural com-

muters, however, the majority are employed in the productive spheres, especially in agriculture and fishing (a total of 88 %). During the period under study the sex and age composition and employment of commuters in opposite streams has not changed considerably. Mention should be made of a slight rise in the role of women and a fall in the rate of employment in industry among the rural-to-urban commuters.

The greatest changes over the period under discussion can be observed in the educational level of the commuters: 1) due to the introduction of compulsory secondary education, the role of workers with at least a secondary education has increased in all streams, 2) the level of education of commuters to and from towns has been practically equalized; formerly the larger towns gave to the rural areas far better qualified workers than they received. Consequently the commuting relations between centre-towns and their hinterlands at an advanced stage of urbanization become more mutual, i.e. more equal not only in quantity but also in quality.

ПОТЕНЦИАЛ РАБОЧЕЙ СИЛЫ НА ОБЛАСТНОМ УРОВНЕ

М. Мацка, П. Халупа

Введение

Импульсом для разработки нашей статьи послужила работа, опубликованная в советской печати (Кыре, 1981). Подобной проблематикой (модифицированной специфическими условиями экономики ЧССР, ее территориального деления и исторически развивающейся структуры расселения) мы занимаемся в рамках научно-исследовательской деятельности с 1976 г.

Развитие народного хозяйства Чехословакии непосредственно связано с экономическим развитием областей и оптимальным использованием их природных и экономических ресурсов. Как в общегосударственном, так и в областном масштабах, одной из главных проблем настоящего этапа развития ЧСР и ЧССР является напряженность баланса рабочей силы. Это явление обусловлено кульминацией экономической активности населения. Единственным источником повышения занятости населения остается его естественный прирост. В настоящее время уровень экономической активности женщин и мужчин сравнялся. Наблюдаются последствия процесса старения рабочей силы в целом, обусловленные демографическим развитием, длительной специальной профессиональной подготовкой и возрастающей долей лиц пенсионного возраста. Из рабочего процесса выпадают многочисленные возрастные группы, родившиеся после I мировой войны, и поступают многочисленные группы, возникшие во время популяционного спада 60-ых годов. Нерешенным вопросом на современном этапе научно-технической революции остается репродукция рабочей силы для низкоквалифицированных работ.

В связи с вышеприведенным возникает вопрос, в какой мере правомочно говорить об общей нехватке рабочей силы, или прежде всего о недостатках эффективного использования и неправильного территориального распределения ее. В сущности это — синтез всех факторов (кроме того, в каждой области в разных пропорциях), находящихся под давлением возрастающих потребностей в квалифицированной рабочей силе, особенно в машиностроении, электронике, химической и целлюлозно-бумажной промышленности. Увеличение добычи энергетического сырья вы-

зывает и в этой отрасли повышенную потребность в специализированных работниках.

Указанная проблематика как в смысле областного распределения, так и перераспределения, особенно тяжело отражается на работе плановых органов районов и областей. Причем их усилия выработать районные и областные прогнозы наталкиваются еще и на другое серьезное препятствие. Структурная регионализация нужд и затрат рабочей силы, влияния вербовки и ее планирования должна основываться на исходных материалах административно разграниченных территорий. Хотя другие плановые единицы и существуют, их использование для планирования затруднено. Кроме того, статистическая отчетность профессиональной структуры рабочей силы достигает лишь уровня районов. Ситуацию значительно усложняет еще и то, что многие предприятия подразделяются на несколько заводов, расположенных в разных районах, областях или даже республиках.

Дифференциацией экономически активного населения на группы по основным отраслям национальной экономики Словацкой Социалистической Республики и прогнозом до 2000 г. занимался отдел долгосрочного планирования Словацкой плановой комиссии. Для территории Чешской Социалистической Республики такой работы не проводилось.

Прогноз потенциала рабочей силы как научно-исследовательская задача

Целью научного исследования «Анализ избранных территориальных структур с точки зрения социальноэкономических аспектов», проводимого Институтом географии ЧСАН совместно с университетом Н.Е. Пуркине (кафедра географии педагогического факультета), является также и вопрос о потенциале рабочей силы ЧСР.

Предметом исследований является противоречие между потребностями главных профессий в рабочей силе и возможностями их удовлетворения в рамках конкретных областей. Цель исследования – познание будущих миграций населения и их соответствие с современными и перспективными главными направлениями. С этим связаны и вопросы прогноза будущего развития с учетом будущих тенденций профессиональной ориентировки в рамках разграниченных регионов вербовки, от которых мы ожидаем, в частности, снижения вербовочной конкуренции со всеми вытекающими из нее отрицательными явлениями.

Рабочий регион — основная территориальная единица

Метод, использованный для разграничения рабочих регионов (соответствуют регионам выезда на работу в определенный центр)*, был разработан и опубликован нами в 1964 г. (М. Маска, 1964, 9-10).

В практических условиях образовались (и наши исследования это подтвердили) сравнительно устойчивые и сконцентрированные центры рабочих регионов с хинтерландами, которые при количественном росте в 60-х и начале 70-х годов легли в основу сформировавшейся транспортной сети. Более значительные экономические центры (было исследовано 18 модельных регионов, например, Брно, Градец Кралове, Бланско, Готвальдов) по своим размерам не превышают изохрону оптимальной доступности во времени (45-60 мин.) до центра.

Это подчеркивает возрастающее значение приведенных объективно образовавшихся территориальных единиц как единиц, используемых для практики планирования и прогнозирования. Положительным фактором при их использовании является и то, что исходные материалы для определения потенциала рабочей силы без больших затрат может подготовить и обработать каждый специалист в данной области. Они позволяют разработать прогноз для нужд предприятия, центра или совокупности центров, расположенных на территории района. Прогнозирование баланса рабочей силы на уровне предприятия, рабочего региона, района или города, имеет две стороны. Одна из них — отличное знание ситуации в рабочем регионе, т.е. прогноз, проведенный снизу и, естественно, принимающий во внимание лишь исследуемую территорию. Другой стороной является управляющая и направляющая роль центра — Чешской и Словацкой плановых комиссий, которые обобщенно рассматривают проведенные на местах анализы и принимают решения на надрегиональном уровне, т.е. с точки зрения пространственных потребностей общегосударственной экономики.

На основании анализа существующих исходных материалов и способов их разработки, а также сравнения с полученными данными исследований модельных рабочих регионов, мы выработали методику прогнозирования потенциала рабочей силы и пути ее использования на практике. Методика является результатом теоретических и прикладных исследований, начатых нами

* В практике планирования в ЧССР принят термин «рабочие регионы».

в 1976 г.

Методика разграничения рабочих регионов

Рабочие регионы образуют группы населенных пунктов, в которых из общей совокупности выезжающих на работу относительное или абсолютное большинство едут в определенный центр. Нижняя граница доли относительного выезда может снизиться там, где выезд в большое число центров рассеивается до 10–20% общей совокупности выезжающих из данного населенного пункта.

Разделение населенных пунктов с абсолютным и относительным большинством выезжающих в определенный центр на две главные группы одновременно позволяет разделить хинтерланд, в соответствии с интенсивностью отношений, на две группы.

Первая группа, образованная населенными пунктами с абсолютным перевесом выезжающих, считается территорией, имеющей весьма интенсивные отношения с центром. Эта группа очень большая, поэтому для детального изучения целесообразнее выделить еще и населенные пункты, имеющие больше чем $2/3$ и $3/4$ выезжающих в центр.

Вторую группу образуют населенные пункты с относительным превосходством выезжающих в центр. Населенные пункты, выезд в центр из которых колеблется между $1/3$ – $1/2$ выезжающих, считаются имеющими все еще сравнительно интенсивные связи с центрами. Ниже этой границы связи с центром ослабевают, а при нижней границе уже не имеется существенного различия между населенными пунктами, которые еще относятся к региону выезда, и населенными пунктами пограничных (переходных) зон или индифферентных областей.

В наших условиях очень часто наблюдается значительное рассеивание выезда в большое число центров (за исключением близкой окрестности центров), вследствие чего часто встречаются переходные зоны. Для возможности исследования развития этих зон вторая группа ограничена пределами 25–50% выезжающих в два центра.

Разграниченные рабочие регионы по существу не зависят от иерархической роли центра. Выбранные критерии позволяют выделить как регион большого города, так и центр с 1000 или меньшим числом выезжающих. Рабочие регионы различаются своим масштабом (в больших городах они самые крупные по площади), а частично и интенсивностью движения. В окрестностях больших городов и в небольших старых центрах выезд на рабо-

ту из ближайших населенных пунктов направлен почти исключительно в эти центры. Этот факт не является типичным для областей, где сосредоточены промышленные агломерации (Остравская область, Северочешский бурогольный бассейн и др.). Однако это означает, что выделяемые в ближайших окрестностях больших центров регионы преимущественно или полностью перекрывают малые сферы влияния небольших центров.

В слабо развитых областях, во всех небольших центрах одной ступени, как правило, развиты собственные рабочие регионы.

На карте 1:750 000 (М. Маска, 1967) это проявляется в наличии категории «центров без рабочего региона». Эта категория встречается редко и только среди центров с числом выезжающих менее 5 тыс. (в ЧСР — лишь 2 случая, в ССР — ни одного). Хинтерланд небольших центров в большинстве случаев можно определить косвенным способом. В картографическом виде (в оригинале) разработано также «Развитие регионов выезда на работу в ЧСР в 1961–1970 гг., 1:500 000 (Институт картографии ЧСАН, Брно, 1980).

При выборе методики разграничения регионов мы приняли (для ЧСР и всей ЧССР) во внимание следующие обстоятельства. Выезд на работу является концентрационным явлением в отношении хинтерланда. Выезд тем больше, чем больше мы приближаемся к центру. Сеть населенных пунктов сложилась исторически, так же как и размещение промышленности, и их пространственное выравнивание принесла лишь социалистическая индустриализация. Оптимизированные рабочие регионы не являются регулярными концентрическими, а, наоборот, в большинстве случаев для них характерен большой эксцентриситет.

Разграниченные нами рабочие регионы включают лишь такие территории, из которых выезжает в центр 50% и более населения (I ступень интенсивности), или 25–50% выезжающих из определенного населенного пункта (II ступень интенсивности).

Составление баланса потенциала рабочей силы

Каждый работник плановых органов районного или областного масштаба может с помощью данных переписи 1960, 1970 и 1980 гг. (которые разработаны для каждого поселения) составить баланс и разработать приблизительный прогноз развития данной территории до 2000 г. Приблизительный потому, что необходимо принимать во внимание и миграцию и общегосударственные потребности, которые, как мы уже указывали, являются

делом центра, и местные прогнозы должны им подчиняться.

Предлагаемую нами методику необходимо использовать преимущественно там, где еще не выяснено, какое развитие определенного центра и его хинтерланда можно предполагать. Это и является основной предпосылкой серьезной и обоснованной конфронтации как местных, так и центральных намерений.

Предлагаемая методика позволяет работникам районных органов проверить существующие прогнозы, основанные на районных балансах.

Схема и метод составления баланса потенциала рабочей силы

Для большей наглядности обработки приводим схему и описание методики:

- а) микро- и мезоуровень (для нужд предприятия, рабочего региона) и
- б) макроуровень (ЧССР, ЧСР или область).

Уровни имеют одинаковый метод разработки, потому что высшую единицу можно подсчитать как сумму низших единиц.

Пояснение:

Потребность в рабочей силе (А)

На первом этапе разрабатывается оценка территориального и профессионального состава экономически активных жителей (работников) с учетом возрастной структуры, текучести,saldo миграции и смертности среди возрастных групп. В комплекс факторов необходимо включить и предполагаемое влияние научно-технической революции и целевых производственных программ формирования профессиональной структуры. Мы исходили также из того, что в современной сложной ситуации национальной экономики произойдет усиление перспективности плана числа работников, и ориентировочно будет определено и число работников на VIII пятилетку. Следует учитывать также влияние комплекса мероприятий по обеспечению соответствия репродукции основных средств производства и рабочей силы и замену последней техникой. Применяемый коэффициент практически должен понижать соотношение "число работников - рабочих мест".

Источники рабочей силы (В)

Основной источник рабочей силы - возрастная группа 0-15 или 0-18 лет, формирующаяся в результате миграции, смертности, существующих резервов рабочей силы среди экономически неактивных лиц и плановыми цифрами профессиональной ориентировки в условиях данного региона. Между ними, влиянием

научно-технической революции и производственными целевыми программами имеется обратная связь. На них оказывает влияние планирование жилищного и капитального строительства.

Составление баланса. Использование

На основании расчета соотношений ($A = B$, $A > B$, $A < B$) определяются существующие и перспективные возможности покрытия потребностей в рабочей силе из собственных источников региона – экономического тяготения центра. По этим расчетам (сравнительно точно можно дать прогноз на 15 лет, поскольку лица настоящей возрастной категории 0–I год будут включаться в рабочий процесс и выбирать профессию приблизительно в 1995 г., когда будут уходить на пенсию мужчины, достигшие в настоящее время возраста 45 лет, и женщины – возраста 42 года) можно составить прогноз необходимо вытекающих из этого миграционных движений, развития выезда на работу, и получить ориентировочный обзор о том, насколько реальны плановые цифры и вербовочные регионы.

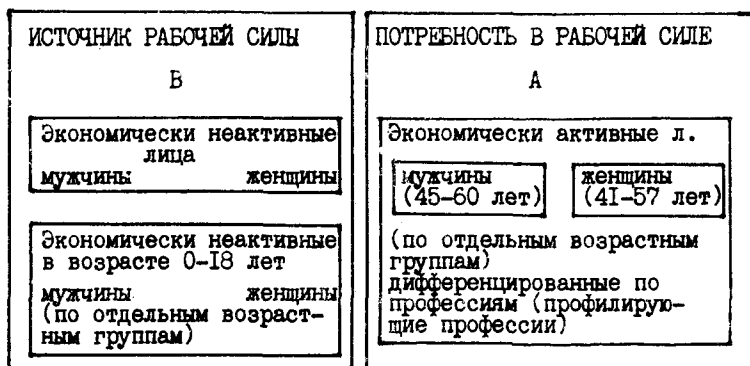
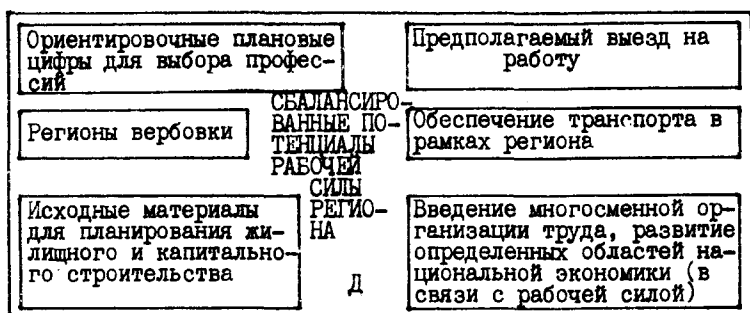
Заключение

Предполагаемые результаты государственного плана теоретических исследований № II-7-I/03 и методика прогноза пространственного развития рабочей силы в областях относятся к задачам, реализация которых в значительной степени зависит от преодоления многофункциональных барьеров, созданных сложившимся ходом планирования и определенной административной инерцией. При составлении прогнозов потенциала рабочей силы незаменимая роль отводится определенным рабочим местам и принципиальным решениям планового центра. (С точки зрения методологии можно говорить о форме моделирования.)

Объективно существующая реальность перераспределена на упрощенную систему существенных и доминантных признаков именно с точки зрения цели, для которой модель предназначена. Роль субъекта при конструкции такой модели значительна. При использовании методики на практике именно плановые органы играют роль прогрессивного субъекта и на основании опыта, эрудиции и более совершенного восприятия реальности уточняют входные данные, проводят их оценку или дополняют другими данными, необходимыми для отражения реальности. Знание проблематики рабочих регионов, сформированных различиями в использовании природных и прежде всего социально-экономических условий и их специализации, позволяет изменять основные параметры входных данных и, с помощью метода

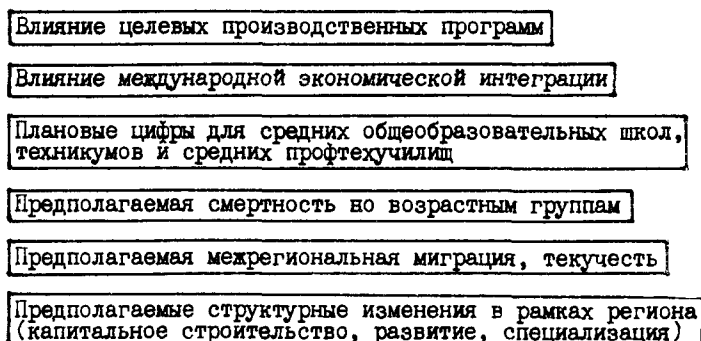
СХЕМА

Рабочий регион (регион выезда на работу)

ФАКТОРЫ

С

имитации, составлять прогнозы возможной тенденции развития и изменения объекта. Для конечного прогноза любого центра решающим является перераспределение центром источников из общего баланса ЧСР.

Предполагаемое пространственное определение источников и потребностей в рабочей силе включает три уровня:

- центральный (макро-),
- региональный (мезо-) и
- местный (микро-).

Все три указанных уровня составляют в сущности одно организационное целое. Высший уровень образуется как следствие суммирования низших по порядку единиц и сведением отдельных подсистем в единую систему планирования, связанную общей целью оптимального удовлетворения общественных потребностей.

В соответствии с целью - ускорить процесс "наука - исследование - использование - практика" предполагаем, что многосторонняя проверка работниками плановых отделов национальных комитетов результатов наших исследований вызовет к жизни и другие предложения по углублению предлагаемой нами методики, а также ускорению и уточнению разработки региональных прогнозов. (До сих пор методика составления прогнозов потенциала рабочей силы была успешно практически проверена в 17 рабочих регионах в пределах Южноморавской области.)

Литература

- Кыре Д.Х. Территориальное планирование регионального использования трудовых ресурсов. - В кн.: Региональные проблемы развития социально-экономических пространственных систем. Тарту, 1981, с. 129-139. (Учен. зап. Тартуский гос. ун-т, вып. 578.)
- Мачка М. K některým metodickým problémům studia dojíždění do zaměstnání.-In: Zprávy o vědecké činnosti. GÚ ČSAV v Brně 1964:3:129, Opava.
- Мачка М. Regions of Commuting of Centres with more than 1000 on commuters in Czech Lands. Map 1 : 750000. Publ. GÚ ČSAV, Brno, 1967.

The Man-Power Potential of an Employment Region
M. Macka, P. Chalupa

S u m m a r y

The low birth-rates and aging of population have created the scarcity of man-power, especially of unskilled one in Czechoslovakia. It is important in these conditions to prognosticate the supply and demand of man-power of different professions on state and also employment regions level. The 18 employment regions are defined in Czechia around greater employment centres. The methods of delimiting and zoning employment regions on the ground of commuting data are described. Also the methods to predict the supply and demand side of the regional man-power balance are reviewed.

**ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБРАЗА ЖИЗНИ
В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ И ФИНЛЯНДИИ:
ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ**

Т. Райтвийр

Во всем мире (и в социалистических, и капиталистических странах) за последние 10-15 лет заметна тенденция повышения интереса к социальным проблемам и особенно к проблемам образа жизни. Также в Финляндии пристальное внимание уделяется проблемам образа жизни, а также благосостоянию и качеству жизни, социальной экологии и региональному развитию (Аллардт, Хусу, 1981).

При знакомстве с литературными источниками по рассматриваемой теме бросается в глаза пестрота подходов и решений. В то же время встречаются и общие черты. Как охарактеризовать состояние эмпирического исследования образа жизни в Советском Союзе по сравнению с какой-либо другой страной? Как охарактеризовать географическое направление эмпирического исследования образа жизни? Причастность к изучению образа жизни, а также социальной проблематики вообще — вопрос, который крайне важен для географии. В практическом плане этот вопрос стоит очень остро: участвовать в изучении актуальных проблем социальной действительности или нет, надеяться на то, что территориально-социальные проблемы будут решены другими науками без участия географии? Включиться в изучение социальной проблематики географам мешает и то, что представители других наук просто не понимают, что современная география изучает среду обитания человеческого общества и ее компоненты как природного, так и общественного генезиса (Агафонов и др., 1983, с. 67). В силу внутренней инертности географической науки и недооценивания нашей науки со стороны других наук «все сильнее и сильнее ощущается недостаточность географических исследований при решении крупных проблем в планировании и управлении народным хозяйством» (там же).

Но если положение изменится и географы в большей мере, чем ранее начнут участвовать в эмпирических исследованиях образа жизни, то перед ними возникнет необходимость в разъяснении, что представляют собой те или иные социальные явления и процессы и как их изучать. Пока это затруднительно,

так как обзора о тенденциях и проблемах эмпирического изучения образа жизни нет ни в советской географической литературе, ни в источниках других наук.

Исходя из вышеизложенного, можно сформулировать задачи настоящей статьи.

1. Обобщить тенденции и проблемы эмпирического исследования образа жизни в СССР, пытаясь одновременно выявить:
 - место и роль географического направления исследования образа жизни;
 - роль эмпирических исследований образа жизни и причина их малого распространения;
2. Выявить проблемы, стоящие перед географией образа жизни.
3. Выяснить разницу и сходство в эмпирических исследованиях образа жизни в СССР и Финляндии.

Последняя задача требует объяснения, почему партнером сравнения выбрана именно Финляндия. Это объясняется тем, что Финляндия не только наш ближайший сосед на Западе, а для Эстонской ССР еще и близкий «родственник» по языку. Различия в работах по образу жизни в Советском Союзе и Финляндии должны были бы отражать разницу этих сопоставляемых стран: социалистической и капиталистической, крупной и малой. В названных работах имеются и объединяющие черты: как и у нас, в Финляндии весьма часто применяют марксистскую теорию и методологию. Свое влияние сохраняют и американская теория и методология, раньше преобладавшие и, конечно, другие западные течения. В Финляндии возникли и свои собственные теории. Слияние внешних и внутренних факторов привело к созданию в Финляндии такой научной ситуации, которая образует интересный фон для рассмотрения эмпирического исследования образа жизни в Советском Союзе.

У Советского Союза налажены связи с Финляндией в области изучения образа жизни. В 1978 г. в Хельсинки состоялся финско-советский семинар для обсуждения теоретико-методологических вопросов исследования образа жизни (I Finnish-Soviet..., 1980).

1. Географическое направление исследования образа жизни в СССР

В СССР образ жизни изучается в большинстве случаев теоретически и в социологическом или же социолого-философском аспекте, хотя исследования ведутся и в рамках других наук. Так, проводятся экономические или политекономические, соци-

ально-экономические, экологические, эстетические, идеологические, историко-политические, социально-психологические, управленческие, этносоциологические и другие исследования образа жизни. И.Т. Левыкин (1981) трактует образ жизни как междисциплинарный объект, хотя в своей работе он ограничивается рассмотрением четырех отдельных подходов: экономического, социологического, социально-психологического и педагогического. С.Г. Струмилин и Э.Б. Писаренко указывают, что проблемы образа жизни можно считать пограничной сферой общественных наук. Эти проблемы непосредственно связаны с экономикой, демографией, историческими науками, социальной гигиеной, историческим материализмом и научным коммунизмом (1974, с. 37).

Действительно, исследование образа жизни не под силу только одной или нескольким наукам, он является предметом исследования всех социально-гуманитарных наук (Тыхеева, 1979), или - одним из важнейших направлений в советском обществоведении (Общенаучные..., 1982). Основной упор в эмпирическом изучении образа жизни делается на интеграционные науки, возникающие на стыке социологии и, главным образом, общественных, а отчасти и естественных наук. В рамках одной науки (и социология здесь не исключение) можно только описать образ жизни, но не объяснить его. Для более полного комплексного познания сущности образа жизни нужны не только специально-научные (социологический, экономический) подходы, но и общенаучный подход.

Если согласиться с тем, что образ жизни - явление сложное, которое приходится изучать комплексно, то в данном комплексе должно найтись место и географическому направлению.

В советской теоретической и методологической литературе об образе жизни географический аспект пока что рассматривается редко. Типичным является положение, когда экономическое, политическое, нравственное, культурное и некоторые другие направления выделяются как отдельные главы книги, их изучают прямо и специально, но географического направления среди них искать не стоит, для него не нашлось места (см., напр., Социалистический..., 1980). Его можно найти в косвенном, скрытом виде под такими заглавиями, как охрана природы и здоровье людей, облик образа жизни в городе и деревне. Значит, для теоретиков и методологов, исследующих образ жизни (а большинство из них - социологи), простран-

венной (территориальной) проблемы почти не существует. В отечественной географической литературе редко встречаются теоретические и методологические работы, основной темой которых является образ жизни (Кабо, 1947б; Райтвир, 1975, 1979; Лейкина, Покшишевский, 1978; Покшишевский, 1981; Алексеев, 1984; Гачечиладзе, 1983). Территориальные проблемы образа жизни рассматриваются, кроме географов, и представителями других общественных наук (Власова, Позднякова, 1982; Рывкина, 1979, 1983; Трушков, 1982).

Если в Советском Союзе в теоретическо-методологических работах образа жизни географическое направление развито слабо, то в эмпирических работах оно развито хорошо. Эмпирические исследования, где ясно заметно географическое направление или где последнее является преобладающим, можно разделить на два типа: краеведческо-страноведческие и социогеографические.

Краеведческо-страноведческое направление исследования образа жизни имеет самые давние традиции. Путешественники, посещая неизвестные и далекие края и страны, описывали, наряду с другими вопросами, язык, быт, труд, традиции и обычаи, внешний вид людей, их одежду и пищу. Комплексно-краеведческое направление исследования образа жизни 40-х годов представлено статьей Р.М. Кабо (1947а). Он описывает природу, население, хозяйственную жизнь, расселение и образ жизни высокогорных степей Чуйской долины Алтая. Расселение и образ жизни рассматриваются здесь по отдельным степям и колхозам; учитываются такие географические категории, как расстояние, центральность-периферийность и природная зональность.

Современное состояние страноведческого направления исследования образа жизни представляется двумя работами (Лейкина, Покшишевский, 1978; Покшишевский, 1981), в которых на примере Франции дана характеристика демографической структуры населения, степени урбанизации, структуры занятости, обуславливающих социально-профессиональный состав населения и, кроме того, в известной степени, особенности природной среды, подвижности и временных ритмов и других аспектов образа жизни.

Краеведческо-страноведческое направление, имеющее глубокие корни, не потеряло своего значения и в новой ситуации науки. Негеографам только придется еще открыть для себя его достоинства. Особенно ценной является методика краеведческо-страноведческого направления при изучении условий жизни на-

селения.

Социогеографическими называются такие исследования образа жизни, где, как и в социологии, исходят из необходимости рассмотрения всех элементов образа жизни: человека (семьи), условий жизни, поведения и сознания. Если краеведческо-этнографическое направление имеет историю, которая исчисляется веками, то социогеографическое направление также молодо, как молода и наука об образе жизни в современном синтетическом понимании, то есть 10-15 лет.

Социогеографическим можно, например, назвать исследование образа жизни, проведенное в Тартуском университете в 1970-1976 годах. В данной работе изучался образ жизни индивидов и семей Эстонской ССР в целом и по десяти иерархическо-функциональным типам поселений (Райтвийр, 1975, 1979; Raitviir, 1976, 1981). Весьма близкими к данному исследованию (по явно выраженному территориальному направлению) являются исследования, проведенные в Институте экономики и организации промышленного производства СО АН СССР под руководством Т.И. Заславской и Р.В. Рывкиной (см., напр., Методологические..., 1977; Рывкина, 1979; Проблемы..., 1981 и др.). Миграцию и образ жизни, наряду с другими вопросами, по типам поселений Новосибирской области изучают уже с 1967 года. Хорошо направленная выборка представляет Западную Сибирь в целом, но она достаточно полно отражает и тенденции, характерные для сельских районов всей страны (Рывкина, 1979, с. 117). Названные новосибирские работы по существу социальноэкономические, но в них хорошо представлен и географический аспект. Обобщенно их можно назвать даже междисциплинарными, так богат в них спектр аспектов.

Социогеографическое направление явно имеет место и в работах, авторами которых являются представители других специальностей, кроме географов или социологов. Следует отметить исследования архитекторов-градостроителей (Хачатрянц, 1981), в том числе исследователей жилища¹ и др. Более или менее заметные географические разделы имеют и некоторые другие советские эмпирические работы об образе жизни. Самым об-

¹ В данных исследованиях образ жизни семьи - социальная предпосылка проектирования многовариантных жилых ячеек (квартир) (см. Карташова, 1980; Перспективы..., 1981, с. 39-49; Жилая ячейка..., 1982, с. 39-57), причем учитывается, что образ жизни семей и их требования к жилищу в отдельных районах страны существенно различаются (Жилая ячейка..., 1982, с. 181-192).

ширным из них по территориальному охвату и, как можно надеяться, одним из самых совершенных по теоретическим концепциям и методике является первое всесоюзного масштаба исследование образа жизни, по которому, однако, изданы только отдельные теоретические и методические материалы (Состояние..., 1980) и некоторые первичные результаты (Пути..., 1982). Данное исследование проводил ИСИ АН СССР в 1980-1981 гг. Пока можно сказать только то, что данное всесоюзное исследование, вероятно, существенно укрепит географическое направление исследований образа жизни.

Географическое направление социогеографического типа проявляется в исследованиях образа жизни при использовании территориальных выборок. Кажется, что последние применяются все шире.

Итак, изданы как теоретико-методологические, так и эмпирические работы географического направления образа жизни. Значит, географическое направление исследований образа жизни существует. Только признается оно неохотно. Возможно, причиной такого положения является не очень-то высокий престиж географической науки. Бросается в глаза редкое применение эмпириками-негеографами термина "географический", в то же время не отрицая географическую сторону образа жизни. Они предпочитают термины "территориальный" и "территориальский", вместо терминов "географический" и "географы", хотя в общем плане понятия "территориальный", "пространственный" и "географический" являются синонимами.

Наконец, возникает вопрос о специфике географического направления обществоведческого исследования образа жизни. По-видимому, она кроется в географических (территориальных, пространственных) отношениях, имеющих место внутри образа жизни как системы, а также вне его, с окружающей его средой. Другие же науки изучают с во и специфические отношения образа жизни: экономика - экономические, история - исторические и т.д. При помощи географических (территориальных, пространственных) отношений выявляются влияние местоположения, дальности, центральности или периферийности, размера территорий или поселений, соотношения между типами поселения, дисперсности или непрерывности размещения поселений, редкого или тесного заселения и т.п. на формирование и развитие образа жизни и его элементов.

В рамках географии географическое направление обществоведческого исследования образа жизни образует географию об-

раза жизни. Это — «объектная» наука. Если подразделить географию образа жизни между «отраслевыми» науками, то географические отношения образа жизни изучаются не только социогеографией (социологическая география), но и экономической географией, географией населения, психологической географией и др.

В последнее время все чаще пишут и говорят о необходимости формирования региональной социологии (см., напр., Рывкина, 1983). Данная наука занималась бы и территориальными проблемами образа жизни. Представители географов предлагают в качестве выполнения тех же функций, как уже отмечено выше, социогеографию (Райтвийр, 1975, 1979). Хотя название новой социологическо-географической отрасли науки не так уж важно, все же в целях ясности необходимо иметь один термин, чтобы отметить одно понятие. Социогеография может совпадать полностью с региональной социологией. Но последняя может функционировать при некоторых условиях и самостоятельно. Тема о возникновении социогеографии и/или региональной социологии требует в будущем специального рассмотрения.

2. Советские и финские эмпирические исследования образа жизни

Проблема состоит в том, что в отечественной литературе доля эмпирических работ образа жизни скромна, преобладают теоретическо-методологические работы. В то же время в Финляндии доля эмпирических работ весьма значительная и находится в равновесии с долей теоретических и методологических исследований. Одними из первых советских эмпирических работ по образу жизни являются монография Л.А. Гордона и Э.В. Клопова (1972). Труды новосибирских ученых под руководством Т.И. Заславской и Р.В. Рывкиной (см., напр., Рывкина, 1979; Проблемы..., 1981 и др.) позволяют динамически обследовать и прогнозировать сельский образ жизни. Можно отметить и ряд работ эстонских исследователей (Райтвийр, 1975; Raitviir, 1981; Must, Must, 1981 и др.), белорусских, ленинградских и московских архитекторов-градостроителей и еще некоторые другие исследования. Однако общего равновесия сил данный перечень не меняет. Финские эмпирические исследования образа жизни, которых относительно много, можно условно подразделить на три группы. В первую группу входит крупный проект

„Изучения изменения образа жизни“ Финской Академии (Elämäntavan muutoksen tutkimusprojekti, Suomen Akatemia), в котором дается итоговый отчет Roos и др., 1981), где приведены оглавления и обзоры трех исследований, входящих в данную общую работу: 1) М. Ярвела-Хартикайнен и П. Ахпонен - об образе жизни переселенцев из села в город (M. Järvelä-Hartikainen, P. Ahponen "Maalta kaupunkiin - pientilalta tehtaaseen"); 2) М. Корттейнен - об изменении образов жизни¹ и близости проживания в крупном городе и на селе (M. Kortteinen "Asumälähiö ja elämäntarpeiden muutos"); 3) Б. Роос - об образе жизни финской верхушки общества шведского происхождения в течение трех поколений (B. Roos "Fallstudier i den finlandssvenska överklassens levnadssätt i tre generationer").

В данный крупный исследовательский проект входит также ряд теоретических работ (Roos, Roos, 1977; Roos, 1977).

Изменение образа жизни изучается и во второй группе работ, которая представляет сравнительное изучение стилей жизни (в нашем понимании образа жизни) и их исторического развития в Финляндии и Польше (Naganne, Siciński, 1978).

В третью группу входят все остальные имеющиеся работы, изучающие образ жизни рабочих двух заводов Тампере (Kasvio, 1982); адаптацию выходцев из затопленных гидроэлектростанциями местностей (Luostarinen, 1982); образ жизни и культурной активности финской семьи (Eskola et al., 1978), разные финские типологии образа жизни (Roos, 1981; Roos, 1981), условия жизни сельского населения (Menetelmä..., 1974; Paasivirta, 1974) и, наконец, изучение образа жизни одного села (Suolinna, Sinikara, 1979).

Малочисленность печатных эмпирических исследований образа жизни в СССР не может быть объяснена молодостью проблематики образа жизни, как это предполагает И.В. Рывкина (1983, с. 33). Ведь обследование образа жизни началось в обеих странах почти одновременно, в начале 70-х годов. В то же время следует признать, что эмпирические социологические исследования вообще в СССР моложе, чем в Финляндии, и это могло оказать влияние на исследования образа жизни в нашей стране. Различаются, вероятно, и принципы опубликования ма-

¹ В зарубежной литературе часто говорят об образе жизни не в единственном, а во множественном числе, по-видимому, имея в виду существование разных типов образа жизни.

² В данную группу входит косвенно и исследование типов потребителей по пяти типам поселений (Suomalaisten...).

териалов эмпирических исследований.

Так или иначе, но в СССР эмпирических работ по образу жизни, учитывая крупные размеры страны и разнообразие структуры населения, относительно мало, а в Финляндии, как в малой стране, относительно много. В Финляндии проблемой может оказаться не число работ, а их структура. Так, например, нам неизвестно там ни одного общегосударственного исследования образа жизни на основе данных опроса людей. В то же время такое исследование проведено в ЭССР (Лауристин и др., 1975; Райтвийр, 1975 и др.), а недавно, как уже было отмечено, и по всему Советскому Союзу. Одно общегосударственное исследование образа жизни в Финляндии все же имеется, но оно составлено на основе данных статистики на уровне государства (Naranne, Sieiński, 1978). Неизвестно, почему в Финляндии не проведен общегосударственный опрос людей с различием групп, в том числе территориальных общностей. Ведь организовать подобное исследование и интерпретировать полученные данные в такой малой стране как Финляндия гораздо легче, чем в крупной стране наподобие Советского Союза. Определенное влияние на названные исследования оказывает различие общественного строя. В СССР изучение образа жизни связывается с дальнейшим совершенствованием системы общественного (социального) управления (Научно-техническая..., 1975; Левыкин и др., 1980, с. 7; Струмилин, Писаренко, 1974 и др.), он является критерием общественного прогресса (Рекуннов, 1980, с. 58). Такое понимание логично, поскольку в социалистических странах хорошо осознают конструктивную роль науки. В Финляндии, как в капиталистической стране, дело обстоит далеко не так. Целый комплекс работ, и именно те, которые входят в проект «Изучение изменения образа жизни», научным руководителем которых является коммунист Дж.П. Роос, направлен только на «анализ существующего образа жизни, прослеживание происходящих изменений» (Roos и др., 1981, с. 10), а не на усовершенствование или прогнозирование его. Описательный, а не проектирующий подход названными исследователями выбран из-за глубокой убежденности, что усовершенствовать образ жизни в капиталистическом мире нет смысла, поскольку положительных альтернатив капитализм все равно предложить не может. Нормативное, конструктивное направление исследований в Финляндии все же существует. Оно представлено исследованиями образа жизни географического плана. Последние имеют особенно явный практический уклон (Luostari-

nen, 1982; Menetelmä..., 1974; Paasivirta, 1974); только в одной работе — «Сравнительный анализ стиля жизни Финляндии и Польши» (Naranne, Siciński, 1978) стремление к конструктивным выводам менее заметно¹.

Свои проблемы имеются не только в капиталистической, но и социалистической науке. Остановимся на одной из них — на конструктивности советских эмпирических работ образа жизни, их направленности на изменение и усовершенствование нынешнего образа жизни. Несмотря на то, что в теоретических и методологических работах указывают на большое значение образа жизни с точки зрения усовершенствования общества, описательный характер эмпирических исследований продолжает быть серьезной проблемой образа жизни. Такие исследования малопрактичны. В советских эмпирических исследованиях образа жизни ясно выражено только одно прикладное направление — проектирование жилых ячеек (квартир) в городе. Повторных исследований (они дают возможность прогнозирования образа жизни) очень мало (Рывкина, 1983). Географических эмпирических работ образа жизни прикладного характера, как само собой разумеется, чрезвычайно мало, а результаты тех, которые имеются, почти не применяют. Создается парадоксальное положение: в Советском Союзе, где в теоретическо-методологических работах конструктивная роль образа жизни весьма хорошо осознана (см. еще /Социальные..., 1980, с. II2-II4; Viha-lehti, 1981, с. 16/), почти нигде не пишут об опыте получения конструктивных результатов эмпирических исследований образа жизни и о применении последних для усовершенствования образа жизни самого или с помощью последнего — разных сфер общественной жизни. Разумеется, практическое применение результатов является проблемой не только в связи с исследованиями образа жизни, но и с другими социальными эмпирическими исследованиями.

В чем причина малой практичности имеющихся эмпирических

¹ По поводу названных географических работ у социологов может возникнуть вопрос, являются ли они вообще исследованиями образа жизни. Ведь их авторы в действительности сами этого не утверждают, и объектом для них является образ жизни не в смысле поведения людей, а в смысле внешних обстоятельств и условий. Но такие же явления изучались и советскими учеными, которые считают объектом своего изучения образ жизни (Кабо, 1947а; Лейкина, Покшишевский, 1978; Покшишевский, 1981). Поэтому названные работы финских авторов можно считать исследованиями образа жизни в той же мере, как и подобные исследования советских авторов.

работ образа жизни, а также малочисленности исследований подобного рода вообще? Кроется ли она в том, что отсутствует «социальный заказ» или же в том, что наука просто не осознает названного заказа? Начиная с конца, признаем, что состояние отдельных наук может быть разным. Некоторые науки более замкнуты и консервативны и поэтому инновационная готовность у них низкая, они неохотно реагируют на новые темы, выдвинутые практикой. Далее, хотя руководители промышленных и сельскохозяйственных предприятий, а также территориальных административных единиц и понимают полезность рассмотренных исследований, все же они не знают всех возможностей применения их результатов. И, наконец, конкретный «социальный заказ» может действительно отсутствовать. В последнем случае это свидетельствует о недооценке социального механизма развития экономики (понятие новосибирских авторов).

Сегодня социальный механизм развития экономики зачастую действует в обратном направлении: пусть все остается по-старому! Насущная необходимость перестройки системы государственного управления экономикой теоретически давно осознается нашей партией, она отражена во многих решениях последних лет, в частности, в постановлениях XXIV, XXV и XXVI съездов КПСС, июльского (1979 г.), ноябрьского (1980), майского (1982 г.), июньского (1983 г.) Пленумов ЦК КПСС. Управление экономикой в настоящее время происходит, главным образом, через посредство управления социальной сферой. Актуальность социальных эмпирических исследований в свете вышесказанного — бесспорна. Однако только одного понимания необходимости и наличия желания — недостаточно. Это борьба за интенсивный путь производства, который требует применения социального механизма развития. Но рассмотренный механизм реализуется через социально-экономическое поведение групп, через сознание людей, находящихся под влиянием общих и местных условий, а это значит — через образ жизни всех людей, всех групп и каждого индивида. Отсюда вывод: если руководить экономической сферой по-прежнему, то применение идей социального развития, в том числе результатов исследования образа жизни, не является особенно необходимым. Если же рассмотреть материалы последних съездов КПСС и пленумов ЦК КПСС, то там отмечено, что по-старому руководить нельзя, и применение социального механизма обязательно. В первом случае эмпирико-прикладные социальные и территориальные ис-

следования — личное дело некоторых ученых и их групп, во втором — широкой общественности и государственных органов управления. Только во втором случае будет гарантирован «социальный заказ» на эмпирико-прикладные исследования образа жизни, в том числе в территориальном разрезе с учетом будущего.

Остановимся, наконец, на явлении, которое свидетельствует, что «социальный заказ» к изучению образа жизни существует не только в сознании членов высших партийных и руководящих органов Советского Союза, но и в сознании широкой общественности: рассмотрением образа жизни, особенно его острых и жизненно важных проблем, начали заниматься самые чуткие члены общества — представители искусств. В произведениях художественной литературы, в фильмах и спектаклях весьма болезненно осознаются проблемы, до которых отечественная наука еще не дошла.

Хотя искусство не заменит науку (у них разные функции), совпадение объекта их интересов многозначительно.

В упомянутой выше работе М. Луостаринена (Luostarinen, 1982) изучается проблема собственной пространственной идентификации, соответствие собственных и общественных интересов и влияние среды на человека. Цель этой работы — указать пути повышения удовлетворенности своим образом жизни переселенных с территорий будущих ГЭС и водохранилищ. Названные выше проблемы остро стоят и в Советском Союзе, особенно в северных и восточных районах освоения, и вероятно, охватывают в сотни раз больше людей, чем в Финляндии. Точно эти же проблемы, имеющие место в Сибири, отражаются в романе «Прощание с Матёрой» В. Распутина и фильме «Прощание», сценарий которого поставлена Л. Шепитко по названному роману. Между прочим, скоро, видимо, можно будет говорить о новом направлении художественной литературы (и на основе этого — театральных постановок и кинофильмов) — направлении образа жизни. Типичным произведением художественной литературы изучения образа жизни является, например, роман эстонского писателя М. Унта «Осенний бал». Он переведен на русский, финский и некоторые другие языки.

Итак, в нашей стране для эмпирико-прикладных исследований образа жизни в качестве предпосылки имеется общий «социальный заказ», но дело не меняется к лучшему, пока этот заказ конкретизируют. И если уже крепнет конкретный заказ к прикладным исследованиям, то образ жизни непременно рассмат-

ривается во времени (усиливается временное направление исследования) и в пространстве (усиливается географическое направление исследования).

Выводы

1. В Советском Союзе доля эмпирических работ образа жизни по сравнению с теоретическо-методологическими аналогичными работами мала. В Финляндии же названные направления лучше уравновешены.

2. Нам не известно ни одного общефинляндского эмпирического исследования образа жизни в территориальном разрезе и на основе данных опроса людей. В то же время такие исследования проведены в Эстонской ССР и по всему Советскому Союзу.

3. Географическое направление эмпирического исследования образа жизни хорошо заметно и в Советском Союзе, и в Финляндии. В Советском Союзе оно охватывает даже большую долю эмпирических работ данного профиля, чем в Финляндии.

4. В Советском Союзе географическое направление исследования образа жизни теоретическо-методологически слабо, но эмпирически - хорошо развито.

5. В советских и финских географических исследованиях образа жизни замечены работы двух типов: краеведческо-этнографические и социогеографические.

6. Причиной малоразвитости эмпирического аспекта исследования образа жизни и их слабой конструктивности в Советском Союзе является отсутствие конкретного «социального заказа» со стороны руководящих органов, что свидетельствует о недостаточном осознании социальных механизмов развития экономики.

7. Географическое направление является составной частью единого обществоведческого изучения образа жизни. В рамках географической науки названное направление образует географию образа жизни. Если подразделить географию образа жизни между «отраслевыми науками» общественной географии, то она входит, главным образом, в социогеографию, но отчасти и в географию населения, экономическую географию и т.д. География образа жизни изучает географические (территориальные, пространственные) отношения внутри и вне образа жизни как системы.

8. Между теоретико-методологическими и эмпирико-прикладными областями исследования образа жизни в СССР имеется определенный разрыв. Теоретики и методологи негеографического профиля до сих пор не признают существования географического направления исследования образа жизни, которое, однако, представлено весьма значительным количеством эмпирико-прикладных работ.

Литература

- Агафонов Н., Анучин В., Лавров С. Новейшие задачи советской географии. Коммунист, 1983, № 5, 65-75.
- Алексеев А.И. Жизнь населения как предмет социальной географии. - В сб.: Теоретические аспекты географии. Вопр. геогр. М.,: Мысль, 1984. вып. 123.
- Аллардт Э., Хусу Л. Становление социологической науки в Финляндии. - Социологические исследования, 1981, № 4, 177-185.
- Власова А.Н., Позднякова М.Е. Региональные особенности идеологических аспектов образа жизни. - В сб.: Проблема сравнительных социологических исследований: Тезисы Всесоюзного симпозиума. Разд. III. М., 1982, 62-63.
- Гачечиладзе Р.Г. О географическом подходе к концепции образа жизни. - В сб.: Теоретические проблемы географии (система географических концепций): Тезисы докладов IV Всесоюзной конференции в Черновцах. Л., 1982, 132-133.
- Гордон Л.А., Клопов Э.В. Человек после работы. Социальные проблемы быта и внерабочего времени. - М.: Наука, 1972, -368 с.
- Жилая ячейка в будущем (Б.Р. Рубаненко, К.К. Карташова, Д.Г. Тонский и др.). - М.: Стройиздат, 1982, -198 с.
- Кабо Р.М. Высокогорные степи Чуйской долины Алтая (природа и население). - Вопр. геогр., ОПГЗ, 1947а, сб. 5, 67-125.
- Кабо Р.М. Природа и человек в их взаимных отношениях как предмет социально-культурной географии. - Вопр. геогр., М., ОПГЗ, 1947б, сб. 5, 5-32.
- Карташова К.К. Социальные предпосылки многовариантности жилых ячеек (квартир). - В кн.: Проблемы типологии и архитектуры современного жилища. М.: ЦНИИЭП жилища, 1980, 23-33.

- Лауристин М., Круусвалл Ю., Райтвийр Т. Региональное социологическое исследование образа жизни (опыт социологов Тартуского университета). — В сб.: Планирование социального развития городов. М., 1975, вып. 2, 154—175.
- Левыкин И.Т. Образ жизни как объект междисциплинарного изучения. — Социологические исследования, 1981, № 1, 57 — 63.
- Левыкин И.Т., Дридзе Т.М., Орлова Э.А., Рейзема Я.В. Вопросы конкретного социологического исследования основных тенденций развития образа жизни в социалистическом обществе (Концепция, понятийный аппарат и методы исследования). — В кн.: Состояние и основные тенденции развития советского образа жизни. М.: ИСИ, ССА, 1980, 6—129.
- Лейкина К.С., Покшишевский В.В. География образа жизни как особое направление экономико-географического страноведения. — Изв. АН СССР. Сер. геогр., 1978, № 2, 136—150.
- Методологические проблемы системного изучения деревни. / Отв. ред. Заславская Т.И., Рывкина Р.В. — Новосибирск: Наука, 1977, — 271 с.
- Научно-техническая революция: личность, деятельность, коллектив (Социально-психологический аспект). — Киев: Наукова думка, 1975. — 334 с.
- Общенаучные понятия и материалистическая диалектика. Межвуз. сб. / Под. ред. Грушина Д.А. — Л.: ЛГУ, 1982.
- Перспективы развития жилища в СССР. 2-ое изд., перераб. и дополн. — М.: Стройиздат, 1981. — 180 с.
- Покшишевский В.В. Образ страны и образ жизни. — Страноведение: состояние и задачи. Вopr. геогр., сб. II6. М.: Мысль, 1981, 50—59.
- Проблемы социально-экономического развития Западносибирской деревни. — Новосибирск: Наука, 1981. — 289 с.
- Путь совершенствования социалистического образа жизни (материал регионального исследования). — М.: ИСИ, 1982. — 160 с.
- Райтвийр Т.В. Социогеографическое исследование образа жизни и его элементов (на примере Эстонской ССР). Автореф. дис. канд. геогр. наук. Тарту, 1975. — 37 с.
- Райтвийр Т.В. Социогеографическое исследование образа жизни и его элементов (на примере Эстонской ССР). Таллин: ТПИ, 1979. — 100 с.

- Рекунов Ф.Н. О методологических аспектах исследования образа жизни. - В кн.: Проблемы познания социальных явлений. Свердловск, 1980, 47-61.
- Роос Дж.П. Типология образа жизни. - Социологические исследования, 1981, № 4, 185-190.
- Рывкина Р.В. Образ жизни сельского населения (методология, методика и результаты изучения социально-экономических аспектов жизнедеятельности). Новосибирск: Наука, 1979, - 352 с.
- Рывкина И.В. Методологические вопросы регионального прогнозирования образа жизни. - Достижения и перспективы. М., 1983, вып. 31. Региональные системы, № 2, 30-34.
- Состояние и основные тенденции развития советского образа жизни. Вопросы методологии и методов исследования. Сб. научн. трудов. М.: ИСИ, ССА, 1980, 197 с.
- Социалистический образ жизни. М.: Политиздат, 1980, 319 с.
- Социальные показатели образа жизни советского общества. Методологические проблемы. /Отв. ред. Бестужев-Лада И.В. М.: Наука, 1980. - 216 с.
- Струмилин С.Г., Писаренко Э.Е. Социалистический образ жизни: методология исследования. - Вopr. филос., 1974, № 2, 27-38.
- Трушков В.В. Социалистический образ жизни: региональный аспект. - В сб.: Социалистический образ жизни: проблемы Сибири. Тезисы к Всесоюзн. конф. М., 1982, вып. I, 4-8.
- Тыхеева Ю.Ц. Методологические проблемы исследования образа жизни. - В кн.: Диалектика социального познания. - М.: МГУ, 1979, 67-73.
- Хачатрянц К.К. Жилище и образ жизни: перспективные проблемы. - В кн.: Строительство и архитектура Белоруссии. 1981, № 4, 12-14.
- I Finnish-Soviet symposium of sociology. Helsinki. 24-25 January, 1978. Publications of the Finnish-Soviet Committee on Scientific-Technological Cooperation, 1980, No. 6.
- Eskola K., Kortteinen M., Roos J.P. The way of life and cultural activities in the Finnish family. The Finnish pilot report on the project "Directions and tendencies of cultural development in modern society, and integration of national cultures". 1978. 107 p.

- Haranne M., Siciński A. Changes of life style in Finland and Poland. Research project on "The way of life in social change".-Research Reports, 1978, No. 3, 39 pp.
- Kasvio A. Teollisuus työ ja elämäntapa. Tutkimus kahden suuren teollisuuslaitoksen ammattitaitoisten työntekijöiden työn ja työn ulkopuolisen elämän kehityspiirteistä 1980-luvun suomalaisessa yhteiskunnassa. Tampere, 1982, 655 p.
- Luostarinen M. A social geography of hydro-electric power projects in northern Finland. Personal spatial in the face of environmental changes - In: Acta Univ. Oul.A. No. 130. Geography, 7. Oulu, 1982, 81 p.
- Menetelmä haja-asutusalueiden luokitteluksi elämisen laatu kannalta. Tiivistelmä. Helsinki. Seutusuunnittelun keskusliitto. 1974. 50 p.
- Must A., Must O. Öpilaste elulaad. - Elulaad ja elukeskkond.-Tallinn: Eesti Raamat, 1981, 114-147.
- Paasivirta A. Elämisen laatu ja aluepreferenssit aluepolitiikan kannalta. Valtioneuvoston kanslia, 1974, p. 186.
- Raitviir T. A sociogeographic study of mode of life and its elements: case of the Estonian SSR. - XIII International Geographical Congress. Regional Geography. Section 8. Moscow, 1976, 49-52.
- Raitviir T. Elulaadi tüübid Eesti NSV-s. - Elulaad ja elukeskkond. Tallinn, Eesti Raamat, 1981, 18-41.
- Roos J. Comparative analysis of the way of life. An attempt at a typology.-Research Reports, 1977, No. 1, 32 p.
- Roos J.P. Elämäntapojen tyypeistä elämäkertojen valossa. Sosiologia, 1981, No. 4, p.297-306.
- Roos J.P., Ahponen P., Järvelä-Hartikainen M., Kortteinen M., Roos B. Elämäntavan muutoksen tutkimusprojektin loppuraportti. Kertomus projektin toiminnasta, organisaatiosta, tuloksista ja hyväksikäyttömahdollisuuksista.-Julkaisu, 1981, No. 12, 66 p.
- Roos J.P., Roos B. The way of life in social change. A comparative study. A revised research plan for the years 1977-1980.-Working papers, 1977, No. 1, 66 p.
- Suolinna K., Sinikara K. Talonpoikaisen elämänuoden muuttumine Pohjois-Suomalaisessa kylässä.-Sosiologia, 1979, No. 4, p.296-305.

Suomalaisten elämäntyyli 1981. Tutkimusosasto. Tutkija
L. Lotti. Suomen Gallup Oy.
Vihalemm P. Elulaadi mõistest ja empiirilisest uurimisest.
- Elulaad ja elukeskkond. Tallinn. Eesti Raamat,
1981, lk. 5-17.

Empirical Research into the Way of Life in the
Soviet Union and Finland: Trends and Problems

T. Raitviir

S u m m a r y

A generalization of the research into the way of life carried out in the Soviet Union and Finland shows that in both countries attention began to be focussed on the problems concerning the way of life at the same time (in the early 1970s), and intensive interest in these problems has persevered up to now. In the empirical studies of both countries a geographical trend is evident, in the Soviet Union it is even more noticeable. Despite the high level of the empirical approach in Finland, not a single all-Finland investigation of the way of life (on the level of an individual) is known while in the Estonian SSR and the Soviet Union such research has been carried out.

The geographical approach is a constituent part of comprehensive and systemic research into the way of life. It can be called the geography of the way of life which belongs into the framework of the geographical science. As to the subfields of geography, the geography of the way of life is studied mainly by socio-geography, but also by economic geography and population geography. The geography of the way of life studies internal and external geographical (territorial) relations of the way of life as a system. Though in the Soviet Union the socio-geographical approach to the way of life is clearly noticeable in empirical research, theoretical studies pay very little attention to geographical problems. The geographical approach in Finland as well as in the Soviet Union is characterized by two types of investigation: (i) regional studies and exploration, where the way of life of the society is characterized on the basis of

the way of life of territorial communities, i.e. statistical data on territorial communities; (ii) sociogeographical works where the way of life of the society as well as territorial communities is characterized on the level of an individual, i.e. relying on data obtained from people mainly by questioning.

The small number of empirical investigations and the resulting shortcomings in the Soviet Union are mainly due to the insufficiency of "social orders". Such "social orders" can be found in an abstract form in the documents of the CPSU, however, they are slow in turning into orders of actual decision-makers. The way of life, of an individual has not been treated in the Soviet Union.

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБРАЗА ЖИЗНИ
В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ И ФИНЛЯНДИИ:
ОБЪЕКТЫ, СУБЪЕКТЫ, МЕТОДЫ

Т. Райтвийр

Данная статья является продолжением статьи "Эмпирические исследования образа жизни в Советском Союзе и Финляндии: тенденции и проблемы" (в данном сборнике).

Задача настоящей статьи выявить:

- разницу между объектами, учитывая понятие "образ жизни" его узком и широком понимании;
- субъекты образа жизни; методы исследования его

Выполнение данных задач позволяет судить о разнице и сходстве эмпирического исследования образа жизни в СССР и Финляндии.

I. Объекты образа жизни

По эмпирическим исследованиям можно различить следующие объекты (компоненты) образа жизни, на основе которых образ жизни выделяется: 1) условия жизни (система "человек - окружающая среда"); 2) поведение - образ жизни в узком понимании; 3) условия жизни, поведение и сознание вместе - образ жизни в широком понимании и 4) сознание.

Условия жизни в качестве образа жизни - распространенная эмпирическая модель особенно в географии (Кабо, 1947; Raasivirta, 1974, Menetelmä ..., 1974; Покшишевский, 1981 и др.). В данной модели исходят из представления, что условия жизни страны, поселения или района - самый объективный параметр, который адекватно представляет образ жизни. В то же время в советской теоретическо-социологической литературе условия жизни главным объектом образа жизни не считаются, и существования такой возможности не учитывается.

Сознание в качестве объекта образа жизни, представляет противоположную модель - это субъективная сторона образа жизни. Такое представление в СССР почти не распространено, а в финских исследованиях (Roos, 1981; Roos, 1981) имеет место

Самым распространенным объектом образа жизни является поведение, а вслед за ним - весь комплекс компонентов образа жизни одновременно: условия жизни, поведение и сознание.

Рассмотрим названные две модели более подробно.

«Об образе жизни можно говорить в узком смысле, понимая под ним систему деятельности (трудовой, бытовой, учебной, общественно-политической и др.), так и в широком понимании, как взаимосвязь системы деятельности с системой внешних условий (факторов), от которых она зависит», — пишет Р.В. Рывкина (1979, с. 19). Такого же мнения придерживается и П. Ви-халемм (Vihalemm, 1981, с. 6-9), а также многие другие исследователи. С таким различием можно согласиться.

Образ жизни в узком понимании включает ежедневное поведение людей, систему устойчивых форм жизнедеятельности (Гордон, Клопов, 1972; Грушин, 1977; Лауристин и др., 1975; Райтвийр, 1975, 1979; Ядов, 1978 и др.). Записел данного подхода «... базируется на предположении, что виды деятельности ... взаимосвязаны между собой так, что образуют нечто целостное, его образ жизни» (Рывкина, 1979, с. 19).

Приверженцы узкого понимания образа жизни считают правильным ясное разграничение поведения от условий жизни и от сознания людей, хотя не отрицают органической связи между названными элементами образа жизни. По их мнению, условия жизни являются только предпосылкой поведения, а не самим образом жизни. Анализ первого не является анализом второго. Сознание людей также не отражает их поведения адекватно. В одном городе, в одинаковых домах и квартирах, где живут люди со сходными социально-демографическими и экономическими признаками, могут иметь место разные типы образа жизни. Дело в том, что на образ жизни влияет и «образ мышления» — отношения, понимания, ценностные ориентации, разные нормы и идеалы, то есть — сознание. На относительную самостоятельность сознания ссылаются многие советские исследователи (напр., Капустин, 1976; Переведенцев, 1975; Струмилин, Писаренко, 1974). Узкий и строго разграниченный подход находит все больше последователей.

В то же время взаимосвязь между поведением и условиями жизни, а также сознанием — несомненна. Образ жизни можно изменить только с помощью изменения условий жизни людей или влияя на их сознание. Поэтому вполне понятно, что жизнеспособным оказывается и понимание образа жизни в широком смысле. Немало социологов и философов разделяют мнение, что условия жизни и/или сознание входят в состав образа жизни.

Самое главное для дальнейших рассуждений в данной статье — понять, что «... ни условия жизни, ни сознание, ни сама

деятельность, взятые в отдельности, не выражают образ жизни..." (Ядов, 1982, с. 33). «Образ жизни – категория, выражающая устойчивые особенности деятельности социальных общностей и способов связи между особенностями их деятельности, ее условиями и образом мыслей, присущим социальным общностям» (там же). Пожалуй, одним из самых трудных вопросов эмпирических исследований и является выявление прямого и обратного влияния между элементами образа жизни.

Таким образом, затруднительно отдать предпочтение узкому или широкому подходу к образу жизни. Однако не трудно понять, что широкий подход в эмпирических исследованиях применять все же сложнее – он соответственно требует и всеохватывающих, целостных и интегрирующих концепций образа жизни. Таких концепций, к сожалению, пока еще очень мало (Vihalemm, 1981, с. 9).

Следует отметить, что элементы образа жизни (условия жизни, поведение и сознание) являются весьма универсальными составляющими социальных явлений и процессов вообще. Приведем только один пример: Н.Ф. Наумова (1979, с. 35–37), которая ищет возможности моделирования социальных процессов, выделяет: 1) показатели, переменные, описывающие состояние некоторой социальной общности (группы, института, общества как на уровне общности, так и индивида); 2) показатели, характеризующие демографическое, социальное и экономическое положения индивида, его... физическое состояние; 3) культуру как образец поведения (нормы и идеалы – наше замечание – Т.Р.); 4) индивидуальные установки; 5) наблюдаемое социальное поведение индивидов. Совпадение составляющих образа жизни у нас и социального блока у Н.Ф. Наумовой полное, если интерпретировать, что первая и вторая группы у нее образуют условия жизни; пятая и есть точно то же самое – поведение; третья и четвертая – сознание.

Из относительной универсальности трех элементов социальных явлений и процессов – условий жизни (система «человек – окружающая среда»), поведения и сознания вытекает, что при исследовании образа жизни с ними сталкиваются все соответствующие науки, в том числе и география. Обстоятельство, что география призвана изучать условия жизни, для этой науки несколько ново, но все же признается. К необходимости изучения поведения, и особенно сознания людей, географы относятся весьма осторожно и с большим сомнением, а к изучению же образа жизни – опять положительно. Но, как уже отмеча-

лось выше, не существует исследования образа жизни на уровне человека и семьи без изучения их поведения и сознания. Это хорошо понимает социогеограф А.И. Алексеев (1984) и некоторые другие географы. Однако всеобщего понимания необходимости признания поведения (кроме миграции и рекреации) и сознания как полноценных географических объектов в географии еще не существует.

2. Субъекты образа жизни

Большинство исследователей разделяет мнение, что образ жизни субъектов следует изучать на всех уровнях регуляции общества: личности, группы и общества в целом.

Самым объемным понятием является группа. «Практические нужды, — а это наиболее веский аргумент для науки, — могут выдвинуть на первый план изучение образа жизни различных групп: определенной семьи, людей какой-либо конкретной профессии или, скажем, образа жизни только что обнаруженного племени или одной народности и т.д.» (Бутенко, 1978, с. 39—40). Следовательно, образ жизни характеризует социальные, демографические, экономические, этнические, культурные, пространственные и другие подобные группы, малые (семья) и большие (слой, класс).

Типическими субъектами социологического исследования образа жизни являются слои и классы. В Финляндии образ жизни изучается по следующим подразделениям: пролетариат и буржуазия (Roos, 1977); интеллигенция, «средний класс», рабочие, крестьяне (Eskola et al., 1978), верхушка общества (B. Roos, цит. по Roos и др., 1981), маргинальные группы, старый рабочий класс, новый рабочий класс, «средний класс» (Roos, 1981).

В Советском Союзе таких резких различий между классами и слоями не существует, и видимо, поэтому главное внимание обращается на социально-профессиональные группы. Немало внимания уделяется и образу жизни этнических групп (Опыт этносоциологического..., 1980), молодежи (школьники, студенты) и т.д. Для географов, вероятно, большой интерес представляет обзор работ образа жизни по территориальным общностям. Следует оговориться, что особой разницы в данном отношении между двумя странами — Финляндией и Советским Союзом — нет.

В качестве территориальных общностей, как субъектов образа жизни, выступают государства: Финляндия и отдельные Скандинавские страны (Paasivirta, 1974); Финляндия и Польша

(Naranne, Siciński, 1978); Франция (Лейкина, Покшишевский, 1978; Покшишевский, 1981); Советский Союз в целом (см. Пути..., 1982); отдельные республики СССР: Эстонская ССР (Лауристин и др., 1975; Райтвийр, 1975, 1979); отчасти Молдавская ССР (Опыт этносоциологического..., 1980) и Латвийская ССР (Баланс..., 1976); регионы и районы СССР – часть Алтая (Кабо, 1947), Новосибирская область как представитель сельских регионов Сибири (Рывкина, 1979); часть северной Финляндии (Ljostarinen, 1982), сельские районы и их части (Menetelmä..., 1974; Paasivirta, 1974), отдельные поселения – некоторые города и деревни (см. Eskola et al., 1978; Роос и др., 1981; Suolinna, Sinikara, 1979), а также в СССР – крупнейшие города (работа проводится в Ленинграде – в ИСЭП АН СССР), новые микрорайоны крупных и крупнейших городов (работа ведется в Москве – в ЦНИИЭП жилища), разные типы поселений (Райтвийр, 1975, 1979; Рывкина, 1979; Хачатрянц, 1981 и др.); город и село (Опыт этносоциологического..., 1980), большой город, малый город, село (Must, Must, 1981).

При изучении образа жизни территориальных общностей бросается в глаза, что в Советском Союзе мало внимания уделяется сравнительным исследованиям микрорайонов города, отдельных республик или крупных регионов. «Белыми пятнами» в исследовании образа жизни являются районирование и зонирование данного явления. Причиной последнего, по-видимому, являются трудоемкость и относительно высокие материальные затраты при сборе первичной информации. Несмотря на трудности, районирование и зонирование – одна из интереснейших и перспективных областей географии образа жизни. Предпосылки данной деятельности – составление материально хорошо обеспеченных центров эмпирического территориального исследования образа жизни.

Если попытаться сравнить изученность образа жизни по территориальным общностям в Советском Союзе и Финляндии, то в первой она ниже, и первая из причин этого – огромная территория нашей страны, вторая – малая доля и сравнительно малое число эмпирических исследований в советской науке об образе жизни. Но если сравнить Эстонскую ССР с Финляндией, то, на первый взгляд, положение почти равное или даже в нашу пользу. Более точное сравнение, однако, требует специального анализа по соответствующей методике.

Выше было отмечено, что группы – наиболее распространенные субъекты эмпирических исследований образа жизни. Так

обстоит дело и в Финляндии, и в Советском Союзе. Два остальных субъекта — личность (отдельный человек) и общество — малоприменимы и в какой-то мере спорны.

В Финляндии исследование личности как субъекта имеет место, но тоже редко (Роос, 1981). Спорность исследования образа жизни личности в нашей стране состоит в цели таких исследований. В наших общественных науках (исключением является психология) в течение десятилетий изучением личностного уровня почти не занимались. Такое положение сложилось под влиянием политической и экономической ситуации в стране после революции и Второй мировой войны, когда трудовых ресурсов было достаточно, а переход на интенсивное развитие был еще далеко впереди. В таких науках как экономика и экономическая география писали и говорили о «трудящихся» или же о «населении», а «человек» оставался в стороне. В свете системного подхода закономерно, что общественные науки, в том числе и общественная география, изучают субъект деятельности на всех уровнях регуляции общества: на уровне личности (человека), группы (малой и большой) и общества. Такое рассмотрение обусловлено и требованиями сегодняшней социально-экономической ситуации в стране, где свободные трудовые ресурсы исчерпаны и вступление на интенсивный путь развития — неизбежно. Но, как известно, сознание людей, в том числе ученых — инертно, а организация науки — стойкая, поэтому и отношение к эмпирическому изучению человека меняется медленно.

Пока исследователи образа жизни «перерегулируют» свое сознание и соответственно с этим организационный, теоретический и методический аппарат, данный пробел стараются заполнить писатели, конечно, соответственно своим функциям и своими средствами.

Общество как субъект — это проблема другого вида. Необходимость изучения его является бесспорной. Проблема кроется в уровне ее рассмотрения и соответствующих уровню показателей. Здесь имеются две возможности. Во-первых, образ жизни общества (а также групп) можно изучать на индивидуальном уровне (см. Общественное..., 1982, с. 172). Опыт исследования образа жизни эстонскими учеными показал, что в такой малой республике как ЭССР данный подход является вполне подходящим (Райтвийр, 1975). Но его применение при изучении образа жизни общества крупной страны может привести к дополнительным затруднениям: существует опасность получить

такой «типический образ жизни всего населения», который не характеризует почти никого. Во-вторых, образ жизни общества изучается не на уровне человека, а сразу на уровне государства, с применением при этом совсем других показателей и методики сбора данных вообще (Левыкин и др., 1980). Но в данном случае возникает опасность получить в результате анализа не характеристику образа жизни, а общественно-экономической формации или конкретно-исторического общества. У географов данный анализ может превратиться в экономико-географическую характеристику страны.

Такая же проблема с уровнем измерения возникает и при выявлении образа жизни группы. Следует ли изучать образ жизни территориальной общности с помощью выявления образа жизни отдельных людей или же это следует делать совсем по-другому, описывая демографическую и социальную структуру, условия жизни и труда, уровень развития обслуживания и т.п. данной общности? До настоящего времени оба названных направления существуют параллельно, — и это в Советском Союзе и в Финляндии.

Для нужд улучшения географического исследования образа жизни необходимо, чтобы географы признали в качестве «своего субъекта» не только общества и группы (социальные, территориальные и др.), но и личность.

3. Методы исследования

Методы эмпирического изучения образа жизни зависят от многих обстоятельств: от развитости эмпирического направления, от того, как широко представляют себе его объект и каков субъект исследования.

В Финляндии круг используемых методов в общем шире, чем в Советском Союзе. Такое положение формировалось не только из-за большей развитости эмпирического направления, но и из-за более широкого охвата субъектов образа жизни: кроме групп, изучается образ жизни и общества, и личности.

Исследователи, которые предпочитают в качестве объекта образа жизни не поведение или поведение вместе с условиями жизни и сознанием, а условия жизни, и которые изучают данное явление на уровне группы или общества, собирают первичные данные в государственных и местных статистических органах и из соответствующих статистических сборников. На такой основе написан ряд советских и финских работ (Кабо, 1947; Menetelmä..., 1974; Paasivirta, 1974; Лейкина, Покишневский,

1978; Haranne, Siciński, 1978; Покшишевский, 1981). Опросы при составлении таких работ почти не применяют.

Исследователи, которые считают объектом образа жизни поведение (или поведение вместе с условиями жизни и сознанием) и которые изучают образ жизни группы или общества на индивидуальном уровне как в СССР, так и в Финляндии, широко применяют опрос (анкетирование, интервьюирование). Опрос отражает бюджет времени (напр., Гордон, Клопов, 1972; Roos, Roos, 1977; Eskola et al., 1978), продолжительность и режим видов деятельности (Рывкина, 1979), а также параметры другого типа: например, социальная удаленность видов деятельности от дома (Лауристин и др., 1975; Райтвийр, 1975). Кажется, что в СССР число сторонников бюджета времени как основного метода выявления образа жизни, в последние годы уменьшалось.

Как уже указано выше, выбор методов исследования зависит и от субъекта образа жизни: личность, а также группы и общество на индивидуальном уровне изучаются иными методами, чем группы и общество на соответствующих последних уровнях.

Из методов, которые в Советском Союзе еще мало или вообще не применяются при эмпирическом исследовании образа жизни, на основании одной финской работы можно отметить следующие: психологические тесты для выявления типов личности, наблюдение, изучение разных нестатистических документов: архивные материалы, материалы государственных органов (отчеты, протоколы, тексты выступлений), личные документы (письма, дневники, биографии), газеты и журналы, литературные источники; из методов сбора данных можно еще назвать анализ событий и социальные эксперименты (Roos, Roos, 1977, с. 35-47). Для анализа массовых текстов в Финляндии используется результативный метод контент-анализа. Последний применяется и в СССР, но пока еще редко.

Из всего рассмотренного следует, что советские эмпирические исследования образа жизни имеют большие методические резервы. Использование последних помогло бы увязать статистический, массовый анализ с анализом типичных событий, количественный анализ - с качественным. К этому стремятся и советские, и финские исследователи, а также и ученые других стран (Roos, Roos, 1977; Haranne, Siciński, 1978; I Finnish-Soviet..., 1978).

Проблемой для советской и, кажется, отчасти финской науки об образе жизни является односторонность сбора первичной

информации: данные собирают либо из органов и источников статистики, либо опросом людей, а не в естественном сочетании их обеих. При применении только первого метода можно получить описания не образа жизни, а предпосылок его; во втором случае – образ жизни может оторваться от его посылок. Как уже отмечено выше, это не столько проблема метода, сколько понимания образа жизни. Суть дела в том, что представители разных наук при рассмотрении образа жизни исходят из традиционных стереотипов именно своих наук. Географы являются сторонниками сбора данных из государственных органов, поскольку характеристика территориальных общностей по статистическим данным – хорошо разработанная область географии; социологи являются, конечно, сторонниками опроса, а изучение различий поселений и среды территориальных общностей вообще, выявленных по статистическим данным, как будто – не их сфера. С точки зрения результативности исследования образа жизни, было бы полезно объединить оба основных метода сбора информации. Социологи могли бы и в большей мере использовать те знания, которые уже имеются в географии. В общих интересах нужно, чтобы между названными науками существовали бы более тесные контакты.

Выводы

1. В понимании объекта и субъекта образа жизни и выбор методов его изучения в Финляндии более разнообразны, чем в Советском Союзе. Это указывает на широкие методолого-методические резервы советского эмпирического исследования образа жизни.

2. Для совершенствования географического исследования образа жизни необходимо, чтобы географ признал в качестве «своего объекта» не только условия жизни, но и остальные компоненты образа жизни – поведение и сознание людей, и собирал данные не только из государственной статистики, но и из опроса людей.

Литература

- Алексеев А.И. Жизнь населения как предмет социальной географии. – В сб.: Теоретические аспекты географии. Вопр. геогр. – М.: Мысль, 1984, вып. 123.
- Баланс времени населения Латвийской ССР. – Рига: Зинатне,

1976, ~256 с.

Бутенко А.П. Образ жизни: содержание, проблемы и нерешенные вопросы. - *Вопр. филос.*, 1978, № II, 37-50.

Гордон Л.А., Клопов Э.В. Человек после работы. Социальные проблемы быта и вне рабочего времени. - М.: Наука, 1972, ~368 с.

Грушин Б.А. Социалистический образ жизни: понятие и возможные направления эмпирического исследования. - *Вопр. филос.*, 1977, № 2. 24-35.

Кабо Р.М. Высокогорные степи Чуйской долины Алтая (природа и население). - *Вопр. геогр.*, ОГИЗ, 1947, сб. 5, 67-125.

Капустин Е.М. Социалистический образ жизни. Экономический аспект. - М.: Мысль, 1976, 301 с.

Лауристин М., Круусвади Ю., Райтвийр Т. Региональное социологическое исследование образа жизни (опыт социологов Тартуского университета). - В кн.: *Планирование социального развития города*. М., 1975, вып. 2, 154-175.

Левыкин И.Т., Дридзе Т.М., Орлова Э.А., Рейзема Я.В. Вопросы конкретного социологического исследования основных тенденций развития образа жизни в социалистическом обществе (Концепция, понятийный аппарат и методы исследования). - В кн.: *Состояние и основные тенденции развития советского образа жизни*. - М.: ИСИ, ССА, 1980, 6-129.

Лейкина К.С., Покшишевский В.В. География образа жизни как особое направление экономико-географического страноведения. - *Изв. АН СССР, Сер. геогр.*, 1978, № 2, 136-150.

Наумова Н.Ф. Принципы построения социального блока. Возможности и ограничения. - В кн.: *Социологические аспекты глобального моделирования*. - М.: ВНИИСИ, 1979, 34-49.

Общественное развитие и научно-техническая революция. Очерки методологии исследования. / Под ред. Леймана И.И. - Л.: Наука, 1972. - 268 с.

Опыт этносоциологического исследования образа жизни (по материалам Молдавской ССР). М.: Наука, 1980. - 270 с.

Покшишевский В.В. Образ страны и образ жизни. - Страноведение: состояние и задачи. *Вопр. геогр.* - М.: Мысль, 1981, сб. II6, 50-59.

- Райтвийр Т.В. Социогеографическое исследование образа жизни и его элементов (на примере Эстонской ССР). Автореф. дис. канд. геогр. наук. Тарту, 1975. - 37 с.
- Райтвийр Т. Социогеографическое исследование образа жизни и его элементов (на примере Эстонской ССР). Таллин, ТПИ, 1979, -100 с.
- Роос Дж.П. Типология образа жизни. - Социологические исследования, 1981, № 4, 185-190.
- Рывкина Р.В. Образ жизни сельского населения (методология, методика и результаты изучения социально-экономических аспектов жизнедеятельности). Новосибирск: Наука, 1979, 352 с.
- Струмилин С.Г., Писаренко Э.Е. Социалистический образ жизни: методология исследования. - Вopr. филос., 1974, № 2, 27-38.
- Хачатрянц К.К. Жилище и образ жизни: перспективные проблемы. - Строительство и архитектура Белоруссии. 1981, № 4, 12-14.
- Ядов В.А. Социалистический образ жизни и условия формирования личности. - В сб.: Эффективность жилой среды в условиях городского образа жизни ("Ленинград-2000"). Материалы научно-теоретического совещания. Л., 1978, 3-7.
- Ядов В.А. Образ жизни социальных общностей и стиль жизни индивидов. - В сб.: Социалистический образ жизни. Таллин:ТПИ, 1982, вып. 2, 33-38.
- I Finnish-Soviet symposium of sociology. Helsinki. 24-25 January, 1978. Publications of the Finnish-Soviet Committee on Scientific-Technological Cooperation, 1980, No. 6.
- Eskola K., Kortteinen M., Roos J.P. The way of life and cultural activities in the Finnish family. The Finnish pilot report on the project "Directions and tendencies of cultural development in modern society and integration of national cultures". 1978, 107 pp.
- Haranne M., Siciński A. Changes of life style in Finland and Poland. - Research project on "The way of life in social change". Research Reports, 1978, No. 3, 39 pp.
- Luostarinen M. A social geography of hydro-electric power projects in northern Finland. Personal spatial, in the face of environmental changes. - Acta Univ. Oul. A. No.

130. Geography, 7. Oulu, 1982, 81. p.
- Menetelmä haja-asutusalueiden luokitteluksi elämisen laadun kannalta. Tiivistelmä. Helsinki. Seutusuuinnittelu keskusliitto. 1974, 50 p.
- Must A., Must O. Opilaste elulaad. - Elulaad ja elukeskkond.-Tallinn; Eesti Raamat, 1981, lk.114-147.
- Paasivirta A. Elämisen laatu ja aluepreferenssit aluepoliitikan kannalta. Valtioneuvoston kanslia, 1974, 186 p.
- Roos J.P. Comparative analysis of the way of life. An attempt, at a typology. Research Reports, 1977, No. 1, 32 p.
- Roos J.P. Elämäntapojen tyypeistä elämäkertojen valossa.- Sosiologia, 1981, No.4, p.297-306.
- Roos J.P., Ahponen P., Järvelä-Hartikainen M., Kortteinen M., Roos B. Elämäntavan muutoksen tutkimusprojektin loppuraportti. Kertomus projektin toiminnasta, organisaatiosta, tuloksista ja hyväksikäytettävyydestä.-Julkaisuja, 1981, No. 12, 66 p.
- Roos J.P., Roos B. The way of life in social change. A comparative study. A revised research plan for the years 1977-1980. Working papers, 1977, No. 1, 66 p.
- Suolinna K., Sinikara K. Talonpoikaisen elämänuoden muuttuminen Pohjoissuomalaisessa kylässä. - Sosiologia, 1979, No.4, p.296-305.
- Vihalemm P. Elulaadi mõistest ja empiirilisest uurimisest. - Elulaad ja elukeskkond. Tallinn. Eesti Raamat, 1981, lk.5-17.

Empirical Research into the Way of Life in the Soviet Union and Finland: Objects, Subjects and Methods.

T. Raitviir

S u m m a r y

The objects (components), subjects and methods of the way of life form interrelated systems. The objects (components) of the way of life may be (1) living conditions, (2) behaviour (the way of life in its narrow meaning), (3) behaviour together with living conditions and consciousness (the way of life in its wide meaning), and (4) consciousness. The treatment of living conditions as the main indicator of

the way of life is characteristic of the geographical regional-exploratory approach. Respective investigations have been conducted both in Finland and the Soviet Union. Nevertheless, leading Soviet researchers of the way of life (philosophers, sociologists) have even not noticed the existence of such a concept of the object of the way of life. Consciousness as the sole object of the way of life is accepted in Finland, but not in the Soviet Union. In both countries research into the way of life through behaviour is predominant, investigations involving all the components of the way of life are not so widespread.

The subjects of the way of life are an individual, a group and the society as a whole. Both in this country and in Finland a group (small, big) is the prevailing subject. Investigations of the whole society are of smaller importance. The way of life of an individual has not been studied in the Soviet Union, but in Finland this approach is represented. The paper gives a survey of the studies of different territorial communities in the Soviet Union and Finland. The predominant methods of the collection of empirical material are questionnaires and data acquisition from statistical offices and collections.

It must be acknowledged that the treatment of the object and subject of the way of life as well as the choice of research methods are considerably more variegated in Finland than in the Soviet Union. Consequently, there are certain methodological reserves for the research into the way of life in this country.

To promote geographical research into the way of life it is necessary that geographers should consider not only living conditions but also other components of the way of life - behaviour and consciousness - as their "own objects". and obtain data not only from national statistics but also by means of questioning.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<u>С. Лавров</u> . Балтийское море и Балтийский регион	3
<u>В. Анненков</u> . Территориальная организация общественного воспроизводства и направления ее исследования	10
<u>П. Юли-Йокипи</u> . Вклад географов в изучение проблем регионального развития в Финляндии	42
<u>К. Риккинен</u> . Городские системы вокруг Балтики	43
<u>А.ф. Кэнель, Х. Узбек</u> . Урбанизация и система расселения в северных округах ГДР	55
<u>Д. Шиманьска</u> . Применение метода ближайшего соседства для анализа сети городского расселения Польши	69
<u>Ю. Тарвел</u> . Урбанизация в Финляндии в 1970-ые годы	79
<u>А. Марксоо</u> . Тенденции развития трудовой маятниковой миграции при углублении урбанизации	89
<u>А. Марксоо</u> . Сравнительная характеристика социально-демографического состава встречных потоков трудовой маятниковой миграции	113
<u>М. Мацка, П. Халуца</u> . Потенциал рабочей силы на областном уровне	124
<u>Т. Райтвийр</u> . Эмпирические исследования образа жизни в Советском Союзе и Финляндии: тенденции и проблемы	134
<u>Т. Райтвийр</u> . Эмпирические исследования образа жизни в Советском Союзе и Финляндии: объекты, субъекты, методы	153

Contents

	Page
<u>S. Lavrov</u>	The Baltic-sea and region 9
<u>V. Annenkov</u>	The territorial organization of the social reproduction and lines of re- search into it 24
<u>P. Yli-Jokipii</u>	Problems of regional development in Finland - geographer's contributions 25
<u>K. Rikkinen</u>	The Baltic's urban systems 53
<u>A. v. Känel, H. Usbeck</u>	The urbanization and settle- ment systems in northern districts of the G.D.R. 68
<u>D. Szimanska</u>	The nearest neighbour method and its application to the analysis of the pattern of settlement in Poland 78
<u>J. Tarvel</u>	The urbanization process of 1970's in Finland 87
<u>A. Marksoo</u>	Trends in labor commuting at an ad- vanced stage of urbanization 110
<u>A. Marksoo</u>	The comparative characterization of the socio-demographic composition of the opposite streams in labour com- muting 122
<u>M. Macka, P. Chalupa</u>	The manpower potential of an employment region 133
<u>T. Raitviir</u>	Empirical research into the way of life in the Soviet Union and Finland: trends and problems 151
<u>T. Raitviir</u>	Empirical research into the way of life in the Soviet Union and Finland: objects, subjects and methods 164

Ученые записки Тартуского государственного университета.
Выпуск 681.
БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН: ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ.
Труды по географии.
На русском и английском языках.
Резюме на английском и русском языках.
Тартуский государственный университет.
ЗССР, 202400, г.Тарту, ул.Пилсоны, 14.
Ответственный редактор У. Праги.
Корректоры Л. Оноприенко, П. Раямяэ.
Подписано к печати 25.07.1984.
МБ 08049.
Формат 60х90/16.
Бумага писчая.
Машинопись. Ротапринт.
Учетно-издательских листов 9,94.
Печатных листов 10,5.
Тираж 400.
Заказ № 784.
Цена 1 руб. 50 коп.
Типография ТТУ, ЗССР, 202400, г.Тарту, ул.Пилсона, 14.